

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Воробьева Юлия Владимировна

**Секьюритизация всемирного культурного наследия
(на примере деятельности Итальянской Республики)**

Специальность 23.00.04 - Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Гаврилова Светлана Михайловна

Москва

2021

Содержание

Введение.....	3
I. Концептуальные основы секьюритизации всемирного культурного наследия	
1.1 Место теории секьюритизации в исследованиях международной безопасности.....	21
1.2 Всемирное культурное наследие как объект безопасности.....	32
1.3 Предпосылки секьюритизации всемирного культурного наследия.....	46
II. Основные этапы секьюритизации всемирного культурного наследия	
2.1 Разрушение Бамианских Будд (Афганистан) как первый этап секьюритизации всемирного культурного наследия.....	61
2.2 Разрушение мавзолеев Тимбукту (Мали) как второй этап секьюритизации всемирного культурного наследия.....	70
2.3 Разрушение культурного наследия Ирака и Сирии как третий этап секьюритизации всемирного культурного наследия.....	76
III. Итальянская Республика как актор секьюритизации всемирного культурного наследия	
3.1 Классификация акторов процесса секьюритизации всемирного культурного наследия.....	88
3.2 Роль Италии в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия.....	103
3.3 Пределы и альтернативы секьюритизации всемирного культурного наследия.....	117
Заключение.....	131
Список использованных источников и литературы.....	142

Введение

Актуальность настоящего диссертационного исследования имеет несколько аспектов. Во-первых, широкомасштабное разрушение и разграбление террористическими группировками объектов всемирного культурно-исторического и религиозного наследия, начавшее в новом тысячелетии, запустило процесс секьюритизации всемирного наследия. Под уничтожением всемирного культурного наследия в данной исследовательской работе понимается систематическое и преднамеренное разрушение и разграбление объектов культурного, археологического и природного наследия террористическими силами с целью достижения политических целей и извлечения экономических выгод.

Разрушение объектов коллективной идентичности и общечеловеческой ценности является компонентом хорошо продуманной военно-политической стратегии террористов по захвату и удержанию власти и происходит как срежиссированная постановка, имеющая целью оказать психологическое давление на мировую общественность и вызвать как можно более широкий международный резонанс. Изменение характера угроз всемирному культурному наследию человечества спровоцировало процесс секьюритизации в контексте поиска государствами и международными организациями адекватных и действенных ответов на эти угрозы.

Вместе с тем процесс секьюритизации используется для легитимации экстренных и чрезвычайных мер, которые служат скорее достижению целей акторов секьюритизации, а не решению проблемы. Возможное расширение концепции «ответственности по защите» на защиту всемирного культурного наследия находится в русле тенденции к размыванию государственного суверенитета. В связи с этим представляется важным исследовать пределы и ограничения секьюритизации всемирного культурного наследия и возможные альтернативы этому процессу.

Во-вторых, опыт Итальянской Республики в сфере защиты объектов культурного наследия высоко оценивается международным сообществом,

кроме того, Италия выступает одним из лидеров процесса секьюритизации всемирного культурного наследия, в связи с чем представляет интерес изучение влияния деятельности этого государства в процессе секьюритизации на международную безопасность.

В-третьих, анализ проблем безопасности на примере защиты культурных ценностей с точки зрения теории секьюритизации поможет увидеть, предлагает ли конструктивистский подход концептуально новые положения при исследовании вопросов международной безопасности, которые могут помочь при выработке грамотной государственной политики.

Объектом исследования является процесс секьюритизации всемирного культурного наследия.

Предметом исследования являются особенности процесса секьюритизации всемирного культурного наследия и деятельность различных акторов, участвующих в данном процессе (на примере Итальянской Республики).

Официальные документы и источники

Комплекс официальных документов и источников, на которые опирался диссертант, составили:

- Международные и региональные конвенции по защите культурного наследия и по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей: Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта от 14 мая 1954 г. (с Протоколами I и II от 1954 и 1999 гг.), Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Европейская конвенция по культуре от 19 декабря 1954 г., Европейская конвенция об охране археологического наследия от 16 января 1992 г., Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные

ценности от 14 ноября 1970 г., Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. и др¹.

- Официальные документы ООН: Устав ООН 1945 г.; Резолюция Совета Безопасности ООН 2199 от 12 февраля 2015 г.; Резолюция Совета Безопасности ООН 2322 от 12 декабря 2016 г.; Резолюция Совета Безопасности ООН 2347 от 24 марта 2017 г.; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 69/281 от 28 мая 2015 г. и др².

- Законодательство Итальянской Республики, регламентирующее политику государства в сфере культуры: Конституция Итальянской Республики 1947 г., План работы МИД Италии на 2017-2019 гг.; Декрет о культурном и природном наследии 2004 г. (с изменениями 2008 г.); Декрет о культурном наследии 2008 г.; Закон об археологическом наследии 2005 г. и др³.

¹Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900836> (дата обращения: 19.05. 2019); Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2559122/> (дата обращения: 19.05. 2019); Европейская конвенция по культуре от 19 декабря 1954 г. – Режим доступа: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/zakon/rub-01/evrop_kultur_konven.htm (дата обращения: 19.05. 2019); Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) от 16 января 1992 г. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/535912684.pdf> (дата обращения: 19.05. 2019); Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. – Режим доступа: <http://www.nhpfund.ru/world-heritage/convention.html> (дата обращения: 19.05. 2019); Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 19.05. 2019).

² Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 20.05.2019); Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) (дата обращения: 03.04.2019); Резолюция 2347 (2017) Совета Безопасности ООН от 24 марта 2017 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2017.shtml> (дата обращения: 30.06.2018); Резолюция A/RES/69/281 Генеральной Ассамблеи ООН от 28 мая 2015 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/281> (дата обращения: 17.02.2019).

³Costituzione della Repubblica Italiana. – Режим доступа: <https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf> (дата обращения: 19.05. 2019); Piano della performance 2017-2019. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione

Степень научной разработанности темы исследования

В исследовании секьюритизации всемирного культурного наследия и роли Италии в этом процессе диссертант в первую очередь опирался на труды ученых Дипломатической академии МИД России. В осмыслении глобальных тенденций международных отношений, общего контекста современности и проблем международной безопасности неоценимую помощь оказали работы Бажанова Е.П., Бажановой Н.Е., Закаурцевой Т.А., Жильцова С.С., Иванова О.П., Карповича О.Г., Кукарцевой (Гласер) М.А., Зверевой Т.В., Мозель Т.Н., Мустафабейли А.М., Неймарка М.А., Штоля В.В., Шутова А.Д. и др⁴. Большое значение для работы имеют коллективные

Internazionale dell'Italia – Режим доступа: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/03/piano_della_performance_maeci_2017_2019.pdf (дата обращения: 19.05. 2019); Heritage and Landscape Code (Leg Decree 42/2004) (amended up to 2008) – Режим доступа: <https://www.eui.eu/Projects/InternationalArtHeritageLaw/Documents/NationalLegislation/Italy/codice2008.pdf> (дата обращения: 19.05. 2019); Leg. Decree 62/2008 on cultural heritage. – Режим доступа: <https://www.eui.eu/Projects/InternationalArtHeritageLaw/Documents/NationalLegislation/Italy/decretolegislativo26marzo200862.pdf> (дата обращения: 19.05. 2019); Law 109/2005 on archaeological heritage – Режим доступа: <https://www.eui.eu/Projects/InternationalArtHeritageLaw/Documents/NationalLegislation/Italy/legge1092005.pdf> (дата обращения: 19.05. 2019).

⁴Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир. 2013; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: Восток-Запад. 2011; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010; Гласер М.А., Сурма И.В. Rationality in political discourse: modifications of the latter as triggers and drivers of the world politics // Tamkang Journal of International Affairs. 2017. Т. 21. № 2. С. 1-55.; Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект пресс. 2016; Жильцов С.С. «Мягкая сила» в мировой политике // Современная Европа. 2018. № 2(81). С. 152-156.; Закаурцева Т.А. (гл. ред.). Вопросы теории и истории международных отношений. М.: Дипломатическая академия МИД России. 2010; Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №8. С. 56-66; Зверева Т.В. Миграционный кризис ЕС и его последствия // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. №1-2. С. 39-43; Иванов О.П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов // Россия и мир. №3. 2016. С. 30–48; Карпович О.Г., Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Политика России и США в области противодействия международному терроризму. М., 2019; Карпович О.Г. Информационные войны в политике и конкуренции современных государств // Информационные войны. 2017. Т. 4. №44. С. 2-8; Карпович О.Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений // Международные отношения. 2017. № 3. С. 119-128; Кукарцева М.А. Историческая память, историческая культура и формирование социокультурной идентичности // Диалог культур в условиях глобализации. Бакинский форум. М.: Канон+. 2012. С. 357–361; Кукарцева М.А. Грановская М.В. Фантазия и

монографии ученых Дипломатической Академии МИД России, такие как «XXI век: перекрестки мировой политики», «Современный мир и геополитика», «Россия и современный мир» и «Мировая политика в фокусе современности»⁵.

Среди работ отечественных исследователей, посвященных общим проблемам формирования и реализации внешнеполитического курса Евросоюза и Италии, в диссертации использовались труды Зоной Т.В., Арбатовой Н.К., Любина В.П., Масловой Е.А., Барабанова О.Н., Табаринцевой-Романовой К.М., Холодковского К.Г., Громыко А.А., Закаурцевой Т.А., Гавриловой С.М.⁶

реальность в политическом мышлении современной Европы // Власть. 2016. №7. С. 144-148; Кукарцева М.А. Рациональность и коммуникация // Государственное управление. 2016. №55. С. 150–169; Мустафабейли А.М. «Мягкая сила» в борьбе с террором // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №2. С. 26-40; Мозель Т.Н. Теоретические основы международных отношений. М., Научная книга. 2000; Неймарк М.А. «Мягкая сила в мировой политике». М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2017; Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля // Обозреватель-Observer. 2016. №1. С. 31-42; Неймарк М.А. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике // Обозреватель-Observer. 2016. №2. С.67-77; Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка» – Москва: ОГИ. 2010; Шутов А.Д. На руинах великой державы или Агония власти (1991- 2003 гг.). – М.: Вече, 2004.

⁵XXI век: перекрестки мировой политики / Под ред. М.А. Неймарка. М.: Канон+. 2014; Современный мир и геополитика / Под ред. М.А. Неймарка. М.: Канон+. 2015; Россия и современный мир / Под ред. М.А. Неймарка. Москва: Канон+. 2016; Мировая политика в фокусе современности / Под ред. М.А. Неймарка. М.: Дашков и К°, 2018.

⁶Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36-52; Арбатова Н.К. Будущее европейкой интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 57-65; Арбатова Н.К. Италия // В сборнике: ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран // Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 2016. С. 36-40; Арбатова Н.К. Европеизм и атлантизм как две опоры внешней политики Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №3. С. 28-38; Барабанов О.Н. Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М.: МГИМО (Университет); РОССПЭН. 2002; Барабанов О.Н. Эволюция регионов Италии как акторов мировой политики // Полис. 2005. №4. С.99-108; Барабанов О.Н. Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь мир. 2011. С. 135-161; Барабанов О.Н. Италия в контексте евроинтеграционных процессов // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь мир. 2011. С. 215-243; Барабанов О.Н. Тенденции развития региональной политики Италии // Вестник МГИМО. 2012. №1 (22). С. 61-67; Гаврилова С.М., Закаурцева Т.А. Культурно-социальная

Особое внимание уделялось исследованиям и аналитическим докладам ведущих научных сотрудников Института Европы РАН⁷, Института мировой

интеграция мигрантов в Европейском союзе // *Международная жизнь*. 2016. № 8. С. 99-114; Гаврилова С.М. Россия и Италия: положительный опыт сотрудничества // *Современная политика и международные отношения. Сборник статей / Под общей ред. М.А. Кукарцевой, М.В. Грановской.* – Москва: «Канон+», 2016. С. 118-124.; Гаврилова С.М. Пятая Республика и политика разрядки // *Международная жизнь*. 2016. № 10. С. 176-179; Гаврилова С.М. Российско-итальянские отношения на рубеже XX - XXI веков // *Новая и Новейшая история*. 2017. № 1. С. 206-217; Гаврилова С.М. Политика Италии на Ближнем Востоке и в Северной Африке // *Актуальные проблемы международных отношений XXI века. Материалы международной конференции*. 2017. С. 261-274; Гаврилова С.М. Российско-итальянский диалог в эпоху перемен // *Дипломатическая служба*. 2017. № 2(71). С. 11-21; Громыко А.А. Об особняке Берга и советско-итальянских отношениях в воспоминаниях А.А. Громыко // *1918-2018 Век истории в особняке Берга / Под ред. Р. Алонци, Е.А. Масловой.* – М.: Посольство Италии в Москве, Институт Европы РАН. М., 2019. С. 290-295; Громыко, А.А. Европа XXI века. Новые вызовы и риски / А.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Фёдоров и др. М.; СПб.: Нестор-История, 2017; Громыко А.А. О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017; Громыко, А.А. Безопасность через сотрудничество: истинный смысл // *Международная жизнь: Ежемесячный журнал: Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности*. 2011. № 7. С. 24 – 26; Зонова Т.В. Дипломатическая служба Италии / *Дипломатическая служба зарубежных стран // Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова.* М.: Аспект-Пресс, 2018. С.79-97; Зонова Т.В. Партийная система Италии // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. №2. С. 156-176; Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: *Международные отношения*. 2016; Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // *Научный диалог*. 2015. Т.1. № 37. С. 130-138; Любин В.П. Политическая и историческая культура: перемены последнего двадцатилетия // *На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоновой.* М.: *Весь мир*. 2011. С. 69-81.; Любин В.П. Беппе Грилло и «Движение пяти звезд» как феномен итальянской политики // *Италия в начале XXI века (сборник статей по итогам конференции) / Отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин.* М.: ИМЭМО РАН. 2015. С. 43-51; Маслова Е.А. Внешняя политика Италии: (1994–2011 гг.): монография / Е.А.Маслова; под ред. Т.В.Зоновой. М.: МГИМО-Университет, 2018; Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Vol. 10. № 1. С. 141-157; Табаринцева-Романова К.М. Культура и образование ЕС: «Эволюция, а не революция» // *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2019. № 94. С. 64-67; Табаринцева-Романова К.М. Культурная политика и дипломатия Европейского союза. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018; Холодковский К.Г. Партийно-парламентская система первой республики в Италии: историческая обусловленность и кризис // *Эволюция политических институтов на Западе: сб. статей.* М.: ИМЭМО. 1999. С. 4-16.

⁷Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы // отв. ред. Е.А. Маслова. ДИЕ РАН. № 349. М., 2018.; Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I. // Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. ДИЕ РАН. № 340. М., 2017; Италия: от Второй Республики к Третьей? // Под ред. Е.А. Масловой. ДИЕ РАН. № 316. М., 2015; Алексеенкова Е.С. Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. №1 (7). 2019; Алексеенкова Е.С. «Via della seta»: Италия присоединилась к «Инициативе пояса и пути» КНР // *Аналитические записки ИЕ РАН*. №7 (158). 2019.

экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН⁸, Российского совета по международным делам (РСМД)⁹, экспертов международного дискуссионного клуба «Валдай»¹⁰, а также Института международных отношений (Istituto Affari Internazionali)¹¹, Демос и Пи (Demos & Pi)¹² и Института исследований международной политики (ISPI)¹³.

В рассмотрении теории секьюритизации диссертант опирался на работы исследователей Копенгагенской школы безопасности Б. Бузана, О. Вейвера, Т. Бальзака и др¹⁴.

⁸Холодковский К. Провал конституционной реформы в Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 41-47; Авилова А. Италия: время перемен // Год планеты. 2018. С. 234-249; Авилова А. Италия на пороге ЕС: выйти или остаться? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 132-149; Семененко И. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С.16-32.

⁹Шогунц А. Между Италией и Евросоюзом растут противоречия // 18 мая 2020. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/mezhdu-italiey-i-evrosoyuzom-rastut-protivorechiya/?sphrase_id=37788755 (дата обращения 30.05.2020); Разов С. Считаем Италию приоритетным партнёром // 24 апреля 2020. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/schitaem-italiyu-prioritetnym-partnyerom/?sphrase_id=37788755 (дата обращения 30.05.2020).

¹⁰Сапир Ж. Евро против Европы // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: 2017; Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века // Валдайская записка №105. 2019; Сала Д. В. Италия – новый проблемный ребёнок ЕС? – 08.02.2019 – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/italiya-problemnyy-rebyenok-es/> (дата обращения 30.05.2020).

¹¹Gallinella G. I Caschi blu della cultura. Il ruolo italiano nel peacekeeping culturale // Documenti IAI. 2017 –Режим доступа: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1715.pdf> (дата обращения 30.05.2020); Pietz T., Schmidtke M. EU CSDP Missions and the Protection of Cultural Heritage // IAI Commentaries. 2019. – Режим доступа: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1963.pdf> (дата обращения 30.05.2020).

¹²XI Rapporto sulla sicurezza in Italia e in Europa // Demos & Pi. Febbraio 2019. – Режим доступа: http://www.demos.it/2019/pdf/49772019_rapporto_sicurezza_demos_unipolis.pdf (дата обращения 30.05.2020).

¹³Monitoraggio della sicurezza energetica italiana ed europea, n.28 // Pubblicazioni per il Parlamento e il Ministero degli Affari Esteri. Osservatorio di politica internazionale / a cura dell'Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. 2017. – Режим доступа: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/monitoraggio-della-sicurezza-energetica-italiana-ed-europea-n28-16554> (дата обращения 30.05.2020); Europe in Identity Crisis: The Future of the EU in the Age of Nationalism // ISPI Report. December 2019. – Режим доступа: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispieuropecrisis_web3_1_1.pdf (дата обращения 30.05.2020).

¹⁴Buzan B., Waever O., Wilde J. D. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998; Waever O. Securitization and Desecuritization // Lipschutz, Ronnie D. On security. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46-86.; Waever, O. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on postsovereign security orders in

Среди российских ученых, которые занимаются изучением вопросов секьюритизации и культурной безопасности, следует выделить Романову А.П., Маталаеву Ф.Э, Бартенева В.И. и др¹⁵. Особенности формирования образа врага в исследованиях Копенгагенской школы и способы контроля над процессами секьюритизации освещены в статье Акопова С.В. и Прошиной Е.М¹⁶. Морозов В.Е. дает комплексную оценку сильных и слабых сторон теории секьюритизации и десекуритизации и потенциальные угрозы их применения¹⁷.

Якушина О. анализирует теорию секьюритизации и изучает, каким образом лингвистическая теория речевых актов была применена в исследованиях Копенгагенской школы¹⁸.

Вопрос секьюритизации всемирного культурного наследия и участия Италии в данном процессе раскрыт в работах итальянских ученых, таких как П. Форадори, С. Джусты, П. Роза, А. Д. Ламоника и А. Руссо¹⁹. В российской

International relations theory and the politics of European integration: power, security, and community // Kelstrup, Morten, Williams, Michael C. London, New York: Routledge. 2000; Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // The European Journal of International Relations. 2005. Vol.11. №2. P.171-201; Balzacq T. The Policy Tools of Securitization: Information Exchange, EU Foreign and Interior Policies. JCMS: Journal of Common Market Studies. 2008. Vol. 46. № 1. P. 75-100.

¹⁵Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография / А. П. Романова и др. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2017. 356 с.; Маталаева Ф. Э. Секьюритизация международной миграции в Европе // Обозреватель/Observer. 2017. № 2 (325). С. 45–57.; В.И. Бартенев. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса. Вестник международных организаций. 2011. № 3 (34). С. 37-50.

¹⁶Акопов С. В., Прошина Е. М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных» // Власть. 2011. № 1. С. 89 - 92.

¹⁷Морозов В. Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24-35.

¹⁸Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1> (дата обращения: 17.12.2019).

¹⁹Foradori P. Cops in Foreign Lands: Italy's Role in International Policing // Journal International Peacekeeping. 2018. Vol. 25. № 4. P. 497-527; Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // Global Change, Peace & Security. 2017. Vol. 29. № 2. P. 145-160; Foradori, P. Protecting cultural heritage during armed conflict: The Italian contribution to 'cultural peacekeeping' // Modern Italy. 2017. Vol. 22. № 1. P. 1-17; Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2019. Vol. 25. № 7. P. 843-857; Foradori P., Giusti S., Lamonica

науке проблема защиты культурных ценностей с точки зрения секьюритизации не рассматривалась. Данная диссертационная работа восполняет этот пробел.

В исследовании диссертант также опирался на труды зарубежных ученых, посвященных взаимосвязи культурного наследия, коллективной идентичности с особенностями современных международных конфликтов. Среди них: Д. Вьехо-Розе, М.Л.С. Соренсен, К. Гоулдинг, Б. Грехэм, Д. Ловенталь, С. ван дер Аювера, Г.Эшворт, Дж. Танбридж др²⁰.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности процесса секьюритизации всемирного культурного наследия и роль Итальянской Республики в этом процессе.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить особенности всемирного культурного наследия как объекта безопасности.
2. Определить предпосылки секьюритизации всемирного культурного наследия.
3. Выделить основные этапы процесса секьюритизации всемирного культурного наследия.
4. Классифицировать акторов секьюритизации всемирного культурного наследия по их вкладу в изучаемый процесс.

A.G. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom // The International Spectator. 2018. Vol. 50. № 3. P. 86-101.

²⁰Viejo-Rose D., Sorensen M.L.S. Cultural Heritage and Conflict: new questions for an old relationship / E. Waterton, S. Watson (eds.) // A Companion to Contemporary Heritage Research. 2015. Basingstoke & NY: Palgrave Macmillan. P. 281-296; Goulding C., Domic D. Heritage, identity and ideological manipulation: The case of Croatia // Annals of Tourism Research. 2009. Vol.36. №1. P. 85-102.; Graham B., Howard P. Heritage and Identity // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P.1-15; Lowenthal D. Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.; Van der Auwera, S. Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework // Journal of Conflict Archaeology. 2012. Vol. 7. № 1. P. 49-65; Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. Pluralizing Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies. London: Pluto Press, 2007.

5. Систематизировать инициативы Итальянской Республики по защите культурных ценностей и определить их влияние на процесс секьюритизации всемирного культурного наследия.

6. Выявить пределы и альтернативы процесса секьюритизации всемирного культурного наследия.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что данная проблематика является малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной науке. Впервые в отечественной науке предпринята попытка рассмотрения деятельности Италии в сфере защиты культурного наследия с точки зрения теории секьюритизации.

В диссертационной работе:

1. Дается авторское определение «секьюритизации всемирного культурного наследия».

2. Выявлены особенности всемирного культурного наследия как объекта безопасности.

3. Выявлены предпосылки секьюритизации всемирного культурного наследия, к которым были отнесены стадия криминализации международно-правового режима защиты культурных ценностей, а также этап сильной политизации концепции всемирного культурного наследия.

4. Предложен авторский вариант периодизации секьюритизации всемирного культурного наследия, выделены три основных этапа и дана характеристика каждого из этапов.

5. Определен круг главных и второстепенных акторов секьюритизации всемирного культурного наследия. Выявлено, что секьюритизация началась и консолидировалась в рамках международных организаций, которые являются главными акторами этого процесса, среди которых необходимо выделить прежде всего ЮНЕСКО, при помощи функциональных акторов, таких как искусствоведы, археологи, кураторы, СМИ, академические круги. Государства в процессе секьюритизации являются вторичными акторами, самые активные из которых – Италия, Франция, Россия.

6. Систематизированы инициативы Итальянской Республики по защите объектов всемирного культурного наследия. Определено, что деятельность Италии закрепляла международный секьюритизирующий всемирное культурное наследия дискурс практическими инициативами, что оказало большое влияние на ускорение процесс секьюритизации.

7. Выявлены пределы секьюритизации всемирного культурного наследия и возможные альтернативы этому процессу: процесс десекуритизации, заключающийся в отказе от дискурса безопасности в отношении защиты культурных ценностей и поиске ответных мер, не выходящих за рамки уже созданных привычных механизмов, например, развитие и совершенствование международно-правовой базы охраны культурного наследия для возможности привлечения к ответственности лиц, совершивших противоправные деяния в отношении такого наследия не только в военное, но и в мирное время.

Гипотеза исследования: практические инициативы Итальянской Республики, направленные на закрепление вопросов защиты культурного наследия на повестке дня по обеспечению международной безопасности, ускорили процесс секьюритизации всемирного культурного наследия. Изучаемый процесс, однако, не способствует защите культурных ценностей, а наоборот, снижает уровень международной безопасности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Секьюритизация всемирного культурного наследия – это политика секьюритизирующих акторов по целенаправленному переносу вопросов защиты объектов культуры, с помощью создания секьюритизирующего международного дискурса, в основе которого лежит цель убеждения международного сообщества в наличии экзистенциальной угрозы для таких объектов, и внедрения подкрепляющих дискурс инициатив, на повестку дня по обеспечению международной безопасности для получения легитимного права на адаптацию мер, выходящих за рамки уже разработанных процедур и традиционных политических практик.

2. Секьюритизация детерминирована сменой характера угроз всемирному культурному наследию. После окончания Второй мировой войны, в ходе которой объекты культурного, религиозного и исторического наследия противника уничтожались с целью подрыва его духа и уничтожения идентичности врага, характер угроз объектам культурного наследия стал меняться: поскольку символический капитал культурного наследия является материальным выражением коллективной идентичности сообщества и активно используется в процессе интерпретации прошлого, то государства стали использовать смыслообразующий потенциал наследия для достижения политических и экономических целей, начался этап стремительной политизации наследия человечества. Процесс секьюритизации был запущен, когда террористические силы стали использовать сам факт разрушений объектов наследия как способ ведения боевых действий и политическую стратегию для того, чтобы бросить вызов международному сообществу, как способ пропаганды, вербовки новых членов и финансирования боевых действий.

3. Перенос вопросов культуры с помощью секьюритизирующего дискурса в сферу обеспечения безопасности породил появление новой парадигмы взаимодействия культуры и мировой политики, в которой культура становится на повестку дня международной безопасности как один из компонентов поддержания международного мира. Концепт всемирного культурного наследия, который до этого был связан с такими категориями, как коллективная идентичность, права человека, культурное разнообразие и устойчивое развитие, дополнился новой характеристикой. Культура и объекты, в которых она воплощается, перестают быть только инструментами для достижения политических и социально-экономических целей, элементом «мягкой силы», оформляясь в отдельное *sui generis* направление международной политики, которое связано, прежде всего, с «жесткой силой» и такими ее элементами, как разрешение конфликтов, миротворчество и

миростроительство, обеспечение безопасности, военные интервенции, борьба с международным терроризмом.

4. Деятельность Итальянской Республики внесла весомый вклад в развитие и ускорение процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. Италия одной из первых увидела тренд к сближению повесток дня ЮНЕСКО и Совета Безопасности ООН. Разработав и представив концепцию «культурного миротворчества» и создав первую в мире группу «Голубых касок культуры», Италия продолжила развитие своих инициатив в рамках Совета Безопасности ООН. Италия разработала проект Резолюции 2347 (2017), который был единогласно принят в Совете Безопасности ООН, и сыграл решающую роль в формировании нового подхода к защите культурных ценностей.

5. Принятие Советом Безопасности ООН Резолюции 2347 (2017), которая несмотря на признание связи между разрушением объектов наследия и поддержанием международной безопасности, носит рекомендательный характер и оставляет всю ответственность по защите своего наследия за государством, показало, что государства не готовы к завершению процесса секьюритизации, которая создает возможность расширения действия концепции «ответственности по защите» на вопросы защиты культурного наследия, что способствует увеличению количества поводов для вмешательства во внутренние дела государств по политическим мотивам и ослабляет государственный суверенитет. Эта обратная сторона процесса секьюритизации в целом снижает уровень международной безопасности, которую призвана обеспечивать. Кроме того, пределом секьюритизации всемирного культурного наследия является и тот факт, что секьюритизирующий дискурс и широкое распространение в СМИ видео и фотографий разрушений, имеющие целью убеждение аудитории в необходимости принятия экстренных мер, служит также террористической пропаганде и помогает вербовать в террористические организации новых членов.

Теоретико-методологической основой исследования послужило сочетание историко-политического, историко-юридического и политико-культурного подходов, которые позволяют рассмотреть становление и развитие международно-правового режима защиты и охраны культурного наследия сквозь призму политических исследований безопасности и показать особенности и причины эффективности деятельности Италии и ее подхода к изучаемой проблеме.

Диссертационная работа опирается на теорию секьюритизации представителей Копенгагенской школы безопасности Б. Бузана, О. Вейвера и Я. де Вилда.

Методологическими принципами работы стали: принцип историзма, принцип развития и принцип определенности. Для решения поставленных в работе задач диссертант использовал следующие методы:

- Историко-генетический метод предоставил возможность изучить процесс генезиса мировоззренческих позиций международного сообщества на роль и место всемирного культурного наследия в мировой политике;
- Дискурс-анализ речей акторов секьюритизации позволил проследить процесс формирования секьюритизирующего всемирное культурное наследие дискурса, выявить закономерности и соответствие построения дискурса теории секьюритизации;
- Компаративистский метод позволил диссертанту выявить положительные и негативные черты секьюритизации всемирного культурного наследия;
- Метод правового анализа документов позволил исследовать генезис международно-правовой базы защиты культурных ценностей;
- Метод системного анализа позволил представить процесс секьюритизации всемирного культурного наследия как цепь взаимосвязанных событий, каждое из которых оказывает воздействие на развитие этого процесса и позволил упорядочить инициативы в

сфере охраны и защиты культурного наследия и структурировать их таким образом, чтобы проследить объективные тенденции.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Научная задача, решению которой посвящена данная диссертация, имеет значение для развития отрасли знаний, связанной с изучением международной безопасности и гуманитарного права.

Результаты работы показали перспективы и сложности применения теории секьюритизации к анализу проблем защиты и охраны всемирного культурного наследия. Данное исследование продолжает традиции научной школы Дипломатической академии МИД России в области изучения современных тенденций мировой политики и проблем международной безопасности. Результаты работы могут быть использованы в научной деятельности, а также в учебном процессе в качестве специального курса в рамках дисциплин, посвященных международной безопасности, социокультурным основаниям политических процессов и внешней политики Итальянской Республики. Собранный эмпирический материал и его анализ могут представлять интерес для Институтов РАН и научных аналитических центров.

С практической точки зрения отдельные разделы, положения и выводы диссертации могут быть востребованы МИД России для учета выявленных тенденций в работе профильных международных организаций и при формировании внешнеполитического курса.

Апробация результатов диссертационного исследования

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Ряд выводов и положений были вынесены на обсуждение на научно-практических российских, региональных и международных конференциях и семинарах:

- ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Язык как фактор культурной дипломатии», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 7 февраля 2017 г.);

- III международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 27 апреля 2017 г.);

- международной научно-практической конференции «Итальянский язык в России: опыт сетевого взаимодействия», состоявшейся в Московском государственном лингвистическом университете (Москва, 15-17 октября 2018 г.);

- V ежегодной международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 23 ноября 2018 г.);

- международной конференции Российско-итальянского молодежного совета, в секции научного и культурного сотрудничества, состоявшейся в Государственной Думе РФ и МГИМО (У) МИД России (Москва, 15-17 декабря 2018 г.);

- международной научно-практической конференции молодых ученых «Роль международных организаций в современном мире», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 16 февраля 2019 г.);

- V международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 26 апреля 2019 г.);

- VI ежегодной международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД России (Москва, 29 ноября 2019 г.).

Публикации

Основные тезисы и положения диссертационного исследования изложены в 9 публикациях в научных изданиях, в том числе и в публикациях в журналах, входящих в Перечень рекомендуемых изданий ВАК:

1. Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Том 7. №2. С.154-170.

2. Роль Итальянской Республики в деятельности ЮНЕСКО по обеспечению культурной безопасности / В сборнике: Актуальные проблемы мировой политики. Сборник статей по материалам V ежегодной международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. Н.А. Фаустова. М.: Совет молодых ученых Дипломатической академии МИД России, 2020. – 171 с. С. 36-42.

3. Кристаллизация культурной идентичности Италии в условиях европейского миграционного кризиса // Международная жизнь. 2019. №3. С.73-86.

4. Инициатива Итальянской Республики по внедрению концепции «культурного миротворчества»: перспективы и вызовы // Научно-аналитический журнал «Вестник молодых ученых-международников». 2019. №1 (7). С.87-93.

5. Роль Итальянской Республики в развитии и укреплении международного режима защиты культурных ценностей // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. №4 (18). С. 93-110.

6. Роль культуры во внешней политике Итальянской Республики // Дипломатическая служба. 2018. №2. С. 67-72.

7. Внешняя культурная политика Италии в контексте стратегических дилемм Ф. Матарассо и Ч. Лэндри // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №3 (13). С. 65-78.

8. Роль культуры в концепции «Система Италия» – инновационной политике Итальянской Республики по продвижению страны за рубежом // Научно-аналитический журнал «Вестник молодых ученых-международников». 2017. №1. С. 85-93.

9. Политика по продвижению итальянского языка как ресурса «мягкой силы» Итальянской Республики / В сборнике «Язык как фактор культурной дипломатии» / Отв. ред. Коптелова И.Е. Дипломатическая академия МИД России. 2017. С. 37-42.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и представлена введением, тремя главами, разделенными на тематические параграфы, заключением, а также списком использованных источников и литературы.

Глава I. Концептуальные основы секьюритизации всемирного культурного наследия

1.1 Место теории секьюритизации в исследованиях международной безопасности

Проблема безопасности является одной из ключевых в теории и практике международных отношений и находится в фокусе внимания как исследователей, так и политиков. Долгое время основным противоречием в изучении международных отношений были споры между представителями канонических парадигм о том, что представляет собой этот феномен, каковы его природа и сущность, предмет и объект, и как он должен изучаться. Представители этих парадигм имели разные взгляды на место государства, природу международных отношений и проблемы обеспечения безопасности²¹. С точки зрения долгое время господствовавшей доктрины политического реализма (неореализма), безопасность тесно связана с государством и обеспечением его национальных интересов. Главным средством достижения безопасности представители реализма считают силу, а баланс сил – тем инструментом, который эту безопасность гарантирует. Саму безопасность политические реалисты понимают как отсутствие угроз, а также способность государства к защите от внешних угроз. Поскольку государство стоит в центре этой теории и является главным актором национальной и международной безопасности, то и безопасность является прежде всего военной.

После длительного периода холодной войны, когда внимание большинства исследователей было направлено только на военную безопасность, баланс ядерных вооружений и поддержание стратегической стабильности, в сфере исследований международной безопасности наметился кризис. Это было вызвано ростом в 1970-е гг. актуальности экономических

²¹Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: Канун новых «великих дебатов»? // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 66-67.

вопросов и проблем окружающей среды, начиная с 1980-х гг. и позже – проблем идентичности, а в 1990-х гг. – транснациональной преступности.

Впервые о необходимости расширения предметного поля исследований безопасности в международных отношениях ученые стали говорить еще в годы «холодной войны». В 1952 г. А. Уолферс в статье «“Национальная безопасность” как неоднозначный символ» отмечал, что безопасность – противоречивый феномен, за которым могут скрываться самые разнообразные политические программы и экономические мотивы, и выступал против упрощенных трактовок этого понятия²².

1970-1980-х гг. ознаменовались серией публичных дебатов по вопросам международной безопасности в ряде западных стран, итогом которых стали две статьи под названием «Переосмысление концепции безопасности» (Redefining Security), опубликованные в журналах «International Security» и «Foreign Affairs». Авторы статей Ричард Ульман и Джессикф Мэтьюз Такман ставили под вопрос концепцию традиционной безопасности, отмечая, что господствующие представления ведут к искаженным представлениям о международной обстановке и к игнорированию более опасных вызовов и угроз, и утверждая необходимость создания более широкой концепции безопасности с учетом экологических бедствий, ресурсных и демографических проблем, государственных переворотов и других факторов²³.

О необходимости распространения принципов сосуществования государств в военно-политической сфере на вопросы регулирования мирового хозяйства и расширения исследований безопасности за счет включения в них угроз экономического характера писал и Джозеф Най²⁴.

²²Wolfers A. "National security" as an ambiguous symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67. № 4. P. 481–484.

²³Ullman R.H. Redefining security // International Security. 1983. Vol. 8. № 1. P. 130.; Tuchman J. Redefining security // Foreign Affairs. 1989. № 68. P.163.

²⁴Nye J.S. Collective economic security // International Affairs. 1974. Vol. 50. № 4. P. 584–586.

Научный мир разделился «за» и «против» расширения концепта «безопасности» за счет включения невоенных вопросов.

Резкое увеличение количества новых, в том числе нетрадиционных, акторов на международной арене и усиление взаимозависимости между ними, а также меняющаяся роль государства, повысили уровень нестабильности системы международных отношений. Конец холодной войны и крах биполярной системы международных отношений показал, что претензии неореалистов и неолибералов на способность давать качественный прогностический анализ несостоятельны, поскольку они не только не смогли предвидеть произошедшие события, но и не выявили вероятность системной трансформации, повлиявшей на изменение структуры глобального миропорядка. Необходимость выработки ответов на новые вызовы и угрозы спровоцировали поток более узких исследований по безопасности.

Стало очевидным, что безопасность – явление многомерное, которое зависит от множества других факторов, таких как экономические показатели, терроризм, миграция, права человека, международная преступность и др. Главные темы исследований в период холодной войны – военная конфронтация Запада и Востока и гонка вооружений – потеряли свою актуальность и перестали отражать международно-политические реалии, а потому и вся теория стратегических исследований, построенная за это время, оказалась под сомнением²⁵. Такие традиционалисты, как неореалисты Ст. Уолт и Дж. Миршаймер отмечали нецелесообразность расширения предметного поля исследований безопасности, утверждая, что чрезмерное расширение спектра рассматриваемых проблем ведет к разрушению методологической цельности и единства исследования и затруднению разработки практических решений, тогда как главной целью является

²⁵Booth K. Security and emancipation // Review of International Studies. 1991. Vol.17. № 04. P. 313.

выживание, а лучшим средством – укрепление военной мощи²⁶. Вместе с тем, неизбежным образом фокус внимания стратегических аналитиков уже смещался на невоенные аспекты безопасности.

Это привело теорию международных отношений к отказу от рациональных позитивистских концепций, на смену которым пришел рефлексивизм, подвергший сомнению возможность объективного анализа мировой политики²⁷. Кроме того, ученые обратились к методам других социальных наук – политологии, социологии, философии, экономики и пр., что послужило базой для формирования широкого спектра постпозитивистских концепций, в которых особое место занял социальный конструктивизм²⁸. В то время как неореалисты подчеркивали значимость материальной структуры баланса военных сил, а марксисты – капиталистической мировой экономики, конструктивисты заявляли, что системы общих идей, верований и ценностей оказывают сильное влияние на социальные и политические действия: понимание того, как нематериальные условия формируют идентичность акторов, важно, потому что идентичности определяют интересы, а те, в свою очередь, действия²⁹.

Существует множество видов классификации конструктивизма, в связи с чем для решения задач данного исследования представляется более рациональным ориентироваться не на направления, которые можно выделить в рамках конструктивизма, а на сложившиеся исследовательские школы, занимающиеся той или иной тематикой. Среди школ, чьи научные разработки посвящены теме безопасности, принято выделять Копенгагенскую, Парижскую и Уэльскую школы.

²⁶Walt S.M. The renaissance of security studies // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol.35. № 2. P. 213.; Mearsheimer J. The false promise of international institutions // *International Security*. 1994/1995. Vol. 19. № 3. P. 12.

²⁷Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: Канун новых «великих дебатов»? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 2. С. 69.

²⁸Там же. С. 69.

²⁹*Theories of International Relations* / S. Burchill [et al.]. - London: MacMillan Press Ltd., 2005. P. 196.

Теоретические истоки Копенгагенской школы восходят к работе Б. Бузана «Люди, государства и страх», опубликованной в 1983 г., которая стала одной из наиболее значимых работ с точки зрения развития дискуссии о расширении предметного поля исследований в сфере международной безопасности в период «холодной войны»³⁰. Исследования Б. Бузана были продолжены совместно с О. Вейвером. Они критиковали государствоцентричный подход и ввели понятие секторальной безопасности, обогатив теорию помимо военного, также политическим, экологическим, экономическим и социетальным сектором³¹, в котором главной категорией выступает коллективная идентичность. Социетальное измерение безопасности, не рассматривавшееся как самостоятельная категория в первоначальной работе Б. Бузана, в дальнейшем стало центральной категорией анализа, обретая новый статус полноценного объекта безопасности. По мнению исследователей, международный порядок – это социальный конструкт, а потому безопасность – это не объективное состояние, а относительное субъективное восприятие каждым конкретным актором чего-либо как угрозы³². В этой связи представители Копенгагенской школы безопасности разработали теорию секьюритизации.

В работе «Секьюритизация и десекуритизация» О. Вейвера, а также в совместном исследовании Б. Бузана, О. Вейвера и Я. Де Вилда «Безопасность: новые рамки анализа», ученые понимают секьюритизацию как целенаправленно конструируемый секьюритизирующим актором

³⁰Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Boulder: Lynne Rienner, 1991. P. 38.

³¹Социетальная система (от лат. *societas* - общность) - система отношений и процессов, рассматриваемых на уровне общества в целом. В качестве социетальной системы рассматривают общественную формацию, включающую функциональное взаимодействие ее основных структур: экономических, социальных, идеологических и политических. Каждая из структур социетальной системы, будучи ее элементом, не только выполняет определенную функцию, но и придает этой системе в процессе взаимоотношений с другими ее структурами новое (системное) качество, несводимое к качествам ее элементов. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М, 2014. С. 418-419.

³²Buzan B., Waever O., Wilde J. D. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. P. 21-24.

дискурсивный процесс, в ходе которого при помощи функциональных акторов путем убеждения релевантной аудитории в наличии угрозы существованию референтному объекту проблема переносится на повестку дня по обеспечению безопасности и, в случае успешности секьюритизации, секьюритизирующий актор получает легитимацию на принятие безотлагательных и чрезвычайных мер, выходящих за рамки традиционного политического процесса, которые в противном случае применены бы не были³³.

Виды угроз варьируются в зависимости от исследуемого сектора и уровня анализа. Секьюритизация объекта позиционирует его или как особый политический вопрос, или выносит его за пределы политического процесса и существующих в нем норм. Таким образом, секьюритизация может быть рассмотрена как крайняя форма политизации.

По мнению авторов теории, любой вопрос можно расположить по шкале от неполитизированного (не требует вмешательства государства) через политизированный (вопрос является частью политики, требует государственного вмешательства и волнует общественность) до секьюритизированного (вопрос представлен как экзистенциальная угроза, требующая принятия неотложных мер и оправдывающая применение средств, выходящих за рамки обычных процедур политического процесса)³⁴. Однако понимание экзистенциальных угроз может разниться от актора к актору.

Как отмечают исследователи, некоторые государства склонны к секьюритизации проблем региона (Иран, Саудовская Аравия, Мьянма), другие к этому не склонны (Франция, США), одни секьюритизируют культуру (СССР, Иран), другие – нет (Великобритания, Нидерланды). Таким

³³Waeber O. Securitization and Desecuritization // On security / Lipschutz, R.D. Columbia University Press. New York.1995. – Режим доступа: <https://www.libraryofsocialscience.com/assets/pdf/Waeber-Securitization.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁴Buzan B., Waeber O., Wilde J.D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P.25.

образом, не обязательно, чтобы экзистенциальная угроза на самом деле угрожала объекту: достаточно того, что секьюритизирующий актор представляет ситуацию именно таким образом. То есть точной дефиницией и критерием секьюритизации является субъективно установленная экзистенциальная угроза для особо значимого для каждого конкретного актора объекта с целью получения значительного политического эффекта³⁵.

Согласно теории секьюритизации, способ анализа этого процесса – изучение политического дискурса. Дискурс, который представляет что-либо как экзистенциальную угрозу для значимого объекта, не создает сам по себе секьюритизацию. Он представляет собой секьюритизирующий шаг или акт секьюритизации. Объект считается секьюритизированным только в том случае, если аудитория недвусмысленно соглашается с тем, что объект в опасности, и легитимирует адаптацию экстренных мер или нарушение существующих правил. В дискурсе безопасности проблему драматизируют и представляют как приоритетный вопрос: навешивая ярлык «безопасности», актор апеллирует к необходимости чрезвычайных мер и таким образом получает право решать вопрос с нарушением установленных правил. По мнению авторов теории, не нужно оценивать реальность угрозы, которая нависла над тем или иным объектом. Суть в том, чтобы понять процесс конструирования общего, всеми разделяемого понимания того, что можно считать угрозой референтному объекту и на что необходимо дать коллективный ответ. Так, процесс секьюритизации предстает как последовательность речевых актов. Таким образом, актор, секьюритизируя объект, и аудитория, которая принимает это, создают новый срочный вопрос на повестке дня по обеспечению безопасности.

По мнению создателей теории, для анализа секьюритизации важны три составляющих:

1. Референтный объект – объект, для которого, по мнению секьюритизирующих акторов, существует экзистенциальная угроза, что

³⁵Ibid. P.25.

требует легитимации применения экстренных мер по спасению такого объекта;

2. Секьюритизирующие акторы – акторы, которые секьюритизируют предмет путем формирования секьюритизирующего дискурса о том, что референтный объект находится в условиях экзистенциальной угрозы;

3. Функциональные (второстепенные) акторы – акторы, которые оказывают влияние на динамику в исследуемом секторе.

Таким образом, ключевая роль в процессе секьюритизации отводится действиям секьюритизирующих акторов, придающих проблеме статус угрозы безопасности референтному объекту (будь то международная система, национальное государство, этническая группа или отдельная личность) посредством «акта секьюритизации» – убеждения релевантной аудитории, в том числе с помощью функциональных акторов, которые, не будучи инициаторами процесса секьюритизации, оказывают существенное влияние на его динамику, в необходимости легитимации применения чрезвычайных мер³⁶.

Процесс секьюритизации осуществляется в два этапа: сначала актор заявляет о наличии угрозы, затем аудитория убеждается в ее существовании и легитимирует нарушение норм. Принятие аудиторией объекта в качестве секьюритизируемого может быть принудительным. Если второй этап – принятие аудиторией объекта в качестве проблемы безопасности – не пройден, секьюритизацию нельзя считать успешной.

Кроме того, ученые Копенгагенской школы выделяют условия, определяющие возможность успеха секьюритизации, которые делятся на внутренние и внешние. К внутренним относится соблюдение правил построения секьюритизирующего референтный объект речевого акта. К внешним причисляют репутационный капитал и статус акторов секьюритизации (государство в процессе секьюритизации занимает

³⁶Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3 (34). С. 38.

привилегированное положение перед другими видами акторов). Внешним условием, способствующим секьюритизации, является также специфика самой угрозы: легче представить в качестве угрозы то, что само по себе является угрожающим, например разработка ядерного оружия или истощение природных ресурсов³⁷.

В социетальном секторе, к которому относится вопрос уничтожения всемирного культурного наследия, в качестве референтного объекта безопасности выступает, как правило, идентичность. Под социетальной безопасностью понимают способность общества сохранять и воспроизводить свой сущностный характер в изменяющихся условиях под влиянием возможных и реальных угроз, что означает устойчивое развитие традиционных паттернов языка, культуры и обычаев сообщества, его религиозной и национальной идентичности³⁸.

Теория секьюритизации была подвергнута критике как со стороны позитивистов, так и в рамках самого конструктивизма. В последнем случае это дало основания говорить о возникновении пост-Копенгагенской школы, позиция которой была сформулирована О. Кнудсенем, который критиковал Копенгагенскую школу за ее пренебрежение военными аспектами безопасности, за отказ от государство-центричного подхода, поскольку попытка заменить государство расплывчатой категорией идентичности скорее вводит в заблуждение, чем создает прочную базу для исследования. Кроме того, О. Кнудсен подверг сомнению восприятие ежедневной политической повестки дня как чего-то малозначительного, поскольку

³⁷Агапеева К. Теория секьюритизации Барри Бузана. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-barri-buzana> (дата обращения: 12.01.2020).

³⁸Waever O. Securitization and Desecuritization // On security / Lipschutz, R.D. Columbia University Press. New York. 1995. – Режим доступа: <https://www.libraryofsocialscience.com/assets/pdf/Waever-Securitization.pdf> (дата обращения: 29.05.2020); Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография / А. П. Романова и др. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2017. С. 55.

исходя из теории секьюритизации только вопросы безопасности имеют достаточный вес, чтобы привлекать внимание публики³⁹.

Старший научный сотрудник центра изучения проблем международного мира в Дублинском университете Б. Максуйни отмечает непоследовательность в построении теории секьюритизации и обращает внимание на то, что в работах Б. Бузана и О. Вейвера присутствует смешение элементов традиционных и постмодернистских подходов⁴⁰. Причина этого в том, что Б. Бузан, который изначально придерживался реалистского направления, так до конца и не воспринял постмодернистскую методологию⁴¹. В результате Б. Бузан относил себя к «традиционным расширителям».

Лене Хансен, критикуя теорию, выделила дилемму безопасности, связанную с процессом секьюритизации, назвав ее «дилеммой молчания маленькой русалки». Эта дилемма связана с ситуациями, когда даже просто говорить о проблеме небезопасно. В первую очередь это связано с насилием и жесткостью по отношению к женщинам и другими нарушения их прав, происходящие в государствах, где за предание огласке таких вопросов пострадавшая может лишиться жизни⁴².

Представитель Парижской школы безопасности Д. Биго выступил с критикой теории секьюритизации как дискурсивной практики и предложил рассматривать секьюритизацию как ежедневное взаимодействие представителей властных структур разных государств и столкновение их

³⁹Knudsen O. Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // Security Dialogue. 2001. Vol. 32. № 3. P. 361.

⁴⁰McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. Vol. 22. № 1. P. 90-93.

⁴¹Этот вывод обусловлен изучением современных исследований Б. Бузана. Подробнее: Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.; Buzan B., Lawson G. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations. New York: Cambridge University Press. 2015.

⁴²Hansen L. The Little Mermaid's Silent Security Dilemma and the Absence of Gender in the Copenhagen School // Journal of International Studies. 2000. Vol. 29. №2. P. 285-286.

интересов и конкуренции в борьбе за ресурсы⁴³. По его мнению, конкретные инструменты и технологии, которыми оперируют структуры или органы, ответственные за безопасность, играют в процессе секьюритизации куда более важную роль, чем речевые акты⁴⁴. Монополизация дискурсов безопасности является результатом конкуренции между акторами секьюритизации с различным репутационным ресурсом, представлениями об угрозах и интересах, а сам процесс секьюритизации заключен в ежедневные процедуры и практики соответствующих органов.

Французский исследователь Т. Бальзак дополнил теорию секьюритизации и ввел понятие инструмента секьюритизации как механизма, который способен отразить конкретную угрозу и решить проблемы безопасности⁴⁵. Этот механизм формирует регулярные практики по преодолению проблем безопасности. Британский ученый С. Леонард выделил два вида практик секьюритизации: рутинные стандартные практики, направленные на преодоление угрозы, и экстраординарные практики (которые выходят за рамки стандартных процедур и которые никогда ранее не использовались)⁴⁶.

Для решения задач диссертации исследуемая проблема будет раскрыта, кроме теории секьюритизации Б. Бузана и О. Вейвера и изучения секьюритизирующего уничтожение всемирного культурного наследия международного дискурса, также через анализ конкретных действий, мер и инициатив, предпринятых акторами на международной арене в результате формирования и для подкрепления такого дискурса.

⁴³Цит. по: Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография / А. П. Романова и др. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2017. С. 56.

⁴⁴Маталаева Ф.Э. Секьюритизация международной миграции в Европе // Обозреватель. 2017. № 2 (325). С.48.

⁴⁵Balzacq T. The Policy Tools of Securitization: Information Exchange, EU Foreign and Interior Policies. JCMS: Journal of Common Market Studies, 2008. Vol. 46. № 1. P. 79.

⁴⁶Leonard S. Frontex and the Securitization of Migrants through Practices. The Migration Working Group Seminar // European University Institute, Florence, 2011. – Режим доступа: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/201011/SLeonardpaper.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).

Следует отметить, что сами авторы теории считают секьюритизацию нежелательным процессом, а наиболее эффективным методом решения проблем безопасности – поиск их решения в русле «нормальной политики». Ограничения и пределы процесса секьюритизации объектов всемирного культурного наследия будут подробнее рассмотрены в третьей главе настоящего исследования.

Таким образом, проблемы безопасности в рамках конструктивизма получили наиболее полное освещение в исследованиях Копенгагенской школы. Созданная в ее рамках теория секьюритизации, несмотря на существующие методологические неточности, остается одной из ведущих теоретических разработок в области безопасности за последнее время. Эта теория заложила основу для развития последующих исследований безопасности, которую не смогли обеспечить иные теоретические подходы. Ключевым стало разделение между референтными объектами угрозы и секьюритизирующими акторами, что отличается от традиционного видения государства как одновременно актора и объекта безопасности. Благодаря этому в фокус внимания исследователей попали невоенные вопросы безопасности, а также особенности восприятия угроз в общественном сознании.

1.2 Всемирное культурное наследие как объект безопасности

Референтным объектом безопасности традиционно выступало государство и/или нация. Для государства выживание связано с сохранением суверенитета, для нации – с ее национальной идентичностью. Однако благодаря теории секьюритизации появилась возможность включения в категорию референтных объектов более широкого круга понятий. Теоретически секьюритизирующий актор может что угодно взять за референтный объект. На практике благодаря сопутствующим условиям и факторам, способствующим секьюритизации, секьюритизирующие акторы достигают успеха не со всеми референтными объектами. Референтный

объект – это объект, который, по мнению актора, должен выжить, должен быть спасен, для чего необходима легитимация адаптации чрезвычайных мер. Размер или масштаб референтного объекта является ключевой переменной в установлении условий достижения успешной секьюритизации.

С одной стороны, на микроуровне индивиды и небольшие группы могут выступать референтным объектом секьюритизации, однако существует сложность мобилизации аудитории ради такого объекта. С другой стороны, на уровне крупных систем, существует проблема в легитимации действий в сфере безопасности. Например, в период холодной войны предпринималась попытка сделать референтным объектом все человечество на волне всеми разделяемого страха перед ядерным оружием. Использовать все человечество в качестве референтного объекта также пытались и движение «зеленых». Другой попыткой секьюритизировать референтный объект на уровне системы Б. Бузан называет стремление социалистов в 1914 г. мобилизовать людей в целях создания международного рабочего класса.

По мнению исследователей, системный уровень референтных объектов не может соперничать со средним уровнем⁴⁷. Средний уровень, нацеленный на ограниченную аудиторию, является наиболее успешной основой для завершения секьюритизации. Одним из объяснений такого успеха можно считать, что небольшие субъекты (государства, нации) соперничают с другими небольшими субъектами, и взаимодействие между ними усиливает общность каждого сообщества, их чувство «мы», идентичность. Системный уровень слишком размыт для того, чтобы мобилизовать уровень коллективной идентичности, необходимый для успешной секьюритизации. В отсутствии динамики, поддерживаемой соперничеством, попытка завоевать универсальную политическую лояльность сталкивается с уровнем средних субъектов и проигрывает ему. То, что одним секьюритизирующим актором воспринимается как угроза,

⁴⁷Buzan B., Waever O., Wilde J.D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P.36.

другим актором может восприниматься совершенно иначе. Это связано с субъективностью восприятия вызовов и угроз и пониманием того, что необходимо спасти. Секьюритизация всемирного культурного наследия происходит именно на системном уровне.

В случае с разрушением археологических объектов Пальмиры секьюритизация проходила в рамках международного конфликта, в который превратилась сирийская гражданская война. Однако благодаря успешно сформированному дискурсу Секьюритизации всемирного культурного наследия этот процесс из отдельных очагов на среднем уровне сформировал глобальный тренд по спасению культурного наследия человечества. Следовательно, аудиторией, которая для успешного завершения секьюритизации должна принять дискурс секьюритизации и санкционировать адаптацию чрезвычайных мер, в широком смысле является все международное сообщество. В узком смысле, релевантной аудиторией рассматриваемого процесса секьюритизации является Совет Безопасность ООН (СБ ООН), как главный орган на международной арене, ответственный за поддержание международного мира и безопасности и санкционирующий осуществление экстренных, нетрадиционных мер или нарушение существующих правил.

Таким образом, под секьюритизацией всемирного культурного наследия диссертант понимает политику секьюритизирующих акторов по целенаправленному переносу вопросов защиты объектов культуры, с помощью создания секьюритизирующего международного дискурса, в основе которого лежит цель убеждения международного сообщества в наличии экзистенциальной угрозы для таких объектов, на повестку дня по обеспечению международной безопасности для получения легитимного права на адаптацию мер, выходящих за рамки уже разработанных процедур и традиционных политических практик.

В социетальной сфере ключевым понятием и конституирующим принципом выступает понятие национальной или коллективной

идентичности, которое и является объектом защиты. Ключевыми для любого общества являются те практики, идеи, традиции и обычаи (и их материальное воплощение в объектах культурного, исторического наследия), которые объединяют и отличают данную группу людей от других сообществ. Любое сообщество обладает идентичностью: соотносит себя с той или иной общностью людей. О социетальной угрозе говорят, когда какое-либо сообщество определяет какое-то событие, тренд развития как угрозу для существования всего данного сообщества. Б. Бузан предлагает называть этот феномен как «безопасность идентичности»⁴⁸.

Национальная идентичность – это ощущаемая индивидом или группой индивидов смысловая общность в принадлежности к определенному единому культурно-историческому, языковому, политическому сообществу, этносу, нации. Это понятие относится к тому, как различные критерии, такие как наследие, язык, религия, этническая принадлежность, национальность и разделяемые представления о прошлом, используются для построения нарратива «включения/исключения», которое определяет сообщество, и как все эти составляющие делают его отличным от всех других сообществ⁴⁹. Идентичность – это та основа, на которой строится национальная стратегия любого государства, возводятся его внутренняя и внешняя политика.

Согласно теории Б. Бузана и О. Вейвера угрозы идентичности – то, что, по мнению сообщества, угрожает его существованию в качестве единого целого, и зачастую именно наличие таких угроз помогает усилить чувство самоидентификации этого сообщества. Для разных сообществ представляют опасность различные факторы. Это зависит от того, что составляет суть, основу идентичности того или иного сообщества. Если идентичность сообщества базируется на изоляции, отделенности, то даже небольшая

⁴⁸Buzan B., Waever O., Wilde J.D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P.120.

⁴⁹Подробнее: Воробьева Ю.В. Политика по продвижению итальянского языка как ресурса «мягкой силы» Итальянской Республики / В сборнике «Язык как фактор культурной дипломатии» / Отв. ред. Коптелова И.Е. Дипломатическая академия МИД России. 2017. С. 37-42.

численность мигрантов-иностранцев будет представлять для такого общества опасность (например, Финляндия). Если государство стремится к сохранению своих культурно-национальных особенностей и традиций, то гомогенизирующая глобальная культура Запада будет представлять для такого сообщества значительную опасность (Иран, Саудовская Аравия). Если ключевым компонентом национальной идентичности является язык, то завоевание мира английским языком будет представлять для сообщества угрозу (Франция). Если государство построено на интеграции разных народов и этнических групп, то распространение идей национализма и самоопределения могут восприниматься в этом государстве как угроза (бывший СССР, бывшая Югославия, бывшая Чехословакия, ЕС). Иногда у субъекта большую обеспокоенность может вызывать более смутная и отдаленная угроза, чем более явная и близкая, потому что она по мнению субъекта представляет большую опасность. Б. Бузан отмечает, что депопуляция, безработица и организованная преступность являются прежде всего угрозами индивидууму (угрозы в обществе, а не обществу)⁵⁰.

Атаки на культурные объекты – явление не новое. Культурные артефакты всегда находились в опасности в ходе войн, конфликтов и политических переворотов. Еще в Римской империи на завоеванных территориях уничтожались все следы ранее существовавшей там цивилизации, как это было, например, с Карфагеном. В новейшее время достаточно вспомнить более 1000 разрушенных синагог в Хрустальную ночь 1938 г. Исторические здания, монументы, артефакты, музеи, театры, археологические раскопки и библиотеки зачастую становились жертвами разрушения в качестве сопутствующих потерь военных операций либо целенаправленных мишеней митингующих или воюющих сторон⁵¹. Преднамеренное разрушение культурного достояния, как это было с

⁵⁰Buzan B., Waever O., Wilde J.D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P.121.

⁵¹Например, бомбардировка Дрездена в ходе Второй мировой войны, когда были разрушены церкви, часовни и более 50 культурно-исторических объектов.

разрушением синагог в Хрустальную ночь преследовало цель уничтожения еврейской идентичности путем уничтожения значимых для этого народа культурных, исторических, религиозных символов⁵².

Конфликтующие стороны стремятся воздействовать на «других» путем разрушения и уничтожения культурных объектов, которые являются отражением идентичности «других». Разрушение культурного наследия в ходе вооруженного конфликта может быть интерпретировано в том числе как процесс нового освоения территории с целью смены ее принадлежности к определенной нации. В этой связи разрушение культурного наследия может быть рассмотрено как первоначальный шаг в процессе этнической чистки с целью полного уничтожения свидетельства существования целого сообщества для того, чтобы сделать территорию гомогенной⁵³.

Среди основных референтных объектов социетального сектора Б. Бузан и О. Вейвер называют племена, кланы, нации, национальные меньшинства, религии, расы, цивилизации. Разрабатывая теорию секьюритизации, Б. Бузан не включал в число возможных референтных

⁵²Van der Auwera S. Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework // Journal of Conflict Archaeology. 2012.Vol.7. № 1. P. 58.

⁵³Ibid. P. 56. О том, что разрушение культурного наследия может выступать как один из методов этнической чистки свидетельствует пример Балканских войн 1990-х гг. Другим примером руководитель Центра в Библиотеке Гарварда А. Ридлмайер называет уничтожение культурных объектов в Боснии и Герцеговине. Он изучил разрушение 392 мусульманских объектов и пришел к выводу, что оно определено было намеренным. Это было нацелено на уничтожение памяти о долгом мирном сосуществовании многонационального населения Боснии и Герцеговины, что может быть интерпретировано как составная часть усилий по реконструкции коллективной памяти и истории. Одним из самых известных примеров является разрушение в 1993 г. парамилитаристским Хорватскими советом обороны Старого Моста в г. Мостаре. Османский мост считался символом боснийских мусульман. Под ударом оказались и православные святыни. Например, православный монастырь Житомислич XV в., посвященный Благовещению Пресвятой Богородицы, находящийся недалеко от Мостара, был разрушен хорватскими боевиками. В ходе Грузино-абхазской войны 22 октября 1992 г. грузинскими оккупационными властями были уничтожены Центральный государственный архив Абхазской АССР и Абхазский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы имени Д.И. Гулиа, в которых хранились архивные документы, имеющие ценность не только для идентичности народов Абхазии, но и относящиеся к греческому, еврейскому, армянскому, русскому народам. Эти архивы символизировали мультиэтничность абхазского общества до войны.

объектов социетальной сферы культурное наследие. Тем не менее, культурное и природное наследие занимает в коллективной идентичности одно из центральных мест.

Наследие – это особого рода канон, поскольку оно овеществляет и символизирует те представления, которые считаются ключевыми для данного сообщества, и воплощает определенные национальные идеи. Необходимость в концепции «национального наследия» появилась в XIX в. со становлением наций-государств для консолидации национальной самоидентификации, для абсорбции или нейтрализации потенциально конкурирующих социально-культурных групп и религий, для подавления притязаний других наций на определенную территорию или людей⁵⁴. Долгое время господствовал националистический подход к культурному наследию, согласно которому судьба объектов, воплощающих такое наследие, является внутренним делом каждого конкретного государства.

Культура – это точка зрения на реальность, которая способна интерпретировать ее и придавать ей смысл, она является одной из составляющих, на основе которых формируется национальная идентичность человека⁵⁵. Культурное наследие – это составная часть символического капитала любой нации. По мнению почетного профессора Лондонской школы экономики и политических наук А.Д. Смита символические ресурсы государства представляют собой большую важность по ряду причин. Во-первых, символический капитал оказывает влияние на сплоченность людей. Во-вторых, общие культурные ресурсы дают сообществам отличительный символический репертуар, который помогает отделять себя от других сообществ («мы» – «они»). Они позволяют очертить профиль этого

⁵⁴Graham B., Howard P. Heritage and Identity // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 7.

⁵⁵Анолли Л. Психология культуры. Харьков: Издательство Гуманитарный центр. 2016. С. 43.

сообщества и его границы. В-третьих, общие ценности, память, ритуалы и мифы обеспечивают преемственность поколений⁵⁶.

В этом смысле музеи и другие культурные объекты, составляющие культурное наследие, служат передатчиками и посланниками идеологии, в которых заключена избранная версия истории⁵⁷. Другими словами, люди используют атрибуты прошлого, чтобы самоидентифицировать себя в настоящем⁵⁸.

С другой стороны, для того чтобы создать подобное наследие, необходимо иметь такую идентичность. Смысл, вложенный в тот или иной объект наследия, придает ему ценность и объясняет, почему определенные артефакты, строения, традиции или воспоминания избираются – или не избираются – в качестве наследия сообщества. Далеко не все исторические артефакты и объекты расцениваются как создающие, конституирующие наследие или культуру. Смысл этим объектам передается через идентичность, он продуцируется и изменяется через социальные взаимодействия⁵⁹.

Понятие «наследие» с течением времени синтезировалось и к настоящему времени приобрело процессуальный характер: лишь выборочные артефакты прошлого, ландшафты и местности, мифы и традиции, памятные события и археологические объекты становятся культурными, политическими и социальными ресурсами для настоящего момента⁶⁰. Идея укорененности понятия «наследие» в настоящем является превалирующей в современном дискурсе о наследии. Для того, чтобы

⁵⁶Smit A.D. *Ethno-Symbolism and Nationalism. A cultural Approach*. London/New York: Routledge. P.25.

⁵⁷Goulding C., Domic D. *Heritage, identity and ideological manipulation: The case of Croatia* // *Annals of Tourism Research*. 2009. Vol. 36. №1. P. 99.

⁵⁸Van der Auwera S. *Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework* // *Journal of Conflict Archaeology*. 2012. Vol. 7. № 1. P. 55.

⁵⁹Воробьева Ю. В. Кристаллизация культурной идентичности Италии в условиях европейского миграционного кризиса // *Международная жизнь*. 2019. №3. С.73-86.

⁶⁰Graham B., Howard P. *Heritage and Identity* // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 2.

заставить работать прошлое для целей настоящего привлекаются объекты наследия⁶¹. Наследие зачастую используется как форма коллективной памяти, социальный конструкт, сконструированный и артикулированный в соответствии с политическими, экономическим и социальными запросами современности⁶².

Сдвигом в подходе к культурному наследию от национального к универсалистскому стала созданная по инициативе США концепция всемирного культурного наследия, которое, по мнению адептов теории, призвано заменить национальное наследие на наследие глобального значения как воплощение универсальных человеческих ценностей⁶³. Всемирное культурное наследие – это природные и культурные объекты, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, эстетики, этнологии, археологии и антропологии. В 1972 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия, которая вступила в силу в 1975 г.⁶⁴ В рамках Конвенции был создан специальный международный перечень – Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, – который включает наиболее ценные культурные и природные объекты, имеющие значение для всего человечества. На сегодняшний день в список входит 1121 объект в 167 государствах⁶⁵.

Однако разъединяющий на «своих» и «чужих» потенциал культурного наследия настолько высок, что зачастую ставит под вопрос его «универсальность». В научном сообществе мнения на этот счет разошлись. Ряд ученых, такие как Д. Ловенталь, Дж. Э. Танбридж и Г.Дж. Эшворф,

⁶¹Lowenthal D. *Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 18.

⁶²Peckham R. S. *Introduction: The Politics of Heritage and the Public Culture* // *Rethinking Heritage: Cultures and Politics in Europe*. London: I. B. Tauris. 2003. P. 11.

⁶³Graham B., Howard P. *Heritage and Identity* // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 7.

⁶⁴Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 11.01.2020).

⁶⁵World Heritage List / UNESCO. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/list> (дата обращения: 08. 01. 2020).

считают, что всемирного культурного наследия не существует, что именно принадлежность определенному сообществу придает культурному наследию ценность, потому что оно несет на себе отпечаток его прошлого, и когда оно принадлежит «всем», то оно становится оспариваемым ресурсом, провоцирующим конкуренцию. Они считают, что наследие является фактором, которое вызывает скорее фрагментацию мирового сообщества, нежели его объединение⁶⁶.

Другая группа ученых, таких как Т. Беннетт, К. Воглер и др., считают, что национальное и всемирное наследие сосуществуют одновременно и параллельно. Третья группа, такие как Э. Бусек, К. Линч и др. считают, что многие объекты наследия принадлежат к тем цивилизациям, которые давно исчезли, а потому они принадлежат всему миру⁶⁷. Сегодня исследователи предлагают рассматривать наследия «вне национализма», признавая постмодернистскую фрагментацию идентичности и то, что наследие все еще национально, однако его влияние выходит за рамки национальных границ⁶⁸.

В 2003 г. концепция Всемирного культурного наследия была дополнена Конвенцией ЮНЕСКО по защите нематериального культурного наследия. Под нематериальным культурным наследием в Конвенции понимаются обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности,

⁶⁶Van der Aa Bart J.M. Preserving the heritage of humanity? Obtaining world heritage status and the impacts of listing // University of Groningen. 2005. P. 2-3. – Режим доступа: <https://www.rug.nl/research/portal/files/9836835/c4.pdf> (дата обращения: 05.02.2019).

⁶⁷Ibid. P. 3-4.

⁶⁸Graham B., Howard P. Heritage and Identity // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 11.

содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека, а также устойчивому развитию⁶⁹.

Разделение наследия на материальное и нематериальное достаточно условно. Нематериальное наследие представляет не меньшую важность, чем материальное. Ни один объект наследия не может быть только материальным: поскольку ценность и смысл такого объекта всегда интерпретируется только через нематериальное наследие, через те идеи и мысли, которые они воплощают⁷⁰. Очень редко культурное наследие становится мишенью в ходе вооруженных конфликтов только как материальный объект, намного чаще настоящей целью является те ценности, эмоции, представления, интерпретации и символы, которые они проецируют, то есть связанный с материальными объектами их нематериальный смысл⁷¹.

Следовательно, понятие «наследие» не зависит от того, материальные ли это объекты или нематериальные формы прошлого, а от того смысла, который вкладывается в эти объекты, и те репрезентации, которые они помогают создавать и ретранслировать⁷². Именно тот субъективный смысл, который придается тем или иным избранным объектам, артефактам, традициям и памятным событиям, делает все это наследием, самым ценным из всех существующих объектов, событий и традиций прошлого.

Со временем подход к культурному наследию как материальному воплощению коллективной идентичности дополнялся, обогащался и наполнялся новым контекстом. Статья 27 принятой в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, статья 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и статья 27

⁶⁹Конвенция по защите нематериального культурного наследия, 2003 г. / UNESCO – Режим доступа: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-2018_version-RU.pdf (дата обращения: 05.02.2019).

⁷⁰Graham B., Howard P. Heritage and Identity // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 4.

⁷¹Viejo-Rose D., Sorensen M.L.S. Cultural Heritage and Conflict: new questions for an old relationship / E. Waterton, S. Watson (eds.) // A Companion to Contemporary Heritage Research. Basingstoke & NY: Palgrave Macmillan, 2015. P. 293.

⁷²Graham B., Howard P. Heritage and Identity // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 2.

Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляют право человека на участие в культурной жизни общества и наслаждении искусством, а также обязанность государства обеспечивать реализацию такого права путем охраны, развития и распространения достижений науки и культуры⁷³. В 2003 г. Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия также подтвердила, что культурное наследие является одним из важных компонентов культурной самобытности общин, групп и отдельных лиц, а также социальной сплоченности, в связи с чем его преднамеренное разрушение может иметь неблагоприятные последствия для человеческого достоинства и прав человека⁷⁴.

В 2007 г. Резолюция 6/1 Совета по правам человека ООН подтвердила, что «уничтожение или любая другая форма ущерба культурным ценностям могут ограничивать осуществление культурных прав» и подчеркнула, что «защита культурных ценностей в ходе вооруженных конфликтов может содействовать полному осуществлению права каждого человека на участие в культурной жизни»⁷⁵.

Параллельно с этим в конце 1980 – начале 1990-х гг. благодаря итальянским исследователям зарождается новый подход к культуре:

⁷³Всеобщая декларация прав человека 1948 г. / Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.11.2019); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. / Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 25.11.2019);

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. / Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.11.2019);

⁷⁴Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия 2003 г. / Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 25.11.2019);

⁷⁵Резолюция Совета по правам человека ООН A/HRC/RES/6/1 от 27.09. 2007 «Защита культурных прав и ценностей в ситуациях вооруженного конфликта». – Режим доступа: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_6_1.pdf (дата обращения: 25.11.2019);

культура становится базовым элементом и необходимым условием устойчивого развития, а не только способом достижения политических целей⁷⁶. Итальянская Республика многократно представляла культуру не только как одну из фундаментальных человеческих активностей *per se*, но также как жизненно важный компонент для развития экономики и достижения процветания. Итальянский профессор Франко Альберони еще в 1958 г. проводил исследование для ЮНЕСКО о взаимосвязи культурных факторов и экономического развития. В результатах исследования говорится, что «развитие новых промышленных инициатив возможно только при условии, что действия в экономике поддерживаются или основываются на соответствующих культурных инициативах»⁷⁷.

Оказалось, что оживление культурной деятельности способствует социальному и экономическому развитию и процветанию⁷⁸. Это нашло свое подтверждение в докладах ЮНЕСКО 1996 г. «Наше творческое разнообразие» и Совета Европы 1997 г. «Стремление к целостности», которые открыли новую эпоху и внесли свой вклад в появление концепции культуры как средства развития общества и решения социальных проблем. В 1998 г. на Стокгольмской конференции ЮНЕСКО предложила государствам-членам поставить культуру в центр стратегии развития, а Мировой банк в 1999 г. заявил, что будет выделять займы развивающимся странам, если в своих программах они будут учитывать также и культурные факторы. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой вновь подтверждается значимость культурного разнообразия и межкультурного

⁷⁶Востряков Л.Е. Культурная политика: основные концепции и модели. – Режим доступа: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).

⁷⁷Paola Azzario Chiesa M. L'Italia per l'Unesco. 50 anni della Commissione italiana. Armando editore, 1 collana I libri dell'Unesco, 1999. P. 27.

⁷⁸Востряков Л.Е. Культурная политика: основные концепции и модели. – Режим доступа: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).

диалога, признается важность культурного наследия как одного из всеобъемлющих факторов устойчивого развития⁷⁹.

Именно такой подход к культуре лежал в основе международной конференции министров культуры «Культура как инструмент диалога между людьми», которую Итальянская Республика провела в ходе международной выставки ЕХРО в Милане в 2015 г. В ходе конференции 83 государства подписали декларацию, в которой культура определена как «инструмент диалога, солидарности, экономического роста и устойчивого развития», а культурное наследие как «всемирно признанные ценности толерантности, диалога и взаимопонимания»⁸⁰.

В резолюциях ЮНЕСКО не раз отмечалось, что культура может способствовать более успешному и быстрому восстановлению и стабилизации социально-экономической ситуации на постконфликтной стадии. Разрушение культурного наследия ослабляет способность сообщества к сопротивлению и осложняет постконфликтное восстановление. И наоборот, реабилитация культурного наследия может сыграть решающую роль в восстановлении структуры общества и основы для создания долгосрочного мира и безопасности⁸¹. Своевременная защита культурных объектов может помочь местному населению восстановиться наиболее мягким и быстрым способом, например, способствуя получению прибыли и

⁷⁹Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция A/RES/70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 20.03.2019).

⁸⁰Declaration. Expo Milano 2015. International Conference of the Ministers of Culture “Culture as an Instrument of Dialogue among Peoples”. July 31- August 1, 2015. – Режим доступа: http://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1441188687687_DICHIARAZIONE_DEI_MINISTRI DELLA CULTURA_5_DF_INGL_definitiva.pdf. (Дата обращения: 04.12.18).

⁸¹Report of the International Conference “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria” UNESCO Headquarters. Paris, 3 December 2014. P.23. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232562e.pdf> (дата обращения: 18.11.2018).

повышению экономической стабильности за счет восстановления туристической инфраструктуры и создания соответствующих рабочих мест⁸².

Таким образом, в понятии всемирного культурного наследия сконцентрирован ряд важных для современного мира концепций, таких как важность культурно-исторических объектов как материального воплощения коллективной идентичности и универсальных человеческих ценностей, которые все государства мира обязаны защищать и охранять, поощряя культурное разнообразие, что в свою очередь связано с правом каждого человека на участие в культурной жизни и наслаждении ее плодами, а также важности культуры и объектов ее воплощения как элемента устойчивого развития в экономическом развитии любого государства и в постконфликтном восстановлении. Именно эти заключенные в материальных объектах культурно-исторического и религиозного наследия ценности являются референтным объектом безопасности в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия.

1.3 Предпосылки секьюритизации всемирного культурного наследия

Секьюритизация какого-либо вопроса/сферы общественных отношений, Б.Бузаном и О. Вейвером рассматривается как процесс, начинающийся от неполитизированного, проходящий через стадию политизации и переходящий в секьюритизацию на этапе крайней политизации. В этой связи стадию криминализации режима защиты культурных ценностей диссертант рассматривает как одну из предпосылок секьюритизации всемирного культурного наследия.

До Второй мировой войны правовое положение объектов культурного наследия в период вооруженных конфликтов регулировалось IV Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны и IX Гаагской

⁸²Foliant Y. Cultural Property Protection Makes Sense: A Way to Improve Your Mission. First Edition. Civil-Military Cooperation Centre of Excellence (CCOE), 2015. – Режим доступа: <https://www.cimic-coe.org/resources/make-sense-series/cpp-makes-sense-final-version-29-10-15.pdf> (дата обращения: 19.11.2018).

конвенцией о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г., по которым запрещалось разрушение памятников истории и культуры и их вывоз за пределы государства⁸³. Из-за нечетко обозначенных механизмов охраны культурных объектов нормы постоянно нарушались.

Вторая мировая война нанесла мировой культуре огромный ущерб и выявила необходимость совершенствования правового регулирования защиты культурного наследия в ходе вооруженного конфликта. В 1954 г. по проекту Нидерландов появилось первое международное соглашение универсального характера – Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а также Исполнительный регламент и Протокол к Конвенции, действие которого распространяется как на движимые, так и на недвижимые объекты культуры⁸⁴.

Конвенция представляет собой значимую веху в развитии и становлении международного режима защиты культурных ценностей. Все разработанные к тому моменту нормы международного права в этой области были кодифицированы в данном документе⁸⁵. В преамбуле Конвенции отмечается, что «ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру»⁸⁶ и тем самым закрепляется идея универсализма культурных ценностей. Одним из важнейших нововведений являлось четко установленное понятие

⁸³Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 30.06.2018); IX Гагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. – Режим доступа: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911632@egNPA (дата обращения: 30.06.2018).

⁸⁴Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта была принята в Гааге (Нидерланды), 14 мая 1954 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

⁸⁵Воробьева Ю.В. Роль Итальянской республики в развитии и укреплении международного режима защиты культурных ценностей // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. №4 (18). С. 93-110.

⁸⁶Там же.

«культурных ценностей», согласно которому защите подлежат как сами культурные ценности, так и объекты их размещения. Действие Конвенции распространяется на период необъявленной войны, оккупации, конфликта немеждународного характера (а отдельные положения применимы и в мирное время)⁸⁷. Согласно Конвенции существует возможность отступления от обязательств по уважению культурных ценностей в случае военной необходимости таких разрушений.

С 1960 по 1980 гг. по инициативе Италии в рамках ЮНЕСКО была организована и проведена одна из самых крупных в истории кампаний по защите культурного наследия – Нубийская⁸⁸. Это заложило фундамент для создания в 1972 г. Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, на базе которой был сформирован Список Всемирного культурного и природного наследия человечества ЮНЕСКО⁸⁹. До этого момента международные договоры отражали государствоцентричный подход. Конвенция 1972 г. представила новый подход: культурные объекты лишались географической принадлежности и становились глобальным достоянием всего международного сообщества, и всему сообществу полагается взять на себя ответственность по его защите, охране и восстановлению⁹⁰.

В 1970 г. ЮНЕСКО также приняла Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности⁹¹. Она стала первой

⁸⁷Giordana N. Leggi militari e beni culturali nei conflitti armati per difendere le nostre radici. – Режим доступа: <http://www.difesaonline.it/evidenza/diritto-militare/leggi-militari-e-beni-culturali-nei-conflitti-armati-difendere-le-nostre> (дата обращения: 30.06.2018).

⁸⁸После того, как Египет принял решение о строительстве Асуанской плотины, нубийские памятники, возрастом более трех тысяч лет, оказались под угрозой затопления. В ходе кампании в течение 20 лет было перемещено 22 памятника.

⁸⁹Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 30.06.2018).

⁹⁰Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 25. № 7. P.846.

⁹¹Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970

международной конвенцией, касающейся незаконного трафика предметов искусства. В 1995 г. Международный институт унификации частного права в Риме (УНИДРУА) принял Конвенцию об украденных или незаконно экспортированных культурных ценностях, которая заполнила часть пробелов Конвенции ЮНЕСКО⁹².

Эффективность Гаагской конвенции 1954 г. зависит от количества присоединившихся к ней сторон. Поскольку не все государства ее ратифицировали, в Женеве состоялась конференция по развитию гуманитарного права, в результате которой были приняты Дополнительные протоколы 1977 г.⁹³ к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.⁹⁴ По мнению юристов, положения этих Протоколов отражают нормы обычного права и потому представляют собой обязательства для всех воюющих сторон вне зависимости от того, связаны ли они Дополнительными протоколами⁹⁵. На XXVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО было объявлено, что «фундаментальные принципы защиты и сохранения культурного наследия в ситуации вооруженного конфликта могут рассматриваться как часть обычного международного права»⁹⁶. Однако в

г. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001333/133378mo.pdf> (дата обращения 09.04.2019).

⁹²Конвенция УНИДРУА об украденных или незаконно экспортированных культурных ценностях 1995 г. – Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention> (дата обращения 09.04.2019).

⁹³Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). 8 июня 1977 г. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения 29.01.2020).

⁹⁴Женевские конвенции включают в себя четыре универсальных международных договора. С текстом конвенций можно ознакомиться на официальном сайте ООН: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1946.shtml (дата обращения 29.01.2020).

⁹⁵Бабекин Д.В. Культурные ценности – жертвы войны. Международно-правовые акты по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – Режим доступа: http://www.lostart.ru/ru/studys/?ELEMENT_ID=1635 (дата обращения: 30.06.2018).

⁹⁶The Records of the twenty-seventh session of the General Conference (Paris, 25 October - 16 November 1993). UNESCO/RES/27C/3.5(1993). – Режим доступа: <http://ulis2.unesco.org/images/0009/000956/095621E.pdf> (дата обращения: 09. 04. 2019). Подробнее: Дутли М.Т. Правовые нормы в области защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта – Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/2342> (дата обращения: 30.06.2018).

том, является ли обязательство защиты культурных ценностей обязательством *erga omnes* юристы не пришли к единому мнению⁹⁷.

Начало криминализации международно-правового режима защиты культурных ценностей положило подписание в 1999 г. II Протокола к Гаагской конвенции 1954 г., который был разработан благодаря настойчивости и поддержке Италии под руководством профессора Умберто Леанца и радикальным образом усовершенствовал режим защиты культурных ценностей. Под криминализацией международно-правового режима защиты культурного наследия диссертант понимает международно-правовую защиту культурного наследия средствами международного уголовного права, включая применение карательных мер с установлением меры наказания⁹⁸. Криминализация международно-правового режима защиты культурного наследия рассматривается диссертантом как одна из предпосылок начала процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. Подписание Протокола 1999 г. было ответной мерой на массовое разрушение многочисленных албанских культурных объектов в Косово в период югославского правления и особенно в ходе конфликта в Косово (1998-1999 гг.)⁹⁹.

⁹⁷*Erga omnes* – концепция международного права, согласно которой, у любого суверенного государства как участника международных отношений существует ряд универсальных, обязательных к исполнению, обязательств перед всем мировым сообществом, в обеспечении которых заинтересовано каждое государство. Позицию обязательства по защите культурного наследия как обязательства *erga omnes* поддерживают: Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. № 4. P. 619-620. Противоположную позицию занимают: O’Keefe R. World Cultural Heritage: Obligations to the International Community as a Whole? // *International & Comparative Law Quarterly*. 2004. Vol. 53. № 1. P. 189-209. Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // *Yale Journal of International Law*. 2003. Vol. 28. № 1. P. 183-274.

⁹⁸Manacorda S. Criminal Law Protection of Cultural Heritage: An International Perspective // *Crime in the Art and Antiquities World. Illegal Trafficking in Cultural Property*. New York: Springer. 2011. P.18.

⁹⁹Косовская война – вооружённый конфликт, разгоревшийся в феврале 1998 г. между албанскими повстанцами и Союзной Республикой Югославией. Боевые действия были инициированы косовскими албанцами, стремившимися к независимости Косова и Метохии, и привели к многочисленным жертвам среди гражданских лиц с обеих сторон. Всего за время конфликта были повреждены, подверглись вандализму или были

Одним из самых новаторских аспектов II Протокола стала детальная и тщательно разработанная криминализация ряда деяний (вопросы наложения индивидуальной уголовной ответственности за преступления против культурных объектов, совершенные как в конфликтах международного, так и в конфликтах немеждународного характера), обозначение ответственности государства, а также создание механизмов пресечения нарушений на национальном уровне.

Первые приговоры за преступления против культурного наследия были вынесены в рамках деятельности созданного в 1993 г. *ad hoc* Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), для преследования лиц, ответственных за нарушения гуманитарного права на территории бывшей Югославии в период с 1991 по 2001 гг.: за нарушение законов и обычаев войны и Женевских конвенций 1949 г., за совершение геноцида и за преступления против человечности, под категорию которых подпадало и разрушение объектов культурного наследия¹⁰⁰. Устав, разработанный юристами из Италии и Франции, предусматривал две возможности привлечения к ответственности за разрушение культурных объектов, поскольку содержал, во-первых, статью 3d, по которой за «захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений» лица могли подвергаться судебному преследованию, а также более общий пункт 3e о «разграблении

уничтожены 225 мечетей, около 500 албанских кул; три из четырех хорошо сохранившихся исторических городских центров османского периода получили значительные разрушения, что привело к большой потере традиционной архитектуры; 65 из 183 косовских публичных библиотек были полностью уничтожены с потерей 900 588 единиц хранения; были уничтожены архивы, принадлежащие исламскому сообществу Косово, с документами в том числе 500-летней давности. Во время Косовской войны исламское культурное наследие рассматривалось югославскими и сербскими военными формированиями как албанское наследие. 17 февраля 2008 г. косовские албанцы провозгласили Республику Косово.

¹⁰⁰Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, утвержденный резолюцией 827 (1993) Совета Безопасности ООН, 25 мая 1993 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 14.01.2020).

общественной или частной собственности», под который также подпадают объекты культуры¹⁰¹.

Генерал Югославской народной армии Павле Стругара был признан виновным в военных преступлениях, совершенных при осаде хорватского города Дубровник в 1991 г., в том числе за разрушение старого города, включенного в Список ЮНЕСКО, что выступилоотягчающим обстоятельством¹⁰². Бывшему адмиралу югославского военно-морского флота Миодрагу Йокичу вменялось в том числе разрушение культурного наследия, на котором была явно различима и легко распознаваема специальная символика культурных объектов под защитой Гаагской конвенции 1954 г.¹⁰³ Отставной генерал сухопутных войск Хорватии и Хорватского совета обороны Слободан Праляка был обвинен в том, что 9 ноября 1993 г. приказал разрушить в Мостаре (Босния и Герцеговина) исторический Старый мост, что, по мнению Международного трибунала по бывшей Югославии, «причинило непропорциональный ущерб мусульманскому гражданскому населению»¹⁰⁴.

Следующий этап в криминализации международно-правового режима защиты всемирного культурного наследия произошел с учреждением в 1998 г. на основе Римского статута Международного уголовного суда (МУС), который начал свою деятельность в 2002 г. Это первый постоянный международный орган уголовной юстиции, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления, преступления против человечности и военную агрессию. Как и Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, Статут МУС предусматривает две возможности судебного преследования лиц,

¹⁰¹Там же.

¹⁰²Case Information Sheet. Strugar (IT-01-42). – Режим доступа: <http://www.icty.org/case/strugar/4> (дата обращения: 19.11.2019).

¹⁰³Case Information Sheet. Jokić, Miodrag (IT-01-42/1). – Режим доступа: http://www.icty.org/case/miodrag_jokic/4 (дата обращения: 19.11.2019).

¹⁰⁴Press Release. Six Senior Herceg-Bosna Officials Convicted. – Режим доступа: <https://www.icty.org/en/press/six-senior-herceg-bosna-officials-convicted> (дата обращения: 19.11.2019).

совершивших преступление в отношении объектов культуры. Хотя Статут МУС не усовершенствовал кардинальным образом международно-правовой режим защиты культурных ценностей, он создал дополняющий законодательства государств инструмент уголовного преследования. Таким образом, международное сообщество создало базу для формирования понимания, что разрушение объектов наследия человечества является преступлением против человечности и должно подвергаться уголовному наказанию.

С формированием понимания у международного сообщества представления о культурном наследии как об универсальном носителе культурной идентичности человечества, с укреплением международно-правовой базы защиты культурного наследия и криминализацией этого международно-правового режима, культурное наследие начинает постепенно использоваться международным сообществом в том числе для получения экономических и политических выгод.

Смыслообразующий потенциал объектов наследия имеет, как уже отмечалось, процессуальный характер. Именно эти смыслы затем помогают регулировать поведение людей, устанавливая определенные правила и нормы. Соответственно, эти смыслы всегда будут меняться, от одной культуры к другой, в рамках одной культуры – от одного периода времени к другому¹⁰⁵. Поэтому «наследие» укоренено в настоящем, где оно создается и изменяется в соответствии и по запросам текущего периода времени и подвержено постоянному пересмотру и изменению, что является одновременно ресурсом и результатом социального конфликта¹⁰⁶. Природа такого символического капитала «наследия» всегда носит договорной характер, она детерминирована специфическими текущими социальными и интеллектуальными обстоятельствами, потому наследие определяется конкретным периодом времени и может быть пересмотрено в связи с

¹⁰⁵Graham B., Howard P. *Heritage and Identity* // The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity Routledge. Ashgate Publishing, Ltd. 2008. P. 2.

¹⁰⁶Ibid. P. 3.

изменением обстоятельств¹⁰⁷. Переименование объектов наследия является сильным оружием и методом для продвижения нового исторического нарратива и переписывания истории.

Для достижения политических целей «интерпретаторы идентичности» используют эту процессуальность для конструирования и навязывания новых нарративов принадлежности к одной группе и отличия от «других», устанавливая новые границы «отличного, другого» и делая их более ригидными в целях быстрой мобилизации групп. Такая мобилизация с помощью политики идентичности также политизирует прошлое, память и ее кристаллизацию в объектах наследия. Подобная инструментализация культурного наследия имеет последствия в распределении доступа к ресурсам, в том, как это разъединение воспринимается и как сконструирован образ врага¹⁰⁸.

С принятием в 1972 г. Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия и созданием и формированием на ее основе Списка объектов всемирного культурного наследия, начался новый этап в отношении международного сообщества к культурным ценностям¹⁰⁹. Для включения объекта наследия в такой список, оно должно удовлетворять ряду критериев, представленных ЮНЕСКО. Государство, чьи объекты включены в подобный список, получают от специально созданного Фонда дополнительное финансирование и практическую помощь для охраны своего объекта всемирного культурного наследия.

Вопросами включения и исключения объектов из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО занимается Межправительственный комитет по охране

¹⁰⁷Ibid. P. 5.

¹⁰⁸Viejo-Rose D., Sorensen M.L.S. Cultural Heritage and Conflict: new questions for an old relationship / E. Waterton, S. Watson (eds.) // A Companion to Contemporary Heritage Research. Basingstoke & NY: Palgrave Macmillan, 2015. P. 291.

¹⁰⁹Подробнее: Воробьева Ю. В. Роль Итальянской Республики в деятельности ЮНЕСКО по обеспечению культурной безопасности / В сборнике: Актуальные проблемы мировой политики. Сборник статей по материалам V ежегодной международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. Н.А.Фаустова. - М.: Совет молодых ученых Дипломатической академии МИД России, 2020. - 171 с. С. 36-42.

всемирного культурного и природного наследия (Комитет всемирного наследия). Международная организация Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) и международная некоммерческая организация Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) занимаются оценкой предложенных государствами объектов на включение в Список ЮНЕСКО и свои рекомендации передают в Комитет всемирного наследия. Однако исследователи отмечают, что предпочтение Комитет отдает исходя скорее из политических и экономических альянсов. Например, на сессии Комитета в Бразилии в 2010 г. в Список был включен 21 объект, в то время как ИКОМОС и МСОП рекомендовали только 10. То же произошло в 2011 г. на сессии в Париже, где ни одна из рекомендаций ИКОМОС не была учтена¹¹⁰. Кроме того, нельзя не заметить в целом дискриминационное, «прозападное» отношение к вопросу включения объектов в данный список: из 1121 объекта почти 50% – это объекты Европы и Северной Америки, на АТР приходится 23%, тогда как на Латинскую Америку и Карибский бассейн – 13%, Африку – 9%, арабские государства – 8%.

Финансовая составляющая этого процесса является достаточно привлекательной, чтобы стать самоцелью и использовать свое культурное наследие для получения экономических выгод. Кроме того, эмблема ЮНЕСКО на каком-либо объекте наследия сама по себе вызывает большой приток туристов и инвестиций, позволяет создать туристический бренд. Классическим примером этого является включение правительством Перу в Список ЮНЕСКО Мачу-Пикчу, что привлекло в государство большой поток внешних инвестиций и массовый туризм, но никак не отразилось на уровне жизни этого региона Куско, который так и остается одним из беднейших. Вместе с тем, массовый поток туристов скорее вредит коренному населению и сохранению ими своих культурно-исторических особенностей: включение

¹¹⁰Chechi A. Non-State Actors and Cultural Heritage: Friends or Foes? // Anuario de la Facultad de Derecho de la Universidad Autónoma de Madrid. 2015. №19. P. 462.

Мачу-Пикчу в Список ЮНЕСКО, при полном пренебрежении к правам и интересам коренных народов, преследовало цель превращения «сенсационного научного открытия» в бизнес-проект. В ситуации с Мачу-Пикчу произошло столкновение глобального и локального трендов, когда интересы сохранения культуры коренного населения не совпадают с интересами политической элиты Перу¹¹¹. С целью туристической эксплуатации региона, археологи и антропологи фактически «выдумали» идентичность народам майя, из истории которых были «упущены» стороны, не выгодные с точки зрения продаж. Искусственно созданная идентичность используется движением пан-майя с целью возвращения своей территории и отстаивания своих прав и объединения индейцев-майя разных языковых групп, включая традиционно не включающиеся в туристические маршруты территории, например, Белиза (Караколь или Эль-Караколь)¹¹². Появляются социальные движения коренных народов, ставящие своей целью восстановление своих «корней» путем разрушения представлений о навязанной им извне идентичности, созданной как политический проект¹¹³.

Постепенно процесс включения объектов культурно-исторического наследия в Список ЮНЕСКО стал все чаще использоваться в достижении политических целей на международной арене. Например, еще в 1994 г., невзирая на неурегулированность территориального вопроса с Тибетским автономным районом, Китай внес в Список ЮНЕСКО Исторический ансамбль дворца Потала (г. Лхаса), зимнюю резиденцию Далай-ламы с VII в., которая находится на территории этого района и является символом тибетского буддизма и свидетелем его главенствующей роли в традиционном

¹¹¹Zan L., Lusiani M. Managing Machu Picchu: institutional settings, business model and master plans // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. 2011. Vol.1. №2. P. 161.

¹¹²Подробнее: Borgstede G.J., Jason Y. Notions of Cultural Continuity and Disjunction in Maya Social Movement and Maya Archaeology / M. Liebmam, U. Z. Rizvi (eds.) // Archaeology and the Postcolonial Critique. AltaMira Press: Lanham-Plymouth, 2008. P. 91-108.

¹¹³Подробнее: Hall S. A chi serve l'identità? / C. Bianchi, C. Demaria, S. Nergaard // Spettri del Potere: ideologia, identità, traduzione negli studi culturali. Roma: Meltemi, 2002. P. 129-154.

управлении Тибетом. А в 2000-2001 гг. в этот список была добавлена и летняя резиденция Далай-ламы Норбулинка.

В 2008 г. ЮНЕСКО включила представленный Камбоджей храмовый комплекс Кхмерской империи, посвященный богу Шиве, Преах Вихеар в Список всемирного культурного наследия, в то время как комплекс, находящийся на границе, является объектом территориального спора между Камбоджей и Таиландом. Этот факт вызывал острую реакцию со стороны Таиланда, вплоть до спорадических вооруженных столкновений, возникавших до 2012 г.¹¹⁴, хотя еще в 1962 г. Международный суд ООН в решении по вопросу о храме Преах Вихеар признал его наследием государства Камбоджа, и Таиланд до этого момента соблюдал status quo. Однако включение храма в Список ЮНЕСКО активировало новый всплеск протестной волны со стороны Таиланда.

ЮНЕСКО стала ареной противоборства также и между Израилем и Палестиной. В 2010 г. ЮНЕСКО признала, что гробница Рахили¹¹⁵ и пещера Патриархов¹¹⁶, находящиеся под контролем Израиля, «являются неотъемлемой частью оккупированных палестинских территорий и что любые односторонние действия израильских властей надлежит рассматривать как нарушение международного права, конвенций ЮНЕСКО и резолюций Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности»¹¹⁷. В 2015 г. ЮНЕСКО вновь подтвердила в резолюции, что «два соответствующих объекта, расположенные в Аль-Халиле/Хевроне в

¹¹⁴Meskill L. UNESCO's World heritage Convention at 40: challenging the economic and political order of International Heritage Conservation // Current Anthropology. 2013.Vol.54. № 4. P. 490.

¹¹⁵Надгробие, где, согласно преданию, была погребена прама́терь Рахиль, которое находится севернее Вифлеема, в нескольких сотнях метров от южной части современного Иерусалима, под контролем Израиля. На протяжении многих веков является местом паломничества евреев, а также святым местом для христиан и мусульман.

¹¹⁶Склеп в древней части Хеврона, в котором, согласно Библии, похоронены еврейские праотцы Авраам, Исаак и Иаков.

¹¹⁷П. 37 (7) Решений, принятых Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 184-й сессии 14 мая 2010 г. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187904_rus (дата обращения: 14.11. 2019).

Вифлееме, являются неотъемлемой частью Палестины»¹¹⁸. В результате такой занятой позиции ЮНЕСКО в отношении Израиля как «оккупирующей державы», отношения с этим государством у специализированного учреждения ООН всегда были напряженные.

В 2011 г. Палестина, частично признанное государство на Ближнем Востоке, была включена в состав членов ЮНЕСКО, и внесла Базилику Рождества Христова (Вифлеем) в Список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО как только свой собственный объект культурно-исторического и религиозного наследия. Таким образом, ЮНЕСКО, специализированное учреждение ООН, стала первой организацией системы ООН, которая признала Палестину как государство. Это вызвало острую реакцию со стороны США и Израиля, которые приостановили свое финансирование ЮНЕСКО, чем вызвали финансовый кризис организации¹¹⁹. В 2014 г. Палестина также внесла в этот Список землю оливо и виноградников: культурный ландшафт южной части Иерусалима (Баттир), а в 2017 г. старый город Хеврон (Эль-Халиль).

Ситуация ухудшилась, когда в 2016 г. Исполнительный совет ЮНЕСКО представил резолюцию «Оккупированная Палестина», где резко осудил проведение «оккупирующей державой» Израилем в Старом городе Хеврона строительных работ, способных нанести ущерб этому объекту¹²⁰. Причем, в тексте резолюции из трех главных святынь лишь две обозначены и мусульманским названием, и еврейским, в то время как третья, самая главная – Храмовая гора – вновь названа только мусульманским названием (Аль-

¹¹⁸Решения, принятые Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 196-й сессии 22 мая 2015 г. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232890_rus (дата обращения: 15.11. 2019).

¹¹⁹Meskill L. UNESCO's World heritage Convention at 40: challenging the economic and political order of International Heritage Conservation // Current Anthropology. 2013.Vol.54. № 4. P. 490. Gori M. The Stones of Contention: the role of archaeological heritage in Israeli-Palestinian conflict // Archaeologies: Journal of the World Archaeological Congress. 2013. Vol. 9. №1. P. 214.

¹²⁰Решения, принятые Исполнительным комитетом ЮНЕСКО 12 октября 2016 г. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246215_rus (дата обращения: 14.11. 2019).

Харам аш-Шариф)¹²¹. Это было интерпретировано, как целенаправленное занижение значимости святыни для евреев, их истории и идентичности, и вызывало бурное негодование и критику ЮНЕСКО со стороны израильского правительства. Руководитель израильской надзорной службы археологических раскопок заявила, что эта резолюция ЮНЕСКО сопоставима с терактом ИГИЛ¹²².

ЮНЕСКО не раз подтверждала в своих резолюциях невозможность полной атрибуции Иерусалима к суверенитету Израиля, в ответ на что в октябре 2017 г. президент США Д. Трамп заявил о выходе США из ЮНЕСКО, а месяц спустя официально признал Иерусалим столицей израильского государства. Вслед за США организацию покинул Израиль¹²³.

Таким образом, концепция всемирного культурного наследия несет в себе ряд важных для международного сообщества категорий, таких как права человека, коллективная идентичность, культурное многообразие и устойчивое развитие. Именно эти ценности выступают референтными объектами безопасности в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия. Одной из важных предпосылок секьюритизации всемирного культурного наследия стало формирование консенсуса о тяжести преступлений против объектов наследия как о преступлениях против человечности и криминализация международно-правового режима защиты культурных ценностей. Предпосылкой секьюритизации является также стадия сильной политизации вопроса всемирного культурного наследия. Нередко государства стали использовать факт включения объекта культурно-исторического и религиозного наследия в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО как политический инструмент для легитимации и

¹²¹Там же.

¹²²Israel's antiquities chief compares UNESCO to Islamic State, 20 October 2016. – Режим доступа: <https://www.timesofisrael.com/antiquities-chief-compares-unesco-to-islamic-state/> (дата обращения: 14.11. 2019).

¹²³США и Израиль вышли из ЮНЕСКО, 31.12.2018. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2018/12/31/soedinennye-shtaty-israel-vyshli-iz-iunesko> (дата обращения: 15.11. 2019).

утверждения контроля над определенными территориями, а также для получения экономических выгод, маскируя это защитой культурного разнообразия и культурного наследия и обеспечением устойчивого развития. Для объектов культурного наследия, помимо угрозы уничтожения в ходе боевых действий, появилась угроза политической и экономической эксплуатации.

Глава II. Основные этапы секьюритизации всемирного культурного наследия

2.1 Разрушение Бамианских Будд (Афганистан) как первый этап секьюритизации всемирного культурного наследия

Политизация всемирного культурного наследия достигла своего апогея в 2001 г., когда, следуя теории Б. Бузана и О. Вейвера в том, что секьюритизация представляет собой крайнюю степень политизации, случился переломный момент, после которого можно говорить о начале процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. Итальянская республика одной из первых обратила внимание на серьезность происходящего процесса и на всех этапах стремилась активно привлечь к этому внимание международной общественности.

В политических целях объекты культурного наследия и сам факт их разрушения как способ давления на международное сообщество стали использоваться террористическими силами. К начальному этапу секьюритизации в международном сообществе сложилось понимание и всеми разделяемое убеждение в том, что всемирное культурное наследие – это материальное выражение коллективной идентичности и культурного разнообразия; ценность, которая представляет высокую важность для всего международного сообщества, обязанностью которого является охрана и защита таких объектов в целях сохранения этого культурного разнообразия. Разрушение объектов всемирного культурного наследия является нарушением международного гуманитарного права и классифицируется как военное преступление и преступление против человечности. В условиях такой парадигмы восприятия мирового культурного наследия и при достижении уже достаточно высокого уровня политизации проблемы всемирного культурного наследия, разрушение в 2001 г. Бамианских Будд в Афганистане стало событием, запустившим процесс секьюритизации всемирного культурного наследия.

В 1989 г., с выводом советских войск из Афганистана, в этом государстве сохранилась высокая нестабильность. Появившееся в период гражданской войны в Афганистане 1979-1989 гг. движение «Талибан», идеология которого базировалась на исламском фундаментализме, неприятии всего западного и современного, захватило в 1996 г. г. Кабул, а к концу 2000 г. движение контролировало уже 90% территории Афганистана. В сентябре 1996 г. Талибан провозгласил образование Исламского Эмирата Афганистан¹²⁴. Верховный лидер афганских талибов мулла Мухаммед Омар, захватив власть, наложил на значительную часть населения ограничения по законам шариата. Это вызвало жесткую критику международного сообщества. Совет Безопасности ООН наложил жесткие санкции на Афганистан за нарушение прав человека и спонсирование, покровительство и подготовку террористов¹²⁵. Исламский Эмират Афганистан получил дипломатическое признание только со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и ОАЭ¹²⁶.

В ответ на санкции и растущую дипломатическую изоляцию 26 февраля 2001 г. мулла Мухаммед Омар отдал приказ о разрушении всех статуй в Афганистане, но основной целью были две гигантских статуи Будды в Бамиане, возрастом более 1500 лет, которые представляли как религиозное, так и историко-культурное значение¹²⁷. Ни давление международного сообщества, ни государств, признавших Эмират, не оказало воздействия на

¹²⁴Частично признанное государство, существовавшее в 1996-2001 гг. и контролировавшее большую часть территории Афганистана.

¹²⁵Например: Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании, 15 октября 1999 г. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902113834> (дата обращения: 07.11.2019); Резолюция 1333 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4251-м заседании 19 декабря 2000 г. – Режим доступа: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/1333%20\(2000\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1333%20(2000)) (дата обращения: 07.11.2019).

¹²⁶Де-факто также Туркменистана и Чеченской Республики Ичкерия, которую 16 января 2000 г. верховный лидер афганских талибов мулла Мухаммед Омар признал независимым от России самостоятельным государством.

¹²⁷Бамианские статуи Будды – две гигантские статуи Будды высотой 53 и 38 метров, входившие в комплекс буддийских монастырей в Бамианской долине, возраст которых датируется 6 веком нашей эры и относятся к индийскому искусству Гандхара.

талибов, статуи были объявлены языческими идолами и подвергнуты уничтожению.

Это стало первой демонстративной акцией по уничтожению памятников в новом тысячелетии. Талибы были уверены, что внимание всего международного сообщества приковано к ним, а потому уничтожение памятников культуры – «ложных идолов» – проходило под личным руководством «министра обороны» «Талибана» и рассматривалось как «важнейшая военная операция». Весь процесс подготовки и разрушения, который произошел в период с первого по шестое марта 2001 г. был тщательно задокументирован и растиражирован в СМИ и интернете¹²⁸.

Разрушение Бамианских Будд талибы отпраздновали как большую победу: мулла Мухаммед Омар приказал зарезать более 150 коров и мясо раздать бедным¹²⁹. 26 марта 2001 г. талибы устроили показательную экскурсию в Бамиан для 20 иностранных журналистов и продемонстрировали им обломки статуй. По словам лидера «Талибана» муллы Мухаммеда Омара буддистской общины в Афганистане нет, и идолам никто не поклоняется, сохранять доисламское наследие намерения у талибов нет.

ЮНЕСКО квалифицировала случившееся как преступление против культуры и крупнейший провал организации по спасению памятников всемирного наследия¹³⁰. Разрушение Бамианских Будд представляет собой первый в новейшей истории пример детально спланированного и

¹²⁸В указанной документации содержалась фраза о том, что «целевая аудитория не является ни божественной, ни локальной, но глобальной». Подробнее: Flood F.B. Between Cult and Culture: Bamiyan, Islamic Iconoclasm, and the Museum // The Art Bulletin. Vol. 84, №4. 2002. P. 641-659.

¹²⁹Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 245.

¹³⁰В ожидании варваров: памятники всемирного наследия под угрозой уничтожения. – Режим доступа: <https://tass.ru/spec/bamiyan> (дата обращения: 12. 02. 2019).

зафиксированного преднамеренного разрушения объектов всемирного культурного наследия¹³¹.

Разрушение Будд в Бамиане можно отнести к началу процесса секьюритизации всемирного культурного наследия, в котором в политических целях используется не столько культурно-историческое и религиозное наследие, а сам факт его уничтожения.

Произошедший 11 сентября 2001 г. теракт в США, а затем и падение режима талибов после американской интервенции отодвинули на второй план вопросы защиты культурного наследия для мирового сообщества. Для анализа ситуации с разрушением Бамианских Будд можно обратиться к двум международным конвенциям: Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Несмотря на то, что к этому времени была разработана обширная база международного права, регулирующая вопросы защиты всемирного культурного наследия, разрушения Бамианских Будд осталось безнаказанным по ряду причин.

Во-первых, это преступление было совершено непризнанным государством¹³². Во-вторых, оно было совершено против культурного наследия, находящегося на собственной территории государства, которое согласно международно-правовым нормам это государство обязано

¹³¹Следует отметить, что в истории человечества данный акт не является единичным: например, в 146 г. до н.э., когда римский военачальник Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский после ожесточённых боёв взял Карфаген, он приказал разрушить его до снования, вскопать на его месте поле и посыпать почву солью. Этим жестом Сципион не только хотел показать военное превосходство Рима, но и преследовал политическую цель уничтожения исторической памяти гражданского населения о величии Карфагена и о той опасности, которую он представлял для Рима. Подробнее: Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. №4. P. 619-620.

¹³²Bren W. Terrorists and Antiquities: Lessons Learned from the Destruction of the Bamiyan Buddhas, Current ISIS Aggression, and a Proposed Framework for Cultural Property Crimes // *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. 2016. Vol. 34. №1. P. 230. Другая точка зрения состоит в том, что новое, даже непризнанное, правительство является правопреемником всех международных обязательств предыдущего правительства. Подробнее: Lanzoni N. La distruzione dei Buddha di Bamiyan: una retrospettiva / E. Baroncini // *Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale*. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche. 2019. P. 56.

защищать¹³³. В-третьих, оно было совершено не в ходе вооруженного конфликта, а в мирное время¹³⁴. В-четвертых, Афганистан не являлся участником Конвенции ЮНЕСКО 1954 г., в связи с чем ее положения не могут быть применимы к рассматриваемому факту разрушения¹³⁵. И, наконец, в-пятых, одной из целей уничтожения Бамианских Будд было нанесение ответного удара международному сообществу за наложенные санкции и дипломатическую изоляцию¹³⁶.

Что касается Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., то Афганистан с 1979 г. является участником этой Конвенции. Несмотря на то, что к моменту разрушения Бамианских Будд в 2001 г. они еще не были включены в Список всемирного культурного наследия, они представляли собой «выдающуюся универсальную ценность», которая, даже не будучи включенной в Список, должна была подлежать

¹³³O'Keefe R. World Cultural Heritage: Obligations to the International Community as a Whole? // *International & Comparative Law Quarterly*. 2004. Vol. 53. № 1. P. 145; Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // *Yale Journal of International Law*. 2003. Vol. 28. № 1. P. 197; Bren W. Terrorists and Antiquities: Lessons Learned from the Destruction of the Bamiyan Buddhas, Current ISIS Aggression, and a Proposed Framework for Cultural Property Crimes // *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. 2016. Vol. 34. №1. P. 230. P. 231.

¹³⁴Это положение также подвергается критике в связи с тем, что ст. 3 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются подготовить еще в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта, принимая меры, которые они считают необходимыми». Действия талибов представляют явное нарушение указанной статьи конвенции. Подробнее: Lanzoni N. La distruzione dei Buddha di Bamiyan: una retrospettiva / E. Baroncini // *Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale*. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche. 2019. P. 57.

¹³⁵Уже в 2017 г. Афганистан присоединился к указанной Конвенции, но не ратифицировал ее. Кроме того, даже если бы Афганистан в 2001 г. являлся участником указанных конвенций, они не могли бы быть применимы в рассматриваемой ситуации именно потому, что в этот период на территории Афганистана функционировало непризнанное государство Исламский Эмират Афганистан. Есть и другая точка зрения, согласно которой международные обязательства бывшего правительства государства, располагавшегося на тоже территории, переходят новому правительству. Подробнее: Baroncini E. *Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale* / E. Baroncini. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche, 2019. P. 57.

¹³⁶Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. № 4. P. 620.

охране и защите¹³⁷. Никакие санкции за нарушение положений Конвенция не предусматривает. Все это обнаруживает многочисленные пробелы в международном праве защиты объектов культурного наследия.

Реакция международного сообщества на разрушение объектов мирового культурного наследия на этом этапе секьюритизации была многочисленной, но недостаточно сильной, чтобы предпринять какие-то практические шаги, подкрепляющие секьюритизацию¹³⁸. Международное сообщество задействовало различные рычаги давления: шантаж¹³⁹, угрозы¹⁴⁰, осуждение, санкции, дипломатическую изоляцию, выкуп¹⁴¹.

¹³⁷Ст.12 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.: «Тот факт, что какая-либо ценность культурного или природного наследия не была включена в один из двух списков, упомянутых в пунктах 2 и 4 статьи 11, ни в коей мере не означает, что она не имеет выдающейся универсальной ценности или других целей помимо тех, которые являются следствием включения их в эти списки».

¹³⁸Протесты выразили следующие государства: Афганистан (официальное правительство, находящееся в изгнании), Андорра, Аргентина, Армения, Австралия, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Бенин, Бутан, Босния и Герцеговина, Бразилия, Болгария, Мьянма, Камбоджа, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Эль Сальвадор, Эстония, Фиджи, Финляндия, Франция, Грузия, Германия, Греция, Гватемала, Гаити, Венгрия, Исландия, Индия, Ирландия, Иран, Израиль, Япония, Иордания, Казахстан, Южная Корея, Либерия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Македония, Мадагаскар, Мальта, Малайзия, Маврикий, Мексика, Микронезия, Молдова, Монако, Монголия, Непал, Нидерланды, Новая Зеландия, Никарагуа, Норвегия, Панама, Пакистан, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Катар, Румыния, Россия, Саудовская Аравия, Самоа, Сан-Марино, Сьерра-Леоне, Словакия, Словения, Испания, Соломоновы острова, ЮАР, Шри-Ланка, Швеция, Швейцария, Суринам, Таджикистан, Таиланд, Того, Турция, Украина, ОАЭ, Великобритания, США, Уругвай, Узбекистан, Вьетнам, Югославия. Отдельные протесты выразили Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан и Далай-Лама. Подробнее: Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 246-250.

¹³⁹Япония пригрозила снизить объем оказываемой Афганистану помощи, если Будды будут уничтожены. Подробнее: Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 247.

¹⁴⁰Организация Исламская Конференция направила в Афганистан делегацию из самых высокопоставленных религиозных деятелей, среди которых были деятели из Египта и Госсекретарь Катара. Они пытались объяснить талибам, что Будды не являются идолами, но историческим наследием, что их существование никак не угрожает исламу. Подробнее: Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 249.

¹⁴¹Среди тех, кто предлагал выкупить статуи Будд и финансировать их транспортировку были: Музей Метрополитен, иранский частный коллекционер, правительства Ирана и Шри-Ланки. Шри-Ланка также готова была выкупить останки статуй, чтобы восстановить

Предложения Метрополитен-музея, иранского частого коллекционера и правительств Ирана и Шри-Ланки выкупить статуи Будд и финансировать их транспортировку были первыми мерами в русле зарождающегося процесса секьюритизации, которые на следующем этапе секьюритизации получают свое развитие.

Наиболее проницательной оказалась Италия¹⁴², чей Посол в Пакистане Анджело Габриэле заявил, что «абсолютно бессмысленное разрушение статуй Будды – это лишь первый симптом очень тяжелой болезни»¹⁴³. Еще в 1998 г. по предложению Италии в Неаполе была принята резолюция ЮНЕСКО, в которой утверждалось, что статуи Будды в Бамиане являются частью наследия всего человечества¹⁴⁴.

Майкл Фолсер, эксперт Центра межкультурных исследований в Германии, заявил, что уничтожение Бамианских Будд – это атака на универсальную значимость культурных ценностей, заключенную в концепции всемирного культурного наследия¹⁴⁵. Бывший генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацура заявил, что «это преступление против культуры»¹⁴⁶.

9 марта 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую действия талибов в отношении культурного наследия

их. Подробнее: Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 250.

¹⁴²Подробнее: Воробьева Ю. В. Роль культуры во внешней политике Итальянской Республики // Дипломатическая служба. 2018. №2. С. 67-72.

¹⁴³Цит. по: Wangkeo K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime // Yale Journal of International Law. 2003. Vol. 28. № 1. P. 247.

¹⁴⁴Доклад ЮНЕСКО WHC-97/CONF.208/17, 27 February 1998. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/1997/whc-97-conf208-17e.pdf> (дата обращения: 17.12. 2019).

¹⁴⁵Falser M. The Bamiyan Buddhas, performative iconoclasm and the 'image' of heritage / S. Giometti, A. Tomaszewski (eds.) // The Image of Heritage. Changing Perception, Permanent Responsibilities. Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation and Restoration (Florence, 6–8 March 2009). Firenze, 2011. P. 157–169.

¹⁴⁶U.N. Confirms Destruction of Afghan Buddhas. 12 March 2001. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/International/story?id=81406&page=1#.UA4FSrQe5TI> (дата обращения: 08.12. 2019).

Афганистана¹⁴⁷. Свои протесты выразили также ЕС, Организация Исламская Конференция, Совет Европы и Группа восьми. Совместное заявление Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) и Международного совета музеев (ИКОМ) гласило, что «...это будет полной культурной катастрофой. Это останется на страницах истории как один из самых ужасных актов варварства»¹⁴⁸.

Единственным серьезным ответом международного сообщества на первом этапе секьюритизации всемирного культурного наследия стала Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия (2003 г.)¹⁴⁹. Эта Декларация расширила положения о разрушении культурного наследия как о нарушении международного права или неоправданном покушении на принципы человечности и предложила наказывать факты разрушения всемирного культурного наследия также исходя из норм международного уголовного права, даже если такое разрушение произошло в мирное время, а не в ходе военного конфликта¹⁵⁰. Декларация признает, что культурное наследие может также становиться объектом преднамеренного разрушения, а не только быть сопутствующим ущербом или случайной жертвой. Декларация носит не обязательный, а рекомендательный характер, за что часто критикуется как упущенная возможность дополнить международное право нормами о наказании за преднамеренное разрушение объектов культурно-исторического и религиозного наследия в мирное время¹⁵¹.

¹⁴⁷Резолюция 55/234, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 1 мая 2001 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/243> (дата обращения: 17.01. 2020).

¹⁴⁸Appeal issued by ICOMOS and ICOM on 1 March 2001. – Режим доступа: https://www.icomos.org/risk/world_report/2000/appeal.htm (дата обращения: 17.12. 2019).

¹⁴⁹Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия от 17 октября 2003 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 30.06.2018).

¹⁵⁰Там же.

¹⁵¹Подробнее: Lanzoni N. La distruzione dei Buddha di Bamiyan: una retrospettiva / E. Baroncini // Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche. 2019. P. 65.

Таким образом, первый этап секьюритизации всемирного культурного наследия был запущен разрушением талибами в 2001 г. Бамианских Будд в Афганистане. Этот акт явился началом нового этапа в разрушении культурного наследия, который характеризуется преднамеренностью совершения в мирное время с целью уничтожения коллективной идентичности народа, проживающего на данной территории, для получения контроля над этой территорией и достижения политических целей. До этого момента в политических целях использовались сами культурные объекты, существование которых использовалось в переписывании истории или получении экономических выгод и политических преимуществ. Начало секьюритизации ознаменовало принципиально иной подход: сам факт уничтожения объектов культурно-исторического и религиозного наследия стал использоваться как способ влияния и достижения политических целей. Уничтожение объектов культурного наследия было хорошо спланированной, целенаправленной акцией, совершенной непризнанным правительством в отношении наследия своего собственного государства в условиях мирного времени, с единственной целью досадить и отомстить международному сообществу. Ни один из имеющихся на сегодняшний день международно-правовых инструментов не содержит в себе положений, по которым за преступление, совершенное в таких условиях, таким актором и с подобным мотивом, правонарушители могут быть привлечены к ответственности. Преднамеренное разрушения Бамианских Будд не является нарушением международного права: ни конвенционального, ни уголовного, ни обычного международного права¹⁵². Вся разработанная международно-правовая база оказалась бесполезной и неспособной противостоять новым вызовам и угрозам современности.

Реакция международного сообщества на первом этапе секьюритизации характеризуется растерянностью, слабостью и неэффективностью. Можно проследить зарождение секьюритизирующего

¹⁵²Подробнее: Ibid. P. 51-71.

всемирное культурное наследие дискурса в речах отдельных специалистов, представителей различных государств, в первую очередь Италии, и Генерального директора ЮНЕСКО.

После этого теракта началось интенсивное распространение террористических сил в регионе Ближнего и Среднего Востока и увеличение числа нападений на символы культуры, особенно в Тунисе, Ливии, Египте, Мали, Нигере, Ираке и Сирии. В то же время, международные акторы постепенно начинают реагировать на такого рода атаки на культурное наследие острее, смещая акцент с реактивных мер на превентивные, развивая деятельность по поиску новых достойных ответов на создавшиеся угрозы¹⁵³.

2.2 Разрушение мавзолеев Тимбукту (Мали) как второй этап секьюритизации всемирного культурного наследия

Вторым этапом секьюритизации всемирного культурного наследия можно назвать процесс, запущенный в результате разрушения террористами объектов религиозно-исторического наследия Тимбукту в Мали. Известный как “Город 333 святых”, Тимбукту был торговым и духовным центром в XIV в. Уникальные памятники архитектуры – гробницы и мечеть – были внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Наиболее крупные сооружения – Соборная мечеть Джингеребер, Медресе Санкоре и Мечеть Сиди Яхья. В Тимбукту находятся 16 древних мавзолеев (в которых захоронены останки мусульманских святых), входящих в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

1 апреля 2012 г. город был захвачен исламистской группировкой «Ансар Дайн» (признана террористической во многих странах, включая Россию), имеющей связи с «Аль-Каидой», а с 6 апреля стал столицей самопровозглашенного «Независимого Государства Азавад», во главе которого стоял Ахмед аль-Факи аль-Махди. 26 июня боевики разгромили семь захоронений, а 28 июня – сорвали с петель ворота мечети Сиди Яхья.

¹⁵³Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 25. № 7. P.5.

Боевики заявили, что мусульмане должны поклоняться Аллаху, а не святым, и разрушали мавзолей, орудуя экскаваторами, кирками и лопатами. В ходе антитеррористической операции, начавшейся в январе 2013 г., повстанцы оставили город без боя, однако при отступлении сожгли здание исторического исследовательского центра Ахмед Баба, включая библиотеку, в которой хранились до 100 тысяч арабских и древнегреческих рукописей, входящих в список Всемирного наследия.

Реакция международного сообщества была острой. ЮНЕСКО первой незамедлительно подняла тревогу после разрушения первой гробницы в 2012 г. и довела этот вопрос до МУС. Бывший генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова не раз обращалась с призывами к мировому сообществу с просьбой о помощи и поддержке в прекращении актов вандализма в Мали. Руководитель африканского подразделения Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО Лазар Элунду Ассомо назвал ситуацию серьезной и печальной, подчеркнув, что разрушение памятников является трагедией для всего мира¹⁵⁴. В связи с этим на 36 сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО Тимбукту был внесен в список Всемирного наследия под угрозой уничтожения¹⁵⁵.

Совет Безопасности ООН в Резолюции 2056 (2012) по ситуации в Мали решительно осудил «осквернение, повреждение и разрушение священных исторических и культурных объектов, особенно (но не только) включенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО, в том числе в городе Тимбукту» и подчеркнул, «что совершение нападений на здания религиозного значения или исторические памятники может являться нарушением международного права»¹⁵⁶. Спустя несколько месяцев в

¹⁵⁴Тимбукту: исламисты разрушают древние мавзолеи. 3 июля 2012 г. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/mali-timbuktu/1353005.html> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁵⁵Heritage sites in northern Mali placed on List of World Heritage in Danger, 28 June 2012. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/news/893> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁵⁶Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6798-м заседании 5 июля 2012 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2056\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2056(2012)) (дата обращения: 01.04.2019).

резолюциях 2071 (от 12 октября 2012 г.), 2085 (20 декабря 2012 г.), 2100 (25 апреля 2013 г.) Совет Безопасности ООН вновь осудил разрушение культурного и религиозного наследия Мали¹⁵⁷.

Прокурор Международного уголовного суда Фату Бенсуда заявила, что разрушение объектов всемирного культурного наследия в Мали – это военное преступление¹⁵⁸. Свои протесты выразили Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, Организация Исламская Конференция, Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС). Ряд государств, среди которых Россия, Франция, США, Намибия, Нигер, Мали, осудили действия террористов, назвав их варварскими и преступными.

СМИ сравнили эти разрушения с разрушением Бамианских Будд в Афганистане, а член парламента Мали Хаидара Эль Хаджи Баба отметил, что единственной мотивацией террористов было бросить вызов международному сообществу, подчеркнув, что Ансар Дайн начала разрушать объекты религиозного наследия сразу после того, как ЮНЕСКО включила их в список Всемирного наследия под угрозой уничтожения¹⁵⁹.

По словам Раматулайе Диалло Н'Дайе, министра культуры, ремесел и туризма Мали, «всемирное наследие и исторические памятники становятся излюбленной мишенью тех, кто стремится шокировать общественное мнение»¹⁶⁰.

¹⁵⁷Резолюция 2071 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6846-м заседании 12 октября 2012 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2071\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2071(2012)) (дата обращения: 05.02.2020); Резолюция 2085 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6898-м заседании 20 декабря 2012 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2085\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2085(2012)) (дата обращения: 05.02.2020); Резолюция 2100 (2013), принятая Советом Безопасности ООН на его 6952-м заседании 25 апреля 2013 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2100\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2100(2013)) (дата обращения: 05.02.2020).

¹⁵⁸Timbuktu shrine destruction “a war crime”. July 02, 2012. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/mali/9369271/Timbuktu-shrine-destruction-a-war-crime.html> (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁵⁹Timbuktu Residents Reject Islamists' Reason for Destroying Shrines. July 03, 2012. – Режим доступа: <https://www.voanews.com/africa/timbuktu-residents-reject-islamists-reason-destroying-shrines> (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁶⁰В ожидании варваров: памятники всемирного наследия под угрозой уничтожения. – Режим доступа: <https://tass.ru/spec/bamiyan> (дата обращения: 27.05.2020).

В 2012 г. правительство Мали обратилось в Международный уголовный суд с просьбой рассмотреть дело о разрушении исторического и религиозного наследия Тимбукту. В 2016 г. МУС приговорил в девяти годам лишения свободы и выплатам коллективных и индивидуальных репараций в сумме 2,7 млн. евро малийского экстремиста Ахмеда аль-Факи аль-Махди за преднамеренное разрушение 9 мавзолеев и одной мечети – 10 религиозных сооружений в Тимбукту, имевших большое символическое значение для проживающего на этой территории населения¹⁶¹. А поскольку большая часть разрушенных объектов входила в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, то пострадало не только местное население, но и все мировое сообщество¹⁶².

Этот судебный процесс имеет большое значение для секьюритизации всемирного культурного наследия: это первый в истории случай, когда разрушение памятников культуры было классифицировано как военное преступление, и первое дело в истории МУС, полностью посвященное преднамеренному разрушению культурного наследия. Постепенная криминализация международно-правового режима защиты всемирного культурного наследия и судебное преследование за его разрушение стало шагом, подкрепляющим процесс секьюритизации всемирного культурного наследия. По мнению бывшего генерального секретаря ЮНЕСКО, этот первый процесс в международном суде по делу о разрушении исторических памятников и сооружений служит убедительным свидетельством решимости международного сообщества обеспечить уголовное преследование за данный вид преступлений по всей строгости закона, не только в Мали, но и во всем мире¹⁶³. Данный судебный процесс знаменует новый этап во всестороннем

¹⁶¹Баконга К.Ф. Историческая резолюция для защиты культурного наследия. Курьер ЮНЕСКО №3, 2017 – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/3-2017/34152-istoricheskaya-rezolyuciya-dlya-zaschity-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 30.06.2018).

¹⁶²The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. Judgment and Sentence. September 27, 2016. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_07244.PDF (дата обращения: 20 марта 2019).

¹⁶³Генеральный директор ЮНЕСКО приветствует открытие судебного процесса по делу о разрушении наследия Тимбукту. Пресс-релиз от 24 августа 2016 г. – Режим доступа:

признании преднамеренного разрушения культурного наследия в качестве военного преступления после усилий, прилагаемых ЮНЕСКО и международным сообществом на протяжении десятилетий, в частности с момента разрушения Старого города Дубровник (Хорватия) и Старого моста в Мостаре (Босния и Герцеговина)¹⁶⁴.

Тогда же бывший генеральный секретарь ЮНЕСКО отметила, что «этот судебный процесс также является решающим шагом на пути признания защиты культурного наследия в качестве главного фактора мира и безопасности, неотделимого от защиты человеческих жизней. ЮНЕСКО пропагандирует эту идею и работает над ней совместно с Советом Безопасности ООН на протяжении нескольких лет. Нападения на культурное наследие находятся на передовой линии современных конфликтов и являются частью стратегии «культурной чистки»¹⁶⁵.

Вторым важным ответом международного сообщества на преднамеренное разрушение культурных и религиозных объектов стала новаторская инициатива Франции, направленная на противостояние разрушениям культурного наследия Мали на захваченной в 2012 г. террористами территории. Малийские переходные власти обратились за помощью к Франции для защиты суверенитета и восстановления территориальной целостности Мали. Франция не только провела ряд военных операций, но и поддержала мероприятия малийских властей по спасению и реконструкции культурного наследия Мали. Пункт F статьи 16 и статья 23 Резолюции Совета Безопасности ООН 2100, которая в 2013 г. учредила Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в

http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/unesco_director_general_welcomes_opening_of_trial_on_the_des/ (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁶⁴Генеральный директор ЮНЕСКО приветствует открытие судебного процесса по делу о разрушении наследия Тимбукту. Пресс-релиз от 24 августа 2016 г. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/unesco_director_general_welcomes_opening_of_trial_on_the_des/ (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁶⁵Там же.

Мали (МИНУСМА), включают в мандат миссии положения по содействию сохранению культурных объектов: необходимо «совместно с ЮНЕСКО оказывать переходным властям Мали по мере необходимости и возможности помощь в охране культурных и исторических объектов в Мали от агрессивных действий»¹⁶⁶. Внедрение культурного компонента в мандат миротворческой миссии ООН в Мали представляет собой новаторское решение, первое в своем роде. Франция выступила инициатором шага, который, с одной стороны, отвечал на возникшие современные вызовы и угрозы, а с другой, явился конкретным шагом, подкрепляющим секьюритизирующий всемирное культурное наследия дискурс на практике¹⁶⁷.

Таким образом, второй этап секьюритизации всемирного культурного наследия был спровоцирован захватом в 2012 г. террористами «Ансар Дайн» малийского города Тимбукту и преднамеренным разрушением исторических памятников и сооружений религиозного значения, объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Как и на первом этапе, целью террористов было скорее желание вызвать широкий международный резонанс и бросить вызов международному сообществу.

На втором этапе секьюритизации реакция международного сообщества была острой и многочисленной. Началось полноценное формирование секьюритизирующего всемирное наследие дискурса, с использованием таких слов и выражений, как «военное преступление», «культурная чистка», «преступление против культуры». В отличие от ситуации с разрушением Бамианских Будд в Афганистане, государства и международные организации подкрепили этот дискурс рядом секьюритизирующих действий.

¹⁶⁶Резолюция 2100 (2013), принятая Советом Безопасности ООН на его 6952-м заседании 25 апреля 2013 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2100\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2100(2013)) (дата обращения: 18 марта 2019).

¹⁶⁷Foradori P., Giusti S., Lamonica A. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom // The International Spectator. 2018. Vol. 50. № 3. P. 88.

Например, впервые в истории дело МУС было полностью посвящено вопросу разрушения объектов наследия и впервые в истории такое разрушение было квалифицировано как «военное преступление» и преступник был привлечен к ответственности именно и только за эти противоправные деяния.

Кроме того, инновационный элементом стало также включение в миротворческую операцию ООН «МУНИСМА» в Мали культурного компонента. Никогда прежде в задачи вооруженных контингентов стран - членов ООН, выделенных согласно Уставу ООН в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и безопасности путем совместных принудительных действий, не входила защита объектов культурно-исторического и религиозного значения.

2.3 Разрушение культурного наследия Ирака и Сирии как третий этап секьюритизации всемирного культурного наследия

Следующим поворотным моментом в формировании секьюритарного нарратива вокруг всемирного культурного наследия стала деятельность ИГИЛ по разрушению, разграблению и уничтожению культурных, религиозных и археологических объектов Мали, Ирака и Сирии, и, прежде всего, разрушение Пальмиры, античного города, который служил перекрестком цивилизаций¹⁶⁸.

¹⁶⁸Исламское государство (ИГИЛ) (организация, запрещенная в России) – международная исламистская суннитская экстремистская террористическая организация. Возникла в 1999 г. в Ираке как террористическая группировка, а в 2004 г. присоединилась к Аль-Каиде и стала называться «Аль-Каидой в Ираке». В октябре 2006 г., слившись с другими радикальными исламистскими группировками, была провозглашена как «Исламское государство Ирака и Леванта». Действовала в 2013-2019 гг. преимущественно на территории Сирии (частично контролируя ее северо-восточные территории) и Ирака (частично контролируя территорию «суннитского треугольника») фактически как непризнанное квазигосударство (провозглашенное как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления и штаб-квартирой в сирийском городе Эр-Ракка. Помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ или подконтрольные ему группировки также контролируют небольшие территории в Афганистане, Египте, Йемене, Ливии, Нигерии, Сомали, ДР Конго и ведут террористическую деятельность на Северном Кавказе, в Алжире, Индонезии, Ливане, Пакистане, Саудовской Аравии, Тунисе, Филиппинах и некоторых других странах.

С 2014 г. боевики ИГИЛ целенаправленно и методично уничтожают культурное наследие Ирака и Сирии: различные места религиозного поклонения, особенно в г. Мосул (Ирак), и исторические артефакты. В 2015 г. террористы взорвали центральную библиотеку г. Мосул и уничтожили от 8 до 10 тысяч книг, кувалдами и дрелями разрушили ряд экспонатов музея Мосула, уничтожили бульдозерами руины строений и оставшиеся статуи древних ассирийских городов Нимруд (XIII век до н. э.), Хатра (III век до н. э.), также частично разграбили и уничтожили руины города Дур-Шаррукин (VIII век до н.э.). В мае 2015 г. ИГИЛ подорвало историческую мечеть «Марям хатун» 1821 г. на западе г. Мосул. Боевики взорвали в Мосуле также мечеть «Султана Ваиса» (построена в 1838 г.) и историческую мечеть XIX в. «аль-Хадра». Летом 2015 г. боевики ИГИЛ приступили к планомерному разрушению памятников Пальмиры. Был разграблен Национальный музей. 25 июня 2015 г. боевики ИГИЛ взорвали гробницы шиитского святого Мухаммеда бен Али и суфийского религиозного деятеля Низара Абу Баха ад-Дина. 27 июня была снесена статуя «Лев Аллат», 23 августа взорван храм Баалшамина.

Боевики также казнили хранителя Пальмиры, известного сирийского археолога 82-летнего Халеда аль-Асаада. 30 августа террористы взорвали храм Бэла. 4 сентября были разрушены три наиболее хорошо сохранившиеся погребальные башни, которые были созданы в римский период в Долине гробниц. 5 октября 2015 г. боевики взорвали Триумфальную арку эпохи Древнего Рима - символ Пальмиры и античной Сирии. В апреле 2016 г. террористы разрушили двухтысячелетний памятник архитектуры «Врата бога» около г. Мосул. Ворота представляли собой сооружение, охранявшее въезд в древний ассирийский город Ниневия, который был самым крупным городом в Древнем мире. В июне 2016 г. был разрушен храм Набу в древнем

ассирийском городе Нимруде на севере Ирака. В июне 2017 г. были взорваны мечеть и минарет XII века ан-Нури в Мосуле¹⁶⁹.

После уничтожения талибами Бамианских Будд, при сохранении основных характеристик – преднамеренность, использование факта уничтожения объекта наследия в политических целях, желание шокировать международное сообщество – уничтожение культурного наследия террористами ИГИЛ вышло на качественно новый уровень: оно превратилось в хорошо продуманную военно-политическую стратегию по захвату и удержанию власти, в которой пропаганда, манипуляции СМИ, психологическое давление на мировую общественность являются ключевыми компонентами. ИГИЛ совершает разрушение объектов всемирного культурного наследия открыто и намеренно размещая видео с актами вандализма на обозрение глобальной аудитории: эти хорошо срежиссированные записи с заранее подготовленным и тщательно продуманным сценарием «шоу» широко распространяются через интернет.

26 февраля 2015 г. ИГИЛ опубликовало видео с разрушением древних Ассирийских и Парфянских скульптур в г. Мосул: преступление было совершено ради одной-единственной цели – сделать шоу. С этого момента ИГИЛ стали ежемесячно в течение первой половины 2015 г. публиковать видео с полным разрушением бульдозерами объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО¹⁷⁰. Руины разрушенных памятников культуры террористы ИГИЛ использовали как место казни, которые также снимались на видео и распространялись в интернете. Масштабная кампания ИГИЛ по разрушению объектов Всемирного культурного наследия

¹⁶⁹Report of the UNESCO. Rapid Assessment mission to the World Heritage “Site of Palmyra” (Syrian Arab Republic), April 23-27, 2016. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/documents/142423> (дата обращения: 17. 01. 2020).

¹⁷⁰6 объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, разрушенных за время войны в Сирии. 18 марта 2016. – Режим доступа: <https://islam-today.ru/novosti/2016/03/18/6-obektov-vsemirnogo-nasledia-unesco-razrusennyh-za-vrema-vojny-v-sirii-foto/> (дата обращения: 04. 02. 2019).

ЮНЕСКО, символизирующих универсальные ценности всего человечества, была рассчитана на широкую, международную целевую аудиторию.

Еще одной новой чертой угрозы культурному наследию на данном этапе секьюритизации является то, что если раньше уничтожение культурно-исторического и религиозного наследия происходило с целью уничтожения идентичности противника, было целенаправленным, то разрушения террористами ИГИЛ направлено зачастую на объекты своего собственного наследия, оно не направлено на какого-то определенного врага, это террор ради террора¹⁷¹.

Такое массовое, целенаправленное и методичное разрушение культурного наследия выступило как внешнее условие, придавшее импульс и ускорившее развитие процесса секьюритизации всемирного культурного наследия¹⁷². Как и в случае с разрушением Бамианских Будд и наследия Тимбукту преступления совершает непризнанная власть, которая уничтожает свое собственное наследие, находящееся на территории самопровозглашенного государства, и которая использует сам факт разрушения такого наследия для осуществления экстремисткой политико-религиозной стратегии и для давления на международное сообщество. Как и в случае с Буддами, разрушения осуществляет ИГИЛ, которое не является признанным государством, и, соответственно, не может быть привлечено к ответственности по международно-правовым конвенциям за разрушение культурного наследия.

Систематическое уничтожение объектов наследия Ирака и Сирии, кульминацией которого стало разрушение Пальмиры, представляет собой третий этап секьюритизации всемирного культурного наследия. Этот этап характеризуется большим масштабом разрушений и большей жестокостью в

¹⁷¹Mucci F. Intentional destruction of cultural heritage by ISIS: the reaction of the International Community against this specific aspect of the aggression to peace and human rights // *Processi di pace e dignità umana*. 2016. Vol. 2. № 1-15. P. 4.

¹⁷²Ristoldo F. Attacks against Cultural Property as a weapon of war: An exploratory case study. 2016-2017. P.16. – Режим доступа: https://www.ibei.org/ibei_studentpaper34_105354.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

реализации этих преступлений, с одной стороны, и активной реакцией международного сообщества. Именно на этом этапе заканчивается формироваться полноценный международный дискурс, секьюритизирующий всемирное культурное наследие, появляются явные лидеры секьюритизации среди международных акторов и предпринимается ряд инициатив, подтверждающих и закрепляющих этот процесс. Эти аспекты диссертант подробно рассмотрит в третьей главе.

Кроме того, разграбление природных ресурсов и археологических и культурных объектов, становясь если не главной, то одной из основных целей террористов, играет немалую роль в пролонгации и расширении военных столкновений¹⁷³. Торговля краденными произведениями искусства в последние 40 лет стала третьим по доходности криминальным бизнесом, уступая только торговле наркотиками и оружием¹⁷⁴. Каждый год в мире похищается не менее 50 тыс. произведений искусства. Ежегодный оборот черного арт-рынка достигает 8 млрд. долларов¹⁷⁵.

Директор Управления ООН по наркотикам и преступности Ю.В. Федотов заявил, что международные криминальные группировки зарабатывают на незаконной торговле предметами культуры и искусства от 3,4 млрд до 6,3 млрд долларов ежегодно и значительная часть этих средств идет на финансирование терроризма¹⁷⁶. Торговля артефактами и предметами искусства на черном рынке увеличивает длительность конфликта. За счет большой прибыльности выгоды от завершения конфликта снижаются, конфликтующие стороны получают больше выгод от продолжения

¹⁷³Van der Auwera S. Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework // Journal of Conflict Archaeology. 2012.Vol.7. № 1. P. 59.

¹⁷⁴Global Financial Integrity Annual Report 2017 “Transnational Crime and the Developing World”. – Режим доступа: http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2017/03/Transnational_Crime-final.pdf (дата обращения 09.04.2019).

¹⁷⁵Там же.

¹⁷⁶Цит. по: Смирнов А. Ускользающая красота // Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». №24. 9 февраля 2017 г. С. 15.

конфликта, чем от его прекращения¹⁷⁷. Исследователи устанавливают эксплицитную связь между разграблением культурно-исторических и археологических объектов и торговлей артефактами на черном рынке и финансированием теневой экономики и терроризма¹⁷⁸. Деньги, полученные от западных антикваров, направляются на финансирование военных группировок, то есть на продолжение конфликта¹⁷⁹. Эта нелегальная деятельность расширяется и становится чрезвычайно привлекательной для боевиков и террористов.

ИГИЛ вывело эту незаконную деятельность на новый уровень, создав специальный департамент, ответственный за выдачу лицензий на поиск и разграбление новых прибыльных объектов культурного наследия и произведений искусства, с каждого из которых они получают 20%¹⁸⁰. Незаконные археологические раскопки и контрабанда археологическими артефактами всегда была распространена в этой местности, однако под контролем ИГИЛ эта деятельность превратилась в крупномасштабный бизнес-проект. ИГИЛ урегулировало деятельность мелких криминальных группировок в этой области и стало брать налог за «незаконно» добытые артефакты¹⁸¹.

Другой целью масштабных разрушений объектов культурного, исторического и религиозного наследия террористами ИГИЛ является пропаганда и вербовка новых членов. Распространяя в интернете видео разрушений объектов всемирного культурного наследия, вызывая широкий общественный резонанс, ИГИЛ создает себе масштабную рекламную кампанию. Поскольку членами ИГИЛ являются люди разных

¹⁷⁷Van der Auwera S. Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework // Journal of Conflict Archaeology. 2012.Vol.7. № 1. P. 59.

¹⁷⁸Ibid. P.58.

¹⁷⁹Ibid. P. 59.

¹⁸⁰Turku H. When Cultural Property Becomes a Tool of Warfare: Law, Politics, and International Security // Inter Gentes. 2017. Vol. 1. № 2. P. 12.

¹⁸¹Ristoldo F. Attacks against Cultural Property as a weapon of war: An exploratory case study. 2016-2017. P.20. – Режим доступа: https://www.ibei.org/ibei_studentpaper34_105354.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

национальностей и вероисповеданий, то для создания объединяющего их начала искусственно конструируется образ врага – современная цивилизация и ее ценности. Разрушение культурного наследия ИГИЛ значительно отличается даже от других недавних атак, таких как, например, в ходе войны в Югославии, атак талибов в Афганистане или ячеек Аль-Каиды в Мали. ИГИЛ преследует другие цели и стремится воздействовать на другую аудиторию¹⁸².

Современные исследователи отмечают, что преднамеренные атаки на культурное наследие с целью психологического воздействия на международное сообщество стали одним из новых методов ведения войны в ходе вооруженных конфликтов¹⁸³. Так культурное наследие превращается из элемента «мягкой силы» в элемент «жесткой силы»¹⁸⁴.

Совет Безопасности ООН высказал озабоченность положением культурного наследия в Сирии лишь в 2014 г., в то время как ЕС уже в 2013 г. ввел запрет на импорт артефактов искусства из Сирии¹⁸⁵. В Резолюции 2139 (от 22 февраля 2014 г.) СБ ООН призвал все стороны спасти богатое разнообразие общественного уклада и культурное наследие Сирии и предпринять надлежащие шаги для обеспечения защиты объектов всемирного наследия на территории Сирии¹⁸⁶.

В Резолюции 2170 (от 15 августа 2014 г.) СБ ООН осуждает разрушение террористами культурного наследия и затем в Резолюции 2199 (2015) СБ ООН повторяет свое осуждение разрушения ИГИЛ культурного

¹⁸²Ibid. P.9.

¹⁸³Ibid. P.7.

¹⁸⁴Viejo-Rose D., Sorensen M.L.S. Cultural Heritage and Conflict: new questions for an old relationship / E. Waterton, S. Watson (eds.) // A Companion to Contemporary Heritage Research. 2015. Basingstoke & NY: Palgrave Macmillan. P. 289.

¹⁸⁵Council Regulation (EU) №1332/2013 of 13 December 2013 amending Regulation (EU) №36/2012 concerning restrictive measures in view of the situation in Syria, para 11 (c). – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:335:0003:0007:EN:PDF> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁸⁶Резолюция 2139 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7116-м заседании 22 февраля 2014 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2139\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2139(2014)) (дата обращения: 01.04.2019).

наследия в Ираке и Сирии в результате как случайных, так и преднамеренных действий, включая целенаправленное уничтожение мест отправления религиозных обрядов и культовых предметов¹⁸⁷.

В 2015 г. в Резолюции 2199 Совет Безопасности ООН проводит четкую и явную взаимосвязь, отмечая, «что ИГИЛ, ФАН и другие лица, группы, предприятия и организации, связанные с “Аль-Каидой”, прямо или косвенно участвуя в разграблении предметов культурного наследия и их незаконном вывозе из мест археологических раскопок, музеев, библиотек, архивов и из других объектов в Ираке и Сирии, получают доход, за счет которого финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты»¹⁸⁸. СБ ООН также вновь подтвердил свое решение, содержащееся в пункте 7 Резолюции 1483 (2003), и постановил, что «все государства-члены должны принять надлежащие меры для предупреждения торговли культурными ценностями Ирака и Сирии и другими предметами, имеющими археологическое, историческое, культурное, ценное научное и религиозное значение, которые были незаконно изъяты из Ирака после 6 августа 1990 г. и из Сирии после 15 марта 2011 г., в том числе путем запрещения трансграничной торговли такими предметами, что создаст возможность для их безопасного возвращения в конечном счете народам Ирака и Сирии»¹⁸⁹. То же самое было подтверждено в Резолюциях 2253 (от 17 декабря 2015 г.) и 2368 (от 20 июля 2017 г.)¹⁹⁰.

¹⁸⁷Резолюция 2170 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7242-м заседании 15 августа 2014 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2170\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2170(2014)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁸⁸Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁸⁹Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁹⁰Резолюция 2353 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7587-м заседании 17 декабря 2015 г. – Режим доступа: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2253%20\(2015\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2253%20(2015)) (дата

В 2016 г. в Резолюции 2322 СБ ООН вновь выразил особую озабоченность по поводу расширения масштабов причастности террористических групп, особенно в районах конфликтов, к уничтожению культурных ценностей, незаконной торговле ими и совершению связанных с этим преступлений¹⁹¹.

Таким образом, в рамках резолюций Совета Безопасности ООН происходила постепенная подготовка базы, связывающей разрушение и разграбление объектов всемирного культурного наследия, незаконный оборот культурных ценностей с финансированием террористической деятельности. Этот процесс происходил в русле секьюритизации, все прочнее связывая вопросы защиты культурных объектов с поддержанием международного мира и безопасности.

В случае с разрушением археологических объектов Пальмиры секьюритизация проходила в рамках международного конфликта, в который превратилась сирийская гражданская война. В ситуации с Пальмирой дискурсивная эскалация, проводимая в целом (но не исключительно) рядом международных и региональных организаций, породила ряд последующих действий и мероприятий. Массированное распространение в интернете и СМИ фотографий и видео разрушений сыграли немалую роль в расширении и усилении дискурса опасности и угрозы существованию культурных ценностей и культурной идентичности, срочности вопроса и необходимости принятия экстраординарных неотложных мер¹⁹².

СМИ наряду с политическими деятелями и лидерами различных институтов и государств создали и распространили представление о разрушении Пальмиры как о самой большой атаке на культурное

обращения: 05.02.2020); Резолюция 2368 (2017), принятая Советом Безопасности ООН на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г. – Режим доступа: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2368%20\(2017\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2368%20(2017)) (дата обращения: 05.02.2020).

¹⁹¹Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности ООН на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) (дата обращения: 02.04.2019).

¹⁹²Williams M.C. Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. № 4. P. 527.

разнообразие и плюрализм из всех когда-либо происходивших, учитывая ту комбинацию различных архитектурных стилей, сохранившихся от разных цивилизаций и этнических и религиозных групп, сосуществовавших в одном геополитическом регионе веками¹⁹³. Разрушение Пальмиры террористами ИГИЛ, вызвавшее широкий международный резонанс, и последующее вмешательство в сирийский конфликт России представляет собой критический момент, в который в секьюритизации всемирного наследия произошел сдвиг от словесных заявлений к действиям¹⁹⁴. С этого момента принято говорить о «пальмиризации» секьюритизации всемирного культурного наследия как о новом этапе¹⁹⁵. На этом этапе у международного сообщества формируется понимание того, что защита культурного наследия на современном этапе может быть достигнута только с использованием фактических инструментов обеспечения безопасности, то есть военными методами.

Таким образом, можно выделить три этапа все еще продолжающегося процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. Первым этапом секьюритизации всемирного культурного наследия стало разрушение в 2001 г. талибами древнейших статуй Бамианских Будд в Афганистане. Этот этап характеризуется тем, что акция преднамеренного и целенаправленного разрушения объектов культурного наследия явилась способом получения политических выгод: утверждение контроля над территорией, деморализация местных жителей и международного сообщества. Осуществленное непризнанным правительством преступление в отношении находящегося на

¹⁹³Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 25. № 7. P.6.

¹⁹⁴Военная операция России в Сирии – участие Вооружённых сил Российской Федерации в боевых действиях против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусра» на стороне правительственных войск и проправительственных военизированных формирований в ходе гражданской войны в Сирии, начиная с сентября 2015 г. Освобождение Пальмиры – эпизод сирийского конфликта, в ходе которого части армии Сирии и российского спецназа освободили город Пальмиру от боевиков ИГИЛ. Операция длилась с 13 по 27 марта 2016 г.

¹⁹⁵Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 25. № 7. P.2.

своей собственной территории культурного наследия в условиях мирного времени не подпадает ни под какие нормы международного права, а, соответственно, не может повлечь за собой наложение ответственности. Реакция международного сообщества оказалась слабой и характеризовалась растерянностью и бессилием: возможность принятия международно-правового документа, устанавливающего ответственность за преднамеренное и систематическое разрушение наследия в мирное время, оказалась упущенной.

Второй этап секьюритизации всемирного наследия был спровоцирован захватом в 2012 г. террористами «Ансар Дайн» города Тимбукту в Мали и преднамеренным разрушением ряда религиозных объектов, входящих в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Как и на первом этапе, главной целью террористов была цель бросить вызов международному сообществу, чья реакция на этом этапе была острой и многочисленной. Началось формирование полноценного секьюритизирующего всемирное культурное наследие международного дискурса, который подкрепился соответствующими действиями акторов. Например, впервые в истории МУС постановил, что разрушение объектов культурно-исторического и религиозного наследия является военным преступлением, и привлек к ответственности за это преступление лидера «Ансар Дайн». Второй новаторской инициативой стало внедрение в мандат миротворческой миссии ООН в Мали культурного компонента, что до этого момента ни разу не осуществлялось.

Третий этап секьюритизации был спровоцирован начавшимся в 2014 г. масштабным, систематическим, целенаправленным и безжалостным разрушением объектов культурно-исторического и религиозного наследия Ирака и Сирии террористами ИГИЛ. Этот этап характеризуется тем, что разрушения такого наследия носят намного более масштабный характер, и служат компонентом стратегии по захвату и удержанию власти, происходят как хорошо срежиссированная постановочная акция, в которой пропаганда,

манипуляции СМИ, психологическое давление на мировую общественность являются ключевыми компонентами. Разрушение объектов коллективной идентичности и общечеловеческой ценности происходит как хорошо спланированное шоу, имеющее целью вовлечение как можно более широкой международной аудитории. Доход от разграбления объектов культуры служит способом финансирования продолжения ведения военных действий и вербовки новых членов. Кульминацией третьего этапа секьюритизации является разрушение террористами ИГИЛ «колыбели цивилизаций» Пальмиры. Реакция международного сообщества на третьем этапе характеризуется ярко выраженной активностью и поиском возможных вариантов и способов защиты культурных ценностей. Вместе с тем, международный дискурс секьюритизации всемирного культурного наследия на этом этапе характеризуется наибольшей убедительностью, в результате чего международные акторы предприняли ряд инициатив в развитие и подтверждение этого дискурса.

Глава III. Итальянская Республика как актор секьюритизации всемирного культурного наследия

3.1 Классификация акторов процесса секьюритизации всемирного культурного наследия

По теории Б. Бузана и О. Вейвера процессу секьюритизации могут сопутствовать условия, благоприятно влияющие, а иногда ускоряющие этот процесс. Одним из условий является правильно построенный дискурс секьюритизации. Успешный речевой акт секьюритизации – это комбинация правильно построенного речевого акта и особенностей релевантной аудитории, которая принимает этот речевой акт и санкционирует адаптацию чрезвычайных мер. Внутренние условия секьюритизации включают в себя правильно построенный речевой акт, включающий указание на экзистенциальную угрозу референтному объекту безопасности, обозначение точки невозврата, а также возможных путей выхода из сложившейся ситуации. В правильно построенном речевом акте (с точки зрения безопасности) также должна быть отсылка к ключевой для каждого конкретного сектора концепции: в социетальном это – идентичность, в политическом – суверенитет, признание, в экологическом – устойчивое развитие и т.д.

Также к важным условиям успешной секьюритизации Б. Бузан относит социетальный капитал актора секьюритизации, который для успешного проведения этого процесса должен обладать весом, авторитетом, статусом. От статуса актора зависит восприятие аудиторией актов секьюритизации, а значит и исход этого процесса¹⁹⁶.

По теории Б. Бузана и О. Вейвера секьюритизирующими акторами могут выступать политические лидеры, бюрократические структуры, правительства, политические элиты, лоббистские группы и группы давления, партии, организации, движения. Очень редко, когда они сами выступают

¹⁹⁶Buzan B., Waever O., Wilde J. D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 40.

объектами секьюритизации, чаще всего они апеллируют к защите и спасению государства, нации, цивилизации, принципов, систем и т.д. Когда актором секьюритизации выступает государство, по мнению ученых, вычленение отдельных составляющих акторов не всегда оправданно и имеет смысл, поскольку зачастую куда важнее видеть совокупность акторов, проводящих процесс секьюритизации, как отдельную социальную реальность (методологический коллективизм)¹⁹⁷.

Цели и причины, по которым разные акторы секьюритизируют тот или иной вопрос, разнятся: часто это способ ввести в заблуждение аудиторию для сокрытия истинных политических мотивов правящих кругов; причиной конструирования образа «врага» могут быть геополитические мотивы и стремление защиты экономических интересов государства в том или ином регионе. Кроме того, это может быть использовано для повышения престижа на международной арене, для легитимации своих действий, для сворачивания культурных либеральных свобод, увеличения военного бюджета или установления рестрикций.

В диссертационной работе автор, используя подход «многоуровневой секьюритизации» исследует влияние различных акторов, прежде всего Итальянской Республики, на процесс построения нарратива безопасности вокруг уничтожения всемирного культурного наследия. Классификация акторов строится на основании их вклада в формирование секьюритизирующего дискурса и проведения соответствующей деятельности, подкрепляющей этот дискурс, благодаря чему можно выделить явных лидеров процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. В противовес многим ситуациям, когда секьюритизация какого-либо объекта происходила внутри государства, исследуемый процесс начался и консолидировался в рамках многосторонних организаций (региональных и глобальных) при помощи функциональных акторов, таких как археологи,

¹⁹⁷Buzan B., Waever O., Wilde J. D. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 40.

кураторы, СМИ, академические круги. Этот своеобразный генезис воздействует на ускорение процесса секьюритизации не только в связи с фактическим вовлечением участников в процесс, но также в связи с их международной легитимностью¹⁹⁸.

ЮНЕСКО в лице ее бывшего Генерального директора (с 2009 по 2017 гг.) Ирины Бокова может считаться одними из ключевых акторов в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия. Именно И. Бокова активно вводила проблемы охраны культурного наследия в дискурс безопасности и влияла на употребление определенных речевых оборотов другими официальными лицами международных организаций и национальными элитами различных стран.

И. Бокова ввела набор фраз и лексем, которые стали основными в дискурсе о разрушении культурного наследия Мали, Ирака и Сирии. Она не раз оценивала действия ИГИЛ по разрушению объектов всемирного культурного наследия как «культурные чистки», «культурный терроризм», «война против цивилизаций»¹⁹⁹. В ряде ситуаций И. Бокова прямо заявляла, что разрушение культурного наследия является вопросом безопасности и обозначала это речевыми конструкциями, указывающими на процесс секьюритизации, такими, как «чрезвычайная ситуация» и «срочная необходимость предпринять неотложные меры». Например, после нападения ИГИЛ на Национальный музей Мосула, И. Бокова заявила, «что эта трагедия выходит далеко за пределы вопросов культуры: это проблема международной безопасности. Мы ясно видим, что террористы используют разрушение культурного наследия как инструмент в стратегии по дестабилизации ситуации и манипуляции населением для установления

¹⁹⁸Russo A., Giusti S. The securitisation of cultural heritage // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 25. № 7. P.2.

¹⁹⁹Cuno J. The Responsibility to Protect the World's Cultural Heritage // The Brown Journal of World Affairs. 2016. Vol.XXIII. №1. – Режим доступа: <https://www.law.upenn.edu/live/files/6425-cuno-james-2016-responsibility-to-protect-the> (дата обращения: 30.06.2018).

контроля и доминирования»²⁰⁰. Она также указала, что охрана культурного наследия – насущный вопрос не только для сферы культуры, но также политическая необходимость и условие обеспечения безопасности, подтвердив, что культура является центральным элементом для любой стратегии по обеспечению и поддержанию мира²⁰¹. На конференции в 2016 г. И. Бокова заявила: «За последние годы мы создали новый культурный ландшафт, мы разработали новый подход к охране наследия как одного из ключевых вопросов безопасности»²⁰².

Эта терминология вошла в новейший международный дискурс в рамках деятельности ЮНЕСКО, однако вскоре ее стали употреблять и другие деятели, органы и организации. Например, в том же 2015 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини назвали преднамеренное разрушение археологических и культурных объектов в Сирии и Ираке военным преступлением²⁰³. Пан Ги Мун также отметил, что защита всемирного культурного наследия превратилась в «императив политики и безопасности», и должна стать

²⁰⁰Press conference by UNESCO Director-General Irina Bokova. Feb. 27, 2015. – Режим доступа: <http://www.un.org/News/dh/pdf/english/2015/27022015.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

²⁰¹Statement by UNESCO Director-General Irina Bokova at International Conference on “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria”, December 3, 2014. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_im_port_93c47ee8-0f0d-4d26-bc47-5d3a59af4da3?_id=232562eng.pdf (дата обращения: 18 марта 2019).

²⁰²На конференции в Абу-Даби Генеральный директор призвала страны подтвердить приверженность защите наследия, находящегося под угрозой. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/in_abu_dhabi_unesco_director_general_calls_for_renewed_comm/ (дата обращения: 11.04.2019).

²⁰³Secretary-General Outraged by Continued Destruction of Iraqi Cultural Sites, Calls for Swift International Action to Hold Perpetrators Accountable. March 8, 2015. – Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2015/sgsm16576.doc.htm> (дата обращения: 15.02.2019); Statement by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the situation in Palmyra. Bruxelles. May 21, 2015. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/regions/middle-east-north-africa-mena/3359/statement-high-representativevice-president-federica-mogherini-situation-palmyra_en (дата обращения: 15.02.2019).

«центральным компонентом миростроительства, инициатив по урегулированию конфликтов и гуманитарной политики и политики развития»²⁰⁴. Бывший заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Джеффри Д. Фелтман в 2015 г. заявил, что террористические группы не только «эксплуатируют объекты культуры для финансирования своей деятельности», но также «разрушают и незаконно перевозят и продают культурное наследие, что подрывает силу культуры как моста между поколениями и людьми различного происхождения и религиозных воззрений»²⁰⁵.

Формирование секьюритарного нарратива вокруг всемирного культурного наследия привело к ряду инициатив, предпринятых различными акторами, зачастую имеющими политические и военные разногласия, однако объединившихся и включившихся в процесс секьюритизации всемирного культурного наследия.

В марте 2014 г. это выразилось в совместном призыве к прекращению разрушения культурных объектов в Сирии Генерального секретаря ООН, Генерального директора ООН и Специального посланника ООН и Лиги арабских государств в Сирии для урегулирования конфликта²⁰⁶. В марте 2015 г. Генеральный директор ЮНЕСКО обратилась к Совету Безопасности ООН и прокурору МУС в поисках поддержки в осуждении продолжающегося разрушения культурного наследия и ходатайствуя об осуществлении шагов на международной арене по прекращению такого разрушения. Постепенное сближение повесток дня ЮНЕСКО и СБ ООН и

²⁰⁴Statement by UN Secretary-General Ban Ki-moon, International Conference on “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria”. December 3, 2014. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_im_port_93c47ee8-0f0d-4d26-bc47-5d3a59af4da3?_id=232562eng.pdf (дата обращения: 18 марта 2019).

²⁰⁵Выступление Джеффри Д. Фелтмана, UN Doc S/PV.7907. March 24, 2017. New York. – Режим доступа: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_p_v_7907.pdf (дата обращения: 03. 04. 2019 г.).

²⁰⁶Secretary-General, UNESCO Chief, Joint Special Representative Call for End to Destruction as Syria’s Cultural Heritage «Ripped to Shreds». – Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2014/sg2204.doc.htm> (дата обращения: 18.02.2019).

объединение ответственности за обеспечение сохранности культурного наследия привело к тому, что СБ ООН принял ряд важных резолюций по данному вопросу и в апреле 2015 г. по инициативе Франции и Иордании провел заседание «по формуле Арриа», посвященное вопросам прекращения разрушения, расхищения и контрабанды культурных ценностей, в котором приняли участие Гендиректор ЮНЕСКО И. Бокова и Генеральный секретарь ИНТЕРПОЛ Ю. Сток²⁰⁷.

Поскольку в новых условиях террористические организации используют разрушение объектов наследия с целью получения финансирования для проведения боевых действий, то ряд структур ООН (например, Управление ООН по вопросам наркотиков и преступности (УНП ООН)) и межправительственных и неправительственных организаций (например, Всемирная таможенная организация (ВТАО), ИНТЕРПОЛ, ИКОМОС, ИКОМ и Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ)) выразили обеспокоенность ситуацией на черном рынке предметов искусства и масштабом разрушения культурного наследия на Ближнем Востоке и призвали к координации международного сотрудничества и оказанию помощи в противостоянии данной угрозе.

УНП ООН в тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО оказывает противодействие незаконному обороту культурных ценностей и назначает заседание межправительственной группы экспертов для предоставления Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию соответствующих рекомендаций по защите культурных ценностей от незаконного оборота.

Кроме того, специалисты УНП ООН проводят семинары и специальные учения для правоохранительных органов и служб безопасности разных стран при сотрудничестве с ВТАО и ИНТЕРПОЛ, которая собирает и

²⁰⁷Arria-Formula Meetings, 1992-2018. – Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/working_methods_arria_formula.pdf (дата обращения: 18.02.2019).

публикует данные о пропавших предметах искусства, оказывая содействие международному розыску с 1947 г.

В июле 2016 г. в Брюсселе 180 членов Совета ВТАО единодушно приняли резолюцию о роли таможенных служб в деле предупреждения незаконного оборота культурных ценностей, в которой описываются инструменты и меры, необходимые для борьбы с этим явлением²⁰⁸.

В то же время целый ряд лидеров и государственных деятелей различных государств вовлекаются в дискурс секьюритизации всемирного культурного наследия, определяя его разрушение как угрозу коллективной идентичности и памяти и, соответственно, онтологической безопасности человечества. Государствами-лидерами в рамках деятельности ЮНЕСКО на протяжении всей истории этой организации являются Италия и Франция. Среди государств они являются также основными акторами секьюритизации всемирного культурного наследия, как по части формирования секьюритизирующего международного дискурса, так и продвижением конкретных инициатив.

Францию без сомнения можно назвать одним из лидирующих акторов секьюритизации всемирного культурного наследия. Многие речи бывшего президента Франции Ф. Олланда придали импульс развитию дискурса секьюритизации: «Мы обязаны любыми способами защитить всемирное культурное наследие, что включает как дипломатические, так и военные действия. Франция будет действовать обоими способами» (18 марта 2015 г.); «Франция предпримет все необходимые меры для повышения уровня защиты артефактов искусства и достопримечательностей так же, как и для борьбы с незаконным оборотом предметов искусства, который финансирует террористическую деятельность» (25 августа 2015 г.); «У нас три приоритета: предотвращение захвата экстремистами культурных объектов,

²⁰⁸Resolution of the Customs Co-operation Council on the Role of Customs in Preventing Illicit Trafficking of Cultural Objects. Brussels. July 2016. – Режим доступа: http://www.wcoomd.org/~media/wco/public/global/pdf/about-us/legal-instruments/resolutions/resolution_cultural-objects.pdf?la=en (дата обращения: 08.04.2019).

предотвращение разграбления культурных объектов и незаконного оборота культурных ценностей, восстановление разрушенных культурных объектов» (20 сентября 2016 г.)²⁰⁹. Ф. Олланд призвал восстать против тех, «кто запрещает музыку, сжигает книги, разрушает культурное наследие и пытается уничтожить коллективную память о том, что предшествовало. Мы в войне – да, это война – против терроризма джихадистов, и это не война между разными цивилизациями, потому что в этих убийцах нет ничего от цивилизованности»²¹⁰.

В ноябре 2014 г. по инициативе Франции Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 195-й сессии была принята резолюция 195 EX/31 о защите культурных ценностей Ирака²¹¹.

На 70-й Генеральной конференции ЮНЕСКО французский президент Ф. Олланд предложил новую концепцию «права на предоставление убежища» для находящихся в зоне риска культурных объектов Ближнего Востока. Это новаторское предложение выходит за рамки государство- и национальноцентричного подхода к культурному наследию и даже за пределы выдвинутого до этого предложения И. Боковой по созданию «безопасных культурных зон» вокруг находящегося под угрозой наследия. По концепции Ф. Олланда, предметы искусства могут быть по запросу того или иного государства и в рамках международного права перемещены в Европу для обеспечения их сохранности²¹². В качестве первого такого

²⁰⁹Цит. по: Foradori P., Giusti S., Lamonica A. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom // *The International Spectator*. 2018. Vol. 50. № 3. P. 90.

²¹⁰Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // *Global Change, Peace & Security*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 151.

²¹¹Решения, принятые Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 195-й сессии 28 ноября 2014 г. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230601_rus (дата обращения: 11.03.2019).

²¹²French President François Hollande Takes Action Against ISIS Trade in Looted Antiquities. November 18, 2015. – Режим доступа: <https://news.artnet.com/art-world/france-asylum-isis-antiquities-366293> (дата обращения: 17.02.2019).

«культурного убежища» во Франции президент Олланд предложил хранилища музея Лувр-Ланс²¹³.

В декабре 2016 г. Франция и ОАЭ под патронажем ЮНЕСКО провели Конференцию по защите культурного наследия, находящегося под угрозой. Перед участниками конференции стояло две главные цели: создание международного фонда для обеспечения помощи объектам культурного наследия под угрозой и создание международной сети «зон безопасности». В марте 2017 г. Франция совместно с ОАЭ по Абу-Дабийской декларации, принятой на указанной конференции годом ранее, основали Международный альянс по охране наследия в районах конфликтов (МАОН), в рамках которого был создан Международный фонд по охране культурного наследия в зонах боевых действий, который, являясь формой государственно-частного партнерства, ставит целью привлечение средств для предотвращения разрушения объектов культурного наследия и создания программ чрезвычайной, экстренной помощи таким объектам, находящимся в опасности разрушения, разграбления, в зонах военных действий, а также оказание помощи по восстановлению пострадавших объектов. По состоянию на 2019 г. Альянс собрал 76 млн. долл. Целью альянса является также борьба с контрабандной торговлей похищенными артефактами и создание глобальной сети хранилищ искусства, находящихся в опасности²¹⁴. Альянс тесно взаимодействует по всем вопросам с ЮНЕСКО, которая согласилась войти Совет учредителей Фонда МАОН²¹⁵.

Обладая большим опытом и высоким статусом в сфере охраны культурного наследия, пользуясь доверием и уважением к своему опыту на

²¹³Foradori P., Giusti S., Lamonica A. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom // The International Spectator. 2018. Vol. 50. № 3. P. 89.

²¹⁴Создана организация для защиты культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов. – Режим доступа: <https://www.buro247.ru/news/culture/21-mar-2017-aliph.html> (дата обращения: 11.03.2019).

²¹⁵Участие ЮНЕСКО в Совете учредителей Фонда МАОН (Международный альянс по охране наследия в районах конфликтов). Исполнительный совет ЮНЕСКО, 201 EX/33. 2017. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248090_rus (дата обращения: 11.03.2019).

международной арене, Итальянская Республика также активно включилась в формирование секьюритизирующего культурное наследие международного дискурса²¹⁶.

В 2015 г. бывший Премьер-министр Италии Маттео Ренци заявил, что «сегодня террористы угрожают нашей идентичности, но мы можем защитить себя, поскольку обладаем культурой и пониманием, того, кто мы такие. Наша культура и есть наша безопасность»²¹⁷.

Бывший Министр культурного наследия и культурной деятельности Дарио Франческини заявил, что спасение всемирного культурного наследия – «это глобальный как гуманитарный вопрос, так и вопрос безопасности. По этой причине мы твердо убеждены, что международное сообщество должно, наконец, найти в себе силы противостоять этой проблеме на уровне ООН, в том числе в контексте международных миротворческих миссий ООН»²¹⁸. На 39-й Генеральной конференции ЮНЕСКО Д. Франческини подчеркнул, что спасение культурного наследия означает спасение человечества, его ценностей, идентичности, истории и красоты²¹⁹.

В 2015 г. на запуске кампании Италии и Иордании «Защита культурного наследия – императив для человечества» (при содействии ЮНЕСКО, ИНТЕРПОЛ и УНП ООН) экс-министр иностранных дел и международного сотрудничества П. Джентилони подчеркнул, что сохранение

²¹⁶Подробнее: Воробьева Ю. В. Внешняя культурная политика Италии в контексте стратегических дилемм Ф. Матарассо и Ч. Лэндри // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №3 (13). С. 65-78.

²¹⁷Renzi: "La sicurezza è un problema culturale ed educativo", Marzo 17, 2015. – Режим доступа: <http://www.rainews.it/dl/rainews/media/Renzi-sicurezza-problema-culturale-ed-educativo-9353fdac-a60c-4184-8d7d-1fad91f910bc.html> (дата обращения: 19.05. 2019).

²¹⁸Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // Global Change, Peace & Security. 2017. Vol. 29. № 2. P. 152.

²¹⁹Speech by Italian Minister of Culture and Tourism Dario Franceschini at the opening of UNESCO's 39th General Conference: «Safeguarding heritage means protecting humanity, its values, identity, history and beauty». – Режим доступа: <https://delegazioneunesco.esteri.it/rappunesco/en/ambasciata/news/dalla%20rappresentanza/2017/11/unesco-franceschini-subito-componente.html> (дата обращения: 11.04.2019).

культурного наследия для следующих поколений – это общее коллективное обязательство²²⁰.

На запуске новой инициативы ООН под названием «Защита культурного наследия от терроризма и массового разграбления: взаимосвязи и коллективная ответственность» 21 сентября 2017 г. экс-министр иностранных дел и международного сотрудничества А. Альфано призвал к сотрудничеству для усиления взаимосвязи между культурой, миром и безопасностью, заявив, что интеграция культурного измерения в усилия по предотвращению и разрешению конфликтов – это не только моральное обязательство, но политический императив и императив безопасности²²¹.

В своей речи на заседании СБ ООН в 2017 г. генерал Ф. Парулли, возглавляющий Корпус карабинеров по охране культурного наследия²²², заявил: «В большинстве случаев незаконный оборот культурных ценностей квалифицируется как транснациональное преступление, требующее транснационального подхода к его расследованию. Произведения искусства похищаются из одной страны, контрабандным путем перемещаются через границу или границы других стран, а затем незаконно продаются в еще одной стране и, в конечном счете, обретают “постоянное место жительства” в следующей по счету стране. Интерпол играет ключевую роль в международном полицейском сотрудничестве, но этого не всегда бывает достаточно. Разграбление и незаконный провоз культурных ценностей – это комплексное преступление, которое требует особого внимания и уникальных

²²⁰ISIS pericolo per le opere d'arte dell'umanità: all'ONU l'Italia leader nella protezione. – Режим доступа: <http://www.lavocedinewyork.com/onu/2015/12/17/isis-pericolo-per-le-opere-darte-dellumanita-allonu-litalia-leader-nella-protezione/> (дата обращения: 11.04.2019).

²²¹Discorso dell'Ministro alla conferenza «Protecting cultural heritage from terrorism and mass atrocities: links and common responsibilities». – Режим доступа: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interventi/2017/10/discorso-dell-on-ministro-all-evento_8.html (дата обращения: 11.04.2019).

²²²Корпус карабинеров по охране культурного наследия – специальное подразделение полиции Италии, созданное 3 мая 1969 г., которое занимается безопасностью, охраной культурного наследия государства и предотвращением преступлений в сфере искусства и служит главным информационно-аналитическим центром, сотрудничающим с Европолом, Интерполом, ВТО.

знаний, выходящих за рамки обычного инструментария полиции»²²³. Таким образом, генерал Парулли обращает внимание на необходимость предпринимать экстренные, выходящие за существующие нормы меры.

В 2018 г. Италия была председателем в ОБСЕ и по традиции заявила, что большое внимание будет уделено проблемам культурного наследия. Заместитель Постоянного представителя Италии в ОБСЕ Лука Фратини заявил, что всем стало очевидно, что незаконный оборот культурными ценностями глубоко связан с транснациональной организованной преступностью, коррупцией и финансированием терроризма²²⁴.

Итальянская Республика обладает высоким репутационным капиталом в сфере защиты и охраны культурного наследия, престиж и опыт итальянских специалистов высоко ценится и признается всеми государствами на международной арене²²⁵. Это позволяет Италии выступать в роли активного актора секьюритизации, вносить весомый вклад в формирование соответствующего дискурса. Поскольку доверие в этой области к Италии и ее специалистам велико, то вероятность эффективного восприятия аудиторией секьюритизирующего уничтожения культурного наследия послания и принятия призыва к введению чрезвычайных мер очень высока. Италия – своей репутацией и престижем – внесла большой вклад в процесс формирования секьюритизирующего уничтожения всемирное культурное наследие дискурса и установлению прямой связи и зависимости между такими понятиями как «культурное наследие», «транснациональная

²²³Una relazione sulla lotta al traffico di beni culturali e sulle capacità della Task Force italiana “Unite4Heritage” (i “Caschi blu della Cultura”) da l Comandante Carabinieri Tutela Patrimonio Culturale il 24 marzo 2017 in occasione della 7907a riunione del Consiglio di Sicurezza dell’ONU sul tema “Maintenance of International Peace and Security: destruction of cultural heritage by terrorist groups and in situations of armed conflict”. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.7907> (дата обращения 11.04.2019).

²²⁴Combating destruction of cultural heritage and trafficking in cultural property in Central Asian Region focus of OSCE-supported workshop in Tashkent. – Режим доступа: <https://www.osce.org/project-coordinator-in-uzbekistan/381892> (дата обращения: 11.04.2019).

²²⁵Подробнее: Воробьева Ю. В. Роль культуры в концепции «Система Италия» – инновационной политике Итальянской Республики по продвижению страны за рубежом // Научно-аналитический журнал «Вестник молодых ученых-международников». 2017. №1. С. 85-93.

преступность», «финансирование терроризма», «международная безопасность» и «мир».

Российская Федерация также внесла свой вклад в формирование дискурса секьюритизации всемирного культурного наследия. Российский министр иностранных дел С.В. Лавров, говоря о беспрецедентных атаках на тысячелетние сокровища Ближнего Востока и Северной Африки, подчеркнул, что необходимы срочные меры по защите всемирного культурного наследия, которое подверглось чрезвычайному разрушению в результате нападений ИГИЛ: «Когда варварски уничтожаются бесценные памятники мировых цивилизаций – будь то в Сирии, Ираке, Афганистане или в Косово – особенно необходимы коллективные усилия по сохранению общечеловеческой культуры»²²⁶. В 2017 г. Постоянный представитель Российской Федерации при ООН В.А. Небензя на брифинге Совета Безопасности ООН по разрушению и незаконному обороту объектов культурного наследия террористическими группировками и в ситуациях вооруженного конфликта выразил убежденность в том, «что борьба с варварскими попытками террористов уничтожить память о древнейших цивилизациях является общей исторической задачей мирового сообщества»²²⁷. Россия, благодаря освобождению Пальмиры, стала одним из главных акторов секьюритизации всемирного культурного наследия.

Германия и Ирак, в свою очередь, подготовили проект резолюции, который и был принят Генеральной Ассамблеей ООН 28 мая 2015 г. (69/281 «Спасение культурного наследия Ирака»²²⁸), с выражением осуждения

²²⁶Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж. 6 ноября 2015 г. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1922488 (дата обращения: 18 марта 2019).

²²⁷Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.А. Небензи на брифинге Совета Безопасности ООН по разрушению и незаконному обороту объектов культурного наследия террористическими группировками и в ситуациях вооруженного конфликта. 30 ноября 2017 г. – Режим доступа: <http://russiaun.ru/ru/news/kulsohr3011> (дата обращения: 19.05.2019).

²²⁸Резолюция A/RES/69/281 Генеральной Ассамблеи ООН от 28 мая 2015 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/281> (дата обращения: 17.02.2019).

разрушения культурных ценностей Ирака и поддержки иракскому правительству в вопросе защиты этих ценностей.

Свою озабоченность разрушением культурного наследия на разных этапах высказывали и представители США (Госдепартамент, Бюро по вопросам образования и культуры, представители как Демократической, так и Республиканской партий). Бывший Госсекретарь США Джон Керри описывал ИГИЛ как варварскую, нецивилизованную, злобную банду, «которая не только обезглавливает людей, но также и уничтожает в целом цивилизацию. У них нет уважения к жизни. У них нет уважения к религии. У них нет уважения к культуре, которая для миллионов людей, на самом деле, является основой существования»²²⁹. А потому, необходимы незамедлительные и конкретные меры, иначе «это будет шокирующая и исторически постыдная ситуация, если мы не предпримем никаких действий, в то время как силы хаоса разграбляют каждую опору нашей цивилизации. Экстремисты хотят украсть у будущих поколений всякую взаимосвязь с их прошлым. Это именно то, что стоит на кону. И если мы не остановим это, если мы не будем бороться с этим, не отстоим, то мы все превратимся в соучастников террористов»²³⁰.

Ряд арабских государств также проявили активность на изучаемом направлении. В апреле 2015 г. этим вопросам была посвящена встреча в Катаре при участии Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна, ОАЭ, Туниса, Египта и Марокко. В ходе министерской конференции в мае 2015 г. Египет, Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Ливан, Ливия, Судан и Оман подписали Каирскую декларацию, в которой государства договорились объединить усилия в борьбе с разрушением, разграблением и нелегальной торговлей

²²⁹Remarks by then Secretary of State John Kerry At “Threats to Cultural Heritage in Iraq and Syria Event”. Metropolitan Museum of Art, New York. September 22, 2014. – Режим доступа: <https://sy.usembassy.gov/kerry-threats-cultural-heritage-iraq-syria/> (дата обращения: 18 марта 2019).

²³⁰Там же.

культурными объектами²³¹. Выросло количество конференций, саммитов и встреч, посвященных проблеме, проводившихся в Узбекистане, России, Украине, Иране, Китае. Такие региональные организации как АСЕАН и СААРК начали включать вопросы защиты культурного наследия от террористических атак в свою повестку дня.

Шаги по созданию секьюритизирующего дискурса вокруг всемирного культурного наследия предпринимались и продвигались различными международными акторами – организациями, институтами, государствами, – у которых зачастую не совпадают внешнеполитические цели, и которые имеют противоположно разные позиции по другим вопросам международной безопасности. Исследуемый процесс начался и консолидировался в рамках многосторонних организаций, которые можно считать акторами секьюритизации первого порядка, при помощи функциональных акторов, таких как археологи, кураторы, СМИ, академические круги. Среди международных организаций безусловным лидирующим актором секьюритизации является ООН, такое ее специализированное учреждение, как ЮНЕСКО, и такое подразделение, как Управление ООН по вопросам наркотиков и преступности. Среди других межправительственных организаций наиболее активны Всемирная таможенная организация, ИНТЕРПОЛ, и Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей. Среди неправительственных организаций – Международный совет музеев.

Участившееся количество террористических атак на культурное наследие и высокая растражированность разрушений в СМИ и интернете ускорили процесс секьюритизации. Целый ряд государств вовлеклись в дискурс секьюритизации всемирного культурного наследия, определяя его разрушение как угрозу международной безопасности. Наиболее активными

²³¹Арабские страны совместно с ЮНЕСКО готовы защищать от уничтожения и разграбления культурное и историческое наследие Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.ippo.ru/world/article/arabskie-strany-sovmestno-s-yunesko-gotovy-zaschis-307146> (дата обращения: 16.04.2019).

государствами, которые можно назвать акторами секьюритизации второго порядка, являются Италия, Франция и Россия.

Секьюритизирующий всемирное культурное наследия дискурс происходил с соблюдением всех грамматических правил построения такого дискурса: в нем акторы четко указывали на экзистенциальную угрозу объектам всемирного культурного наследия, объясняли необходимость спасения таких артефактов, использовали речевые обороты, связанные с дискурсом безопасности, указывали на срочность, неотложность проблемы и призывали к адаптации чрезвычайных мер, выходящих за рамки принятых по существующему международно-правовому режиму защиты культурных ценностей. Вопрос необходимости спасения культурного наследия, находящегося под угрозой уничтожения, был консенсусно воспринят как основа для формирования секьюритизирующего дискурса и легитимации в дополнение к традиционным механизмам принятия экстренных чрезвычайных мер.

3. 2 Роль Италии в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия

С самого момента создания ЮНЕСКО Италия занимает лидирующую роль в этой организации, выдвигая различные предложения по защите культурных ценностей и передавая свой богатый опыт в сфере охраны объектов наследия²³². Поскольку ЮНЕСКО является главным актором секьюритизации, то деятельность и позиция Италии, как самого активного ее члена, находится в полном соответствии с позицией данного учреждения ООН. Изучение опыта и деятельности данного государства представляется

²³²Цели Главного управления Министерства иностранных дел Италии по формированию образа страны за рубежом в рамках концепции «Страна-система». – Режим доступа: http://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/cultura/ (дата обращения: 08.03.2017). Подробнее о лидирующей роли и деятельности Италии в ЮНЕСКО: Longo N. La diplomazia italiana presso L'UNESCO // Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche, 2019. P. 273-291.

важным ввиду того статуса и престижа, которым обладает Италия на международной арене в сфере защиты и охраны культурного наследия.

Культурные ресурсы у Итальянской Республики беспрецедентны: 40% мирового культурного наследия находится именно на территории этого государства, 55 объектами из 1121 из Списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО обладает именно Италия²³³. Однако не менее ценными в контексте исследуемого вопроса представляются и те знания, представления и опыт, которыми располагают итальянцы в сфере охраны и защиты своего богатейшего культурного наследия и которые формируют их габитус, конструируют их символический ресурс, создают чрезвычайно высокий престиж и прекрасную репутацию, благодаря которым любые действия государства в этой сфере международное сообщество встречает с уважением и полным доверием. И эти престиж и репутация формировались и зарабатывались в течение длительного периода времени. Это имеет большое значение для успешной секьюритизации: согласно теории Б. Бузана и О. Вейвера одним из условий этого процесса является обладание секьюритизирующим актором необходимого уровня социального ресурса, который позволит ему убедить аудиторию в необходимости чрезвычайных мер.

С самого начала процесса секьюритизации всемирного культурного наследия Италия заняла активную позицию в формировании секьюритизирующего дискурса, а также в разработке новых конкретных процедур и мероприятий для противостояния современным угрозам всемирному культурному наследию: систематическому и преднамеренному разрушению культурных объектов и незаконному обороту культурными ценностями. Одним из таких предложений с адаптацией экстренных мер стала разработанная Итальянской Республикой концепция «культурного миротворчества» как средства борьбы с разрушением и расхищением

²³³Миронова Т. М. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия // Знание. Понимание. Умение. 2009. №2. С. 41.

объектов культурного наследия²³⁴. Еще в 2013 г. Франция добилась однократного внедрения в мандат миротворческой миссии ООН в Мали культурного компонента как ответ на разрушение террористами наследия на захваченных малийских территориях. Италия доработала эту однократную меру в отдельное постоянное направление в рамках миротворческих миссий.

По мнению Италии, «культурное миротворчество» – это не только эффективный инструмент по защите культурного наследия в период вооруженных конфликтов и постконфликтного восстановления, но также и способ сделать мандат миротворческих операций более широким за счет включения в него культурной составляющей и интенсифицировать усилия международного сообщества по поддержанию мира и безопасности путем пресечения финансирования терроризма за счет незаконной торговли ценностями искусства.

В ответ на широкомасштабное и систематическое уничтожение, разграбление и незаконную продажу мирового культурного наследия террористической группировкой ИГИЛ Италия в рамках практической реализации концепции «культурного миротворчества» выступила с инновационным предложением по созданию первой в мире оперативно-тактической группы быстрого реагирования – «Голубых касок культуры» – для обеспечения защиты объектов культурного наследия и борьбы с их незаконным оборотом. Это предложение было единогласно поддержано на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 18 ноября 2015 г. По предложению МИД Италии данное подразделение должно оценивать риски и ущерб культурному достоянию в кризисных зонах, разрабатывать план действий и осуществлять срочные меры и технический надзор, заниматься перемещением движимых ценностей в укрытия, а также проводить обучение

²³⁴Подробнее: Воробьева Ю. В. Инициатива Итальянской Республики по внедрению концепции «культурного миротворчества»: перспективы и вызовы // Вестник молодых ученых-международников. 2019. №1 (7). С.87-93.

местного персонала, усиленно бороться с мародерством и незаконным оборотом культурных ценностей²³⁵.

После одобрения итальянского предложения 16 февраля 2016 г. экс-министр иностранных дел и международного сотрудничества П. Джентилони и бывший Генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова подписали Соглашение о создании первой Группы быстрого реагирования по охране культурного наследия, согласно которому ЮНЕСКО может в любое время обращаться к Правительству Италии для привлечения, в том числе и в районы вооруженных конфликтов и стихийных бедствий, специалистов в области охраны культурного достояния и итальянских карабинеров, специализирующихся на охране культурных объектов и борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей²³⁶. На сегодняшний день Италия в рамках этого проекта уже подготовила и обучила первую оперативную Группу, сформированную из 60 известных в своей области архитекторов, историков искусства, археологов, реставраторов и карабинеров.

«Голубые каски культуры» не могут участвовать в конфликте, однако, существуют три фазы, в которых они могут функционировать в зоне чрезвычайной ситуации: превентивная (для каталогизации объектов и обеспечения их безопасности), оперативная (защита не только памятников культуры, но также и работников культуры, предотвращение и борьба с незаконным оборотом культурных ценностей) и пост-конфликтная (реконструкция и восстановление культурных памятников). Стоит отметить, что юридические основания для начала деятельности «Голубых касок культуры» отличаются от необходимых для запуска традиционной миротворческой миссии: они функционируют только на основании Меморандума о взаимопонимании между Италией и ЮНЕСКО 2016 г., а не по мандату СБ ООН, и для проведения ими миссии «культурного

²³⁵Firma dell'Accordo Italia-UNESCO. Febbraio 15, 2016. – Режим доступа: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/firma-dell-accordo-italia-unesco.html (дата обращения: 08.03.2017).

²³⁶Италия и ЮНЕСКО создадут спецгруппу по защите культурного наследия. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160216/1375419507.html> (дата обращения: 08.03.2017).

миротворчества» обязательно необходимо согласие государства, в котором эта операция должна проводиться²³⁷.

«Голубые каски культуры» уже начали свою деятельность и были задействованы летом 2017 г. в сейсмоопасном районе Италии для обеспечения безопасности, транспортировки и восстановления культурных объектов в зоне риска. С 2018 г. группа занята в Ираке с целью обучения, консультирования и ассистирования полицейским силам, задействованным в сфере культуры, а также экспертам Министерства культуры Ирака²³⁸.

Италия не раз решительно выступала за необходимость создания в каждой стране специализированных полицейских подразделений по защите культурного наследия. Например, с 2017 г. после крупных сейсмических толчков в Мексике на помощь в это государство отправились только что созданные «Голубые каски культуры», и впоследствии из этого сотрудничества родилась специальная Дивизия жандармерии федеральной мексиканской полиции «Подразделение по охране культурного наследия». Сегодня итальянские карабинеры обучают мексиканских полицейских специальным техникам охраны культурного наследия и экстренным мерам защиты культурных объектов, находящихся под угрозой²³⁹. Распространение в мире специальных полицейских подразделений по защите культурного наследия и борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей по примеру Корпуса итальянских карабинеров также идет в русле процесса секьюритизации культурного наследия.

²³⁷Nucera G.G. Il Memorandum d'intesa tra il Governo italiano e l'UNESCO per l'istituzione di una Task Force per la protezione dei beni culturali // Ordine internazionale e diritti umani. 2016.— Режим доступа: http://www.rivistaoidu.net/sites/default/files/5_paragrafo_5_CdS_1_2016.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

²³⁸Caschi blu della cultura, incontro ad Aquileia. — Режим доступа: <http://www.udinetoday.it/eventi/caschi-blu-della-cultura-incontro-con-il-comandante-carabinieri-tpc-ad-aquileia-venerdi-8-settembre-ore-18.htm> (дата обращения: 30.06.2018).

²³⁹Traffico illecito di opere d'arte: restituiti 594 dipinti ex voto al Messico. — Режим доступа: <https://www.informatorevigevanese.it/cronaca/2019/03/06/gallery/carabinieri-traffico-illecito-opere-arte-messico-ministro-bonisoli-542757/> (дата обращения 11.04.2019 г.).

По примеру Италии подобные Соглашения о взаимопонимании с ЮНЕСКО уже подписали Россия, Германия, Венгрия, Испания, Нидерланды, Норвегия. ЕС заявил о намерении также внедрить в миссию в Ираке специалистов по культурному наследию²⁴⁰.

Предложение Итальянской Республики по внедрению миссий по спасению культурного наследия в существующие миротворческие миссии ООН, то есть создание гибридного военно-гражданского контингента, без сомнения, явилось закрепляющей секьюритизирующий культурное наследие дискурс конкретной инициативой.

Создав первую в мире группу «Голубых касок культуры», Италия заняла лидирующую роль в этой области, что повысило престиж государства на международной арене. Уникальный опыт, несопоставимый ни с одним государством мира, который Италия имеет в сфере охраны и защиты культурного наследия, признается на международном уровне. Инициатива «культурного миротворчества» родилась из того богатого опыта, которым государство обладает в вопросах охраны и реставрации культурных объектов. Специалисты, обладающие необходимыми знаниями, компетенцией, способностями и опытом в этой области – это то, что Италия может предложить миру, без необходимости привлечения каких-то дополнительных финансовых средств, что очень важно для государства с непростой экономической ситуацией. Международное сообщество признает и высоко оценивает заслуги итальянских карабинеров, которые и составили ядро итальянских «Голубых касок культуры»²⁴¹.

Поскольку в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия и связывании защиты культурных ценностей с международной безопасностью релевантной аудиторией в широком смысле является все международное сообщество (государства, межправительственные и

²⁴⁰Foradori P. Cops in Foreign Lands: Italy's Role in International Policing // Journal International Peacekeeping. – 2018. Vol. 25. № 4. P. 515.

²⁴¹Foradori P., Giusti S., Lamonica A.G. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom // The International Spectator. – 2018. Vol. 53, № 3. P. 94.

неправительственные организации, специалисты, ученые и эксперты в данной области), а в узком смысле – Совет Безопасности ООН как главный международный орган, ответственный за поддержание мира и безопасности на международной арене, то развитие своих инициатив Италия продолжила именно в рамках деятельности СБ ООН. Итальянская Республика одной из первых увидела тренд к сближению повесток дня ЮНЕСКО и Совета Безопасности ООН.

В рамках резолюций Совета Безопасности ООН (таких как 1267 (1999), 1483 (2003), 2056 (2012), 2139 (2014) 2170 (2014), 2195 (2014), 2322 (2016) и др.) уже происходило постепенное установление взаимосвязи между разрушением и разграблением культурного наследия и незаконным оборотом культурных ценностей с финансированием террористической деятельности²⁴².

В феврале 2015 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 2199 о финансировании деятельности ИГИЛ, куда итальянская и французская дипломатия сумели включить секцию (три пункта – 15,16,17) о культурном наследии Ирака и Сирии и роли разграбления этого наследия и торговли им в финансировании террористической деятельности²⁴³.

²⁴²Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании 15 октября 1999 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1267\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1267(1999)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании 22 мая 2003 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) (дата обращения: 31.03.2019); Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6798-м заседании 5 июля 2012 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2056\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2056(2012)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2139 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7116-м заседании 22 февраля 2014 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2139\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2139(2014)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2170 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2170\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2170(2014)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2195 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2195\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2195(2014)) (дата обращения: 01.04.2019); Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) (дата обращения: 02.04.2019).

²⁴³Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199%20\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199%20(2015)) (дата обращения: 11.03.2019).

В 2017 г. Италия совместно с Францией разработали и представили проект резолюции о защите культурного наследия, в которой говорится о создании сети безопасных зон для защиты объектов культурного наследия в зоне конфликта, а также о связи между незаконным оборотом культурных ценностей и финансированием террористических группировок²⁴⁴. 24 марта 2017 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял эту Резолюцию под номером 2347, и она стала первой резолюцией в истории Совета Безопасности ООН, полностью посвященной защите культурного наследия.

Как заявил бывший заместитель министра иностранных дел и международного сотрудничества Италии Винченцо Амендола, «эта резолюция – историческая, потому что впервые защита культурных ценностей становится одним из элементов, помогающих борьбе с международным терроризмом. Ранее уже принимались резолюции ЮНЕСКО об охране культурного наследия, но прежде этот вопрос в ООН никогда не становился центральным в процессе миростроительства и, тем более, в борьбе с терроризмом. Остановить деятельность групп, которые занимаются незаконным оборотом культурных ценностей, значит перекрыть источники финансирования террористов, что означает подорвать их способность к проведению военных действий и расширению территорий; это означает также и остановить их тоталитарную культуру, в которой разрушение всемирного культурного наследия, веками формировавшееся историей, религиями и культурами, является способом заявить о своих территориальных захватах»²⁴⁵.

Бывший Министр культуры Италии Франческо Рутелли отмечает, что связав охрану культурного наследия с борьбой с терроризмом и реализовав такую громкую и актуальную инициативу как создание Группы быстрого реагирования в 2017 г., когда государство входило в состав непостоянных

²⁴⁴Резолюция 2347 (2017) Совета Безопасности ООН от 24 марта 2017 г – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2017.shtml> (дата обращения: 30.06.2018).

²⁴⁵L'ONU proteggerà il patrimonio culturale dei paesi in conflitto. – Режим доступа: <https://www.lavocedinewyork.com/onu/2017/03/25/lonu-proteggera-il-patrimonio-culturale-dei-paesi-in-conflitto/> (дата обращения: 30.06.2018).

членов Совета Безопасности ООН, Италия, несомненно, смогла повысить свой престиж на международной арене и внесла весомый вклад в разрешение самой острой из стоящих на международной повестке дня проблем – в борьбу с международным терроризмом и организованной преступностью. Можно согласиться с исследователями, которые отмечают, что Италия стремится избежать вторичной, вспомогательной роли в разрешении международных вопросов и потому всеми силами старается утвердить свою надежность за рубежом, усиливая свое присутствие на международной арене, активно участвуя в многосторонних операциях²⁴⁶.

По мнению бывшего Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой принятие Резолюции СБ ООН 2347 является знаком того, что в международном сообществе сформировалось новое глобальное понимание взаимосвязи между обеспечением безопасности и сохранением культурного наследия²⁴⁷. По ст. 39 Главы VII Устава ООН Совет Безопасности может квалифицировать существование угрозы международному миру и безопасности, нарушение такого мира, и решает, какие меры необходимо предпринять для восстановления мира и безопасности²⁴⁸. Признание высшим международным органом, ответственным за поддержание мира и безопасности на международной арене, вопроса разрушения и разграбления всемирного культурного наследия как проблемы международной безопасности фактически являлось бы успешным завершением секьюритизации всемирного культурного наследия, если бы не ряд серьезных недостатков резолюции.

С одной стороны, Резолюция 2347 действительно является первой резолюцией Совета Безопасности ООН, которая полностью посвящена

²⁴⁶Foradori P. Cops in Foreign Lands: Italy's Role in International Policing // Journal International Peacekeeping. – 2018. Vol. 25. № 4. P. 507.

²⁴⁷Баконга К.Ф. Историческая резолюция для защиты культурного наследия. Курьер ЮНЕСКО. №3, 2017 – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/3-2017/34152-istoricheskaya-rezolyuciya-dlya-zaschity-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 30.06.2018).

²⁴⁸Устав ООН. 1945 г. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/index.html> (дата обращения: 31.03.2019).

защите культурного наследия как вопросу международного мира и безопасности, а не как части борьбы с терроризмом или урегулирования конфликта. Резолюция подтверждает, что разрушение культурного наследия препятствует примирению между людьми, останавливает или поворачивает вспять процессы развития и разрушает культурное многообразие. Резолюция также утверждает, что разрушение культурных объектов является военным преступлением, а преступники, совершающие подобные противоправные деяния, должны предстать перед судом²⁴⁹.

С другой стороны, признав вопрос защиты объектов культуры вопросом международной безопасности, и тем самым подготовив возможность для принятия юридически обязывающих мер по ст. 39 и 41 Главы VII Устава ООН, Совет Безопасности ограничился рекомендательными положениями. Это следует из употребленных в резолюции глаголов: рекомендует, просит, предлагает, призывает, приветствует, подтверждает и др.²⁵⁰ Этот факт указывает на то, что члены Совета Безопасности ООН не готовы на самом деле взять на себя какие-либо обязательства по специальной защите культурных ценностей как составной части мер по поддержанию мира и безопасности.

Резолюция 2347 усиливает ряд ключевых международных обязательств по обычному международному праву. Вместе с тем, удивляет полное отсутствие упоминаний основной в этой области конвенции – Конвенции ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г.²⁵¹. Возможной причиной является тот факт, что как Франция, с которой Италия (которая является депозитарием данной конвенции) готовила проект резолюции, так и остальные члены Совета

²⁴⁹Jakubowski A. Resolution 2347: Mainstreaming the protection of cultural heritage at the global level // Questions of International Law. 2018. Vol.48. P. 34.

²⁵⁰Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/RES/2347%282017%29> (дата обращения: 27.03.2018).

²⁵¹Baroncini E. Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale. Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche. 2019. P. 93.

Безопасности ООН не являются участниками этой конвенции. За исключением Китая, который хоть и ратифицировал ее, но затем стал следовать политике обструкционизма.

Кроме того, Резолюция 2347 касается только вопросов защиты культурного наследия в вооруженных конфликтах, т.е. в очередной раз была упущена возможность заполнить пробелы международного права и ввести обязывающие положения, в которых разрушение, разграбление и незаконный оборот культурных ценностей приравнивался бы к преступлениям против человечности как в военное, так и в мирное время. Это бы сняло имеющиеся ограничения международного права и распространило действие норм на оставшиеся безнаказанными преступления подобные, например, разрушению Бамианских Будд в Афганистане.

Хотя резолюция отмечает, что террористические группы, участвуя в уничтожении культурного наследия и в незаконном обороте культурных ценностей и в других связанных с ними преступлениях, получают доход, за счет которого финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты, что представляет сохраняющуюся угрозу международному миру и безопасности, в ней подчеркивается, что несмотря на то, что противоправные деяния совершают прежде всего негосударственные военизированные формирования, все бремя ответственности по обеспечению сохранности объектов культурного наследия лежит на государствах²⁵².

П. 19 Резолюции подтверждает, что мандат операций ООН по поддержанию мира может включать, при сотрудничестве с ЮНЕСКО, мандат на оказание помощи соответствующим органам власти, по их просьбе, в деле защиты культурного наследия от уничтожения, проведения незаконных раскопок, разграбления и контрабанды в контексте вооруженных конфликтов. До сих пор такими полномочиями были в порядке исключения

²⁵²Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/RES/2347%282017%29> (дата обращения: 26.03.2018).

наделены только миротворцы в Мали. Фактически этим пунктом происходит легитимация реализации итальянской концепции «культурного миротворчества»²⁵³.

Таким образом, хотя Резолюция 2347 (2017) СБ ООН и является первой резолюцией Совета Безопасности полностью посвященной защите культурного наследия в ходе вооруженного конфликта как одной из составляющих поддержания международного мира и безопасности, с юридической точки зрения ее нельзя назвать исторической. Во-первых, она носит рекомендательный характер, что означает, что по сравнению с обязывающими Резолюциями 1483 и 2199 СБ ООН, это практически шаг назад. Это показало, что Совет Безопасности ООН, как релевантная аудитория секьюритизации всемирного наследия (в узком смысле), пока не готов взять на себя конкретные обязательства. Во-вторых, Резолюция касается только вопросов разрушения и разграбления культурных ценностей в ходе вооруженного конфликта, что означает, что международное сообщество вновь, как и в ситуации с Бамианскими Буддами, упустило возможность заполнить пробелы и расширить действия положений международного права на преступления, совершаемые в мирное время. В-третьих, Резолюция 2347, признавая важность культурных ценностей для культурного разнообразия и коллективной идентичности, оставляет за государством полную ответственность за защиту объектов наследия, что указывает на существующее ограничение, предел процесса секьюритизации всемирного культурного наследия, что подробнее будет рассмотрено в следующем параграфе.

Вместе с тем, в резолюции была одобрена инициатива Италии по внедрению, по запросу государств, в миротворческие миссии культурного компонента. Итальянская Республика продолжила последовательное проведение политики по расширению повесток дня различных международных организаций и форумов за счет включения вопросов защиты

²⁵³Там же.

и охраны культурного наследия и борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей с акцентом на важности решения этих проблем для поддержания международного мира и безопасности.

Являясь страной-председателем G7 в 2017 г., Итальянская Республика объявила, что приоритетным направлением деятельности форума является сохранение культурного наследия.²⁵⁴ Итальянские власти выразили готовность направить группу экспертов в Сирию для восстановления и защиты памятников культурного наследия в Пальмире. Вопросы Резолюции 2347 были незамедлительно включены в повестку дня этого форума и подкреплены политическими заявлениями.

Флорентийская декларация 2017 г., ставшая первой декларацией G7, посвященной культурному наследию, также подтвердила важность культуры для человечества, международной безопасности и экономического развития²⁵⁵. Декларация призывает предпринимать эффективные меры для противодействия разграблению и незаконному вывозу из зон конфликтов и продаже культурных ценностей, а также к необходимости контроля портов и зон свободной торговли²⁵⁶. Министры культуры стран-участниц G7 призвали ООН усилить деятельность по защите культурного наследия, включая инициативы, «которые могут содержать, где это оправданно и действительно необходимо, при индивидуальном подходе и одобрении и санкции Совета Безопасности ООН, компонент защиты культурного наследия в составе миротворческих миссий и операций безопасности»²⁵⁷.

Таким образом, Итальянская Республика, как один из главных акторов секьюритизации всемирного культурного наследия (среди государств) внесла большой вклад в формирование секьюритизирующего международного

²⁵⁴Rafforzare l'iniziativa #Unite4Heritage, priorità del G7 cultura. Режим доступа: <http://www.g7italy.it/en/node/263> (дата обращения 30.03.2018).

²⁵⁵Joint declaration of the ministers of culture of G7 on the occasion of the meeting «Culture as an instrument for dialogue among peoples». 2017. – Режим доступа: https://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1490881204940_DECLARATION-Dichiarazione.pdf (дата обращения: 30.03.2018).

²⁵⁶Там же.

²⁵⁷Там же.

дискурса и в установление прямой связи и зависимости между такими понятиями как «культурное наследие», «международная безопасность» и «мир», «военное преступление».

Италия активно продвигает новые меры для укрепления режима защиты и охраны культурного наследия, выходящие за рамки традиционных подходов в данной области, в частности разрабатывая международно-правовую и оперативную базу для внедрения так называемого культурного миротворчества и культурного миростроительства. Создание под эгидой ЮНЕСКО первой в мире оперативной группы «Голубых касок культуры», – это первый фундаментальный реализованный на практике акт секьюритизации всемирного культурного наследия. Второй важной инициативой стал разработанный Италией и Францией проект Резолюции 2347, которую Совет Безопасности ООН, – как главный международный орган, ответственный за поддержание мира и безопасности на международной арене, являющийся релевантной аудиторией процесса секьюритизации – 24 марта 2017 г. принял единогласно и которая стала первой резолюцией СБ ООН, полностью посвященной защите культурного наследия.

Хотя в Резолюции 2347 СБ ООН постановил, что «незаконное уничтожение культурного наследия, а также разграбление и незаконный вывоз культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, особенно террористическими группами» представляет собой угрозу международному миру и безопасности, что повысило важность защиты культурных ценностей и поставило этот вопрос на повестку дня обеспечения международного мира и безопасности, резолюцию нельзя назвать исторической, поскольку она носит рекомендательный характер. Государства показали свою неготовность взять на себя дополнительные обязательства по защите объектов культурного наследия. Кроме того, резолюция вновь касается только вопросов защиты культурных ценностей в ходе вооруженных конфликтов, что означает, что мировое сообщество вновь упустило возможность заполнить пробелы

международного права и расширить действие международно-правового режима защиты культурных ценностей на мирное время.

Вместе с тем, сам факт признания Советом Безопасности ООН вопроса защиты объектов культурного наследия проблемой международной безопасности, несомненно, является новым актом секьюритизации всемирного культурного наследия. Можно считать, что таким образом концепция всемирного культурного наследия, которая до этого была связана с такими категориями, как коллективная идентичность, права человека, культурное разнообразие и устойчивое развитие, дополнилась новым элементом, став одним из компонентов поддержания международного мира и безопасности.

3. 3 Пределы и альтернативы секьюритизации всемирного культурного наследия

Вопрос защиты объектов всемирного культурного наследия тесно связан с правами человека и коллективной идентичностью, кроме того, мировое культурное наследие является универсальной ценностью для всего человечества, и защита и охрана этого достояния является коллективной ответственностью всего мирового сообщества²⁵⁸. В связи с такими важными категориями, с которыми связана защита культурных ценностей, процесс секьюритизации всемирного культурного наследия неизбежно сталкивается с концепцией суверенитета государств, которая является естественным ограничителем бесконтрольного расширения и ускорения этого процесса.

Включение «культурного миротворчества» в миротворческие операции имеет значительный потенциал, пользуется большей международной поддержкой, и потому мобилизация сил для таких миссий проходит значительно быстрее, и является менее политически спорным

²⁵⁸Препамбула Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 26.11.2018).

нежели любой другой тип международной интервенции, поскольку имеет благородную, аполитическую цель, способную объединить между собой государства с очень различными национальными интересами и внешнеполитическими приоритетами. Потому такая операция по спасению мирового наследия может быть представлена как «моральная» и справедливая интервенция мирового сообщества с добрыми намерениями против «новых варваров», которые хотят разрушить символы мировой культуры и цивилизации.

В действительности, в научном мире ведутся споры, подпадает ли под действие выдвинутой в начале 2000-х гг. концепции R2P (the responsibility to protect – «ответственность по защите») обязанность международного сообщества по защите культурного наследия с целью обеспечения прав человека на участие в культурной жизни и доступ к объектам культуры, и с целью защиты универсальных ценностей человечества.

По мнению Франческо Франчони, профессора международного права, сопредседателя Академии европейского права в Европейском университетском институте (Италия), главного редактора «Итальянского ежегодника международного права», существует два подхода к нарушению норм международного права в сфере охраны культурного наследия: один основывается на установлении индивидуальной уголовной ответственности за противоправные деяния в отношении культурного наследия, а второй основывается на расширении трактовки концепции R2P. Согласно концепции R2P государства обладают не только правом контролировать свои внутренние дела, но и обязанностью по защите людей, проживающих в пределах их границ, и обеспечению всех их прав. В случае же, если государство не в состоянии предотвратить гуманитарную катастрофу самостоятельно, международное сообщество обязано вмешаться, даже если для этого потребуется нарушение государственного суверенитета. В целом, в международном сообществе преобладает негативное отношение к так называемым «гуманитарным интервенциям»: Бразилия предложила свою

концепцию «ответственности в процессе защиты», а Китай – «ответственной защиты»²⁵⁹.

Две крупные неправительственные организации по проведению междисциплинарных исследований – Американская академия искусств и наук и Гетти Траст (англ. J. Paul Getty Trust) – работают вместе над изучением того, как концепция R2P может быть применена к защите культурного наследия. Фокус внимания сосредоточен на том, что, если государство обязано защищать свою собственность, к которой относятся и движимые и недвижимые объекты культурного наследия, то, в случае его неспособности выполнить свои обязательства, может ли международное сообщество в целях спасения культурного наследия, вмешаться и выполнить эту функцию за государство²⁶⁰.

26-27 ноября 2015 г. в ЮНЕСКО состоялась встреча экспертов и представителей правительственных и неправительственных организаций на тему: «R2P и защита культурного наследия» с целью установления, подпадает ли защита объектов культуры под действие этой концепции. Участники встречи ссылались на пп. 138 и 139 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 60/1 о том, что каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, чисток и преступлений против человечности²⁶¹. Мнения экспертов разошлись насчет расширения действия концепции, но они пришли к согласию по поводу важности внедрения таких мер, как «безопасные зоны» для объектов культуры (перемещение движимых объектов искусства) и «защищенные культурные зоны» (демилитаризованные зоны для обеспечения защиты культурного

²⁵⁹Ашавский Б.М. Суверенитет и возможность правомерного вмешательства во внутренние дела государств // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2016. №1(8). С.16-22.

²⁶⁰Cuno J. The Responsibility to Protect the World's Cultural Heritage // The Brown Journal of World Affairs. 2016. Vol.23. №1. – Режим доступа: <https://www.law.upenn.edu/live/files/6425-cuno-james-2016-responsibility-to-protect-the> (дата обращения: 30.06.2018).

²⁶¹Резолюция 60/1, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 16 сентября 2005 г. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1> (дата обращения: 22.04.2019).

наследия *in situ*)²⁶². То есть, по мнению экспертов ООН, эти два предложения международного сообщества в ответ на действия террористов, находящиеся в русле процесса секьюритизации всемирного культурного наследия, не являются подрывающими государственный суверенитет.

Хотя, например, в связи с появлением итальянской идеи «культурного миротворчества» критики высказывают предположение, что эта концепция представляет собой лишь новую форму существовавшей в XVIII-XIX вв. «колониальной археологии» и по сути «культурный поворот» военных сил и появление «военно-археологических комплексных подразделений» представляет собой не более, чем новое название для неокOLONIALИЗМА²⁶³. Исследователи отмечают, что, учитывая колониальное прошлое ряда западных держав, террористические группировки могут легко представить «культурное миротворчество» как новый вид «цивилизационной миссии» по распространению западных ценностей²⁶⁴. При неудачном исходе плохо спланированной и организованной операции террористы ИГИЛ могут интерпретировать ситуацию себе на пользу, представляя культурную миротворческую миссию как войну против исламской цивилизации, как вторжение новых крестоносцев²⁶⁵.

Несмотря на большое количество преимуществ выдвинутой Итальянской Республикой концепции «культурного миротворчества» итальянские исследователи отмечают и ряд сложностей и вызовов для ее реализации.

²⁶²Final report of expert meeting on the ‘responsibility to protect’ as applied to the protection of cultural heritage in armed conflict (Paris, 26 - 27 November 2015), UNESCO. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/R2P-FinalReport-EN.pdf> (дата обращения: 22.04.2019).

²⁶³Hamilakis Y. The “War on Terror” and the Military – Archaeology Complex: Iraq, Ethics, and Neo-Colonialism // *Archaeologies: The Journal of the World Archaeological Congress*. 2009. Vol.5. №1. P. 47.

²⁶⁴Paris R. International peacebuilding and the ‘mission civilisatrice’ // *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. P. 650.

²⁶⁵Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // *Global Change, Peace & Security*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 158.

Во-первых, многие объекты культурного наследия представляют большую стратегическую важность и военную ценность для воюющих сторон, а потому для их охраны может потребоваться значительный международный военный контингент. Например, в случае Ирака и Сирии многие объекты культурного наследия располагаются на возвышенностях, на пути важных перекрестков, около водоемов и потому обладают повышенными стратегическими преимуществами, которые представляют непреходящую важность. Так, в Сирии большую оборонительную и наступательную ценность представляют собой крепость Крак-де-Шевалье, Цитадель г. Алеппо и замок г. Босра, именно поэтому террористы до последнего не оставляли попыток завладеть указанными объектами²⁶⁶. В 2013 г. крепость Крак-де-Шевалье в провинции г. Хомс (Сирия) была захвачена террористами, но в 2014 г. правительственные войска Сирии ее отбили. По некоторым данным благодаря модернизации сирийской авиатехники и поставленными Россией управляемым авиабомбам, при захвате крепости удалось обеспечить сохранность исторического объекта: высокоточный боеприпас проделал бреши в укреплениях, тогда как традиционный для армии Сирии многодневный авиаобстрел разрушил бы ее до состояния руин²⁶⁷.

Именно поэтому культурным миротворческим силам будет весьма непросто балансировать между военной составляющей операции и «культурным» мандатом. В ситуациях Сирии и Ирака, где по всей территории находится большое количество культурных объектов, можно ожидать таких сценариев, в которых цель защиты культурного наследия будет отложена из-за других насущных военных целей или в которых охрана

²⁶⁶Arimatsu L., Choudhury M. Protecting Cultural Property in Non-International Armed Conflicts: Syria and Iraq // Stockton Center for the Study of International Law. 2015. Vol. 91. P. 682. — Режим доступа: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1412&context=ils>. (дата обращения: 01.12.2018).

²⁶⁷Любимый ястреб дома Асадов. Как воюют военно-воздушные силы Сирии. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/02/28/syriansky/> (дата обращения: 01.12.2018).

культурных объектов противоречит или не вписывается в военную операцию по обезвреживанию врага и обеспечению безопасности местности²⁶⁸.

Для успеха реализации миссии «культурного миротворчества» необходимо размещение наземных формирований, однако западные страны, опасаясь оказаться втянутыми в очередную дорогостоящую и бесперспективную ближневосточную операцию, выражают сопротивление в направлении наземных войск в Сирию. По мнению руководителя Подразделения обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям и реагирования на чрезвычайные ситуации ЮНЕСКО Джованни Боккарди, дилемма же именно в том, что для защиты культурного наследия Сирии и Ирака наземные силы обязательны, чрезвычайно необходимы²⁶⁹.

Для того, чтобы «культурное миротворчество» было имплементировано в правовой режим охраны культурных ценностей и начало эффективно действовать, необходимо проводить такую имплементацию с ясным осознанием, а лучше после полного устранения всех дефектов и пробелов в правовых основаниях функционирования этого режима. Как показывает опыт бесчисленного количества разрушений мирового культурного наследия за последние 65 лет, Гаагская конвенция 1954 г. низкоэффективна, обладает множеством недочетов и пробелов, а также возникает немало сложностей на пути приведения в исполнение положений этого политико-правового инструмента. Относительно миротворческих операций необходимо отметить, что, несмотря на в целом существующий консенсус по вопросу обязательства миротворческих сил уважать объекты культурного наследия, все еще остается неясным и нерешенным вопрос, есть ли у них обязательство вмешиваться, если акты

²⁶⁸Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // Global Change, Peace & Security. 2017. Vol. 29. № 2. P. 156.

²⁶⁹Time Is Of The Essence To Save Ancient Syrian Sites, And The UN Is Considering 'Monuments Men'. 2015. – Режим доступа: <https://thinkprogress.org/time-is-of-the-essence-to-save-ancient-syrian-sites-and-the-un-is-considering-monuments-men-825b78b91b5c/> (дата обращения: 03.12.2018).

вандализма совершаются третьей стороной (не участвующей формально в конфликте). Мандат на «культурное миротворчество» должен четко, ясно и недвусмысленно заполнить все существующие правовые пробелы в этой области²⁷⁰.

Другой потенциальной проблемой реализации концепции «культурного миротворчества» может стать соотношение и взаимодействие гражданского и военного секторов в составе миссии. Совершенно обязательным и необходимым для успеха «культурного миротворчества» является участие в составе миссии гражданского персонала: археологов, историков, антропологов. По мнению специалистов, такое военно-гражданское взаимодействие может вызвать немало сложностей, учитывая различный уровень образования, образа мышления, подготовленности, рабочих привычек²⁷¹. На деле может оказаться, что сотрудничество между бойцами, миротворцами и археологами (а также другими специалистами в области культуры и искусства) будет налаживаться с трудом, учитывая различие в их первичных целях и задачах, которые нелегко совместить.

Вместе с тем, неудачный исход миссии культурного «миротворчества» может повлечь ухудшение ситуации в регионе, снизить уровень безопасности, а также может быть использован террористическими ячейками в своих пропагандистских целях. В этом смысле секьюритизация всемирного культурного наследия может содействовать стратегии ИГИЛ по активизации и усилению процесса «столкновения цивилизаций» или по втягиванию западных стран в очередную длительную бесперспективную наземную операцию, что лишь усиливает старые и порождает новые очаги нестабильности и неминуемо ведет к их поражению, как это было в Афганистане или Ираке. Ряд специалистов даже допускает предположение о возможности намеренного провоцирования ИГИЛ процесса секьюритизации

²⁷⁰Van der Auwera, S. International Law and the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict: Actual Problems and Challenges // The Journal of Arts Management, Law, and Society. 2013. Vol. 43. № 4. P.186.

²⁷¹Kila J. D., Herndon C.V. Military Involvement in Cultural Property Protection: An Overview // Joint Force Quarterly. 2014. Vol.74. №3. P.119.

всемирного культурного наследия путем беспрецедентного по масштабам разрушения культурных объектов²⁷². Совершенно очевидно, что секьюритизирующий всемирное культурное наследия дискурс, широкое распространение в СМИ и интернете видео и фотографий разрушений, лишь помогает террористической пропаганде, создавая мощную рекламную кампанию террористам.

Кроме того, миссии «культурного миротворчества» могут достичь поставленных целей только если они запланированы и реализованы как компонент более широкой, масштабной стратегии по защите и охране мирового культурного наследия. Например, для того, чтобы «культурное миротворчество» достигло цели прекращения разграбления и контрабанды культурных объектов, на местах расположения таких объектов охрана должна быть согласована с международной деятельностью по пресечению контрабанды культурных ценностей, с использованием подхода по сокращению оборота черного рынка искусства для того, чтобы снизить спрос на таких рынках путем увеличения риска всех вовлеченных в нелегальную торговлю культурных ценностей сторон²⁷³.

Расширение действия концепции R2P на ситуации по защите культурных объектов, без сомнения, увеличивает количество поводов для вмешательства во внутренние дела других государств по политическим мотивам, что в целом снижает уровень международной безопасности. Например, Российская Федерация традиционно выступает против так называемых гуманитарных интервенций, и ее интересам не отвечает расширение поводов и причин для ее совершения. То же самое можно сказать и об Итальянской Республике.

Однако сложившаяся, например, в Италии культура безопасности такова, что на внутривнутриполитическом поле размещение международных сил с

²⁷²Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // *Global Change, Peace & Security*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 159.

²⁷³Mackenzie S., Green P. Criminalising the Market in Illicit Antiquities. An Evaluation of the Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003 in England and Wales // *Criminology and Archaeology: Studies in Looted Antiquities*. Hart Publishing, 2009. P. 167-168.

мандатом, включающим спасение мирового наследия, может намного больше соответствовать пониманию «гуманитарности» операции, которое присутствует в Правительстве и Парламенте государства, чье одобрение необходимо для решения о направлении военного контингента за рубеж. Любое участие Италии в военных миссиях ООН, ЕС, НАТО или любых коалиций за рубежом всегда представляется на одобрение общественности, обсуждается и принимается в Парламенте с обязательным акцентом на гуманитарном характере операций при максимальном смягчении военной составляющей²⁷⁴. После окончания Холодной войны в Италии сложилась ситуация, в которой направление в составе международных миссий полицейских сил вместо военных вызывает наименьшие политические дискуссии, получает более активную поддержку общественности и наибольшим образом подчеркивает миротворческий нарратив итальянской вовлеченности в международные миссии с целью поддержания мира, защиты прав человека, продвижения демократии, охраны культурных ценностей²⁷⁵.

Ввиду вышесказанного, неудивительно, что Резолюция 2347 (2017) Совета Безопасности ООН, которая получила статус исторической, оставляет за государствами всю полноту ответственности по обеспечению защиты объектов культурного наследия, даже если они входят в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, включая те ситуации, когда их разрушение происходит по вине негосударственных акторов (террористических сил)²⁷⁶.

Некоторые специалисты отмечают, что хотя эффект от резолюции СБ ООН может рассматриваться как ключевой фактор в глобальной консолидации механизмов охраны и защиты культурного наследия в ситуации вооруженных столкновений, ее роль в консолидации в целом

²⁷⁴Ignazi P., Giacomello G., Coticchia F. Italian Military Operations Abroad: Just Don't Call It War. Palgrave Macmillan, 2012. P.183.

²⁷⁵Foradori P. Cops in Foreign Lands: Italy's Role in International Policing // Journal International Peacekeeping. 2018. Vol. 25. № 4. P. 508.

²⁷⁶Подробнее: Воробьева Ю.В. Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия / Проблемы постсоветского пространства. 2020. Том 7. №2. С.154-170.

глобального управления в сфере культурного наследия сомнительна. Далеко не в каждой ситуации охрана культурного наследия может быть отнесена к вопросу международного мира и безопасности. Напротив, по мнению некоторых специалистов, многие вопросы «культурной» повестки дня лежат в плоскости государственной ответственности, такие, например, как пограничный контроль перевозок культурных объектов, защита культурных прав большинства в условиях миграционного кризиса и т.д. По этой причине, считают скептически настроенные исследователи, достижение консолидации механизмов глобального управления в сфере защиты культурного наследия за рамками контекста вооруженных конфликтов и борьбой с терроризмом может считаться маловероятным в ближайшее время²⁷⁷.

По мнению одного из создателей концепции секьюритизации О. Вейвера существует и обратный процесс – десекуритизация, в ходе которой референтный объект безопасности выводится из сферы «высокой политики» по обеспечению безопасности в область традиционных политических практик. Ученый отмечает, что именно такой способ наиболее эффективен для решения проблем и устранения угроз референтному объекту. Такое возможно, если угроза объекту перестает восприниматься как экзистенциальная, и вопрос может быть снят с повестки дня по обеспечению безопасности. В этом случае чрезвычайные меры больше не являются необходимыми или оправданными²⁷⁸.

Десекуритизация объекта может происходить несколькими способами: прекращение использования при обсуждении проблемы терминологии, связанной с безопасностью; признание вопроса проблемой безопасности, но с использованием для ее решения методов, не приводящих к дилемме безопасности; возвращение проблемы в русло «нормальной политики»²⁷⁹.

²⁷⁷Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies // *Global Change, Peace & Security*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 159.

²⁷⁸Buzan B., Waever O., Wilde J. D. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. P. 60.

²⁷⁹Roe P. Securitization and Minority Rights: Conditions of Desecuritization // *Security Dialogue*. 2004. Vol. 35. № 3. P. 284-285. Waever O. The EU as a security actor: Reflections from a

О. Вейвер отмечал сложности при использовании второй и третьей стратегий. Это связано с тем, что действия, направленные на обеспечение безопасности идентичности, уменьшают чувство защищенности у самого объекта защиты, что создает благоприятные условия для возникновения социетальной дилеммы безопасности²⁸⁰. Именно действием дилеммы безопасности можно объяснить тот факт, что широкое распространение дискурса безопасности в отношении разрушений и разграбления объектов всемирного культурного наследия, направленное на попытку обратить внимание международной общественности к проблеме для обеспечения адекватным мер безопасности таким объектам, на самом деле только снижает их безопасность.

Учитывая, что СМИ как функциональный актор, не играющий главной роли, но существенно влияющий на ход и скорость секьюритизации, тиражируя фото и видео разрушений ИГИЛ и другими террористическими ячейками объектов культуры, лишь способствует террористической пропаганде и создает своеобразную рекламу для тех, кто разделяет их ценности, то десекуритизацию всемирного культурного наследия следует начинать со снижения количества распространяемых в интернете и СМИ материалов на эту тему.

Использование методов, не связанных с безопасностью и находящихся в русле десекуритизации, предложила Великобритания. По мнению этого государства, для сохранения в коллективной памяти уничтоженных объектов искусства необходимо задействовать современные технологии. Так в 2016 г. на Трафальгарской площади в центре Лондона Институт цифровой археологии (совместный проект университетов Гарварда и Оксфорда, а также

pessimistic constructivist on postsovereign security orders. / M. Kelstrup, M. Williams // International Relations Theory and the Politics of European Integration: Power, Security and Community. London: Routledge, 2000. P. 253.

²⁸⁰Waever O. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on postsovereign security orders // International Relations Theory and the Politics of European Integration: Power, Security and Community / ed.: M. Kelstrup; M. Williams. London: Routledge. 2000. P. 253.

«Музея будущего» в Дубае) с помощью 3D-принтера воссоздал две реплики арки из храма Бэла, разрушенного террористами ИГИЛ в Пальмире.

В Институте цифровой археологии развивается специальный проект цифрового спасения памятников культуры, в рамках которого добровольцы при помощи 3D-камер документируют культурные объекты Ближнего Востока и Северной Африки, находящиеся в группе риска. 2000-летняя арка, воссозданная на самых знаменитых площадях Лондона, а затем и Нью-Йорка, с помощью современных технологий, — это «акт сопротивления» попыткам ИГИЛ стереть доисламскую историю Ближнего Востока, считают авторы идеи и основатели Института цифровой археологии американский археолог Роджер Майкл и английский физик Алекси Кареновская. «Если мы не в состоянии физически защитить объекты на Земле, мы можем по крайней мере сделать и сохранить их детальные цифровые обмеры», — объяснил Роджер Майкл. «Считайте это нашим политическим заявлением, призывом к действию, очередной попыткой привлечь внимание к происходящему в Сирии, Ираке и Ливии. Это наше послание боевикам: “если вы разрушаете, мы сможем все построить заново”»²⁸¹.

Альтернативный вариант воссоздания разрушенных Бамианских Будд в Афганистане предложила супружеская пара из Китая, которая, при поддержке ЮНЕСКО и правительства государства, потратила в 2015 г. 120 тысяч долл. на создание голограмм и проецирование колоссов в 3D с помощью лазерных технологий²⁸².

Мнения специалистов относительно целесообразности восстановления разрушенных памятников таким образом расходятся.

Гендиректор Государственного музея Востока Александр Седов, считает, что с точки зрения науки — «это нововел, который не имеет никакого отношения к тому, что было прежде. Но для тех, кто хочет помнить, как

²⁸¹Indiana Joneses run hi-tech race against Islamic State. 30 June, 2015. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/business-33262530> (дата обращения: 08.12. 2019).

²⁸²В ожидании варваров: памятники всемирного наследия под угрозой уничтожения. — Режим доступа: <https://tass.ru/spec/bamiyan> (дата обращения: 21.05.2020).

выглядели памятники истории, для будущих поколений и туристов – это полезно»²⁸³.

В свою очередь, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский отмечает, что «иногда нужно восстановить – как жест борьбы. Это должен быть политический жест того, что нас не задушишь, не убьешь. И тут уже вопросы хартии, принципов реставрации уходят на второй план»²⁸⁴.

Таким образом, развитие процесса секьюритизации всемирного культурного наследия имеет свои пределы и ограничения: принятие релевантной аудиторией секьюритизирующего всемирное культурное наследие дискурса и завершение процесса секьюритизации означало бы неизбежное расширение концепции «ответственности по защите» также и на вопросы физической защиты объектов культурно-исторического и религиозного наследия. Это не отвечает интересам большинства государств на международной арене, поскольку является размывающим государственный суверенитет фактором.

В Резолюции 2347 (2017) Совет Безопасности ООН подтвердил, что оставляет за государством всю ответственность по защите культурных ценностей. Альтернативой секьюритизации является десекуритизация культурного наследия – процесс, направленный на прекращение использования секьюритизирующего дискурса в отношении разрушений объектов культурного наследия, поскольку такой дискурс, распространяемый через СМИ и интернет, лишь помогает террористической пропаганде. Вместо того, чтобы дарить преступникам статус врагов современной цивилизации, который они так жаждут получить, представляется необходимым совершенствовать международно-правовую базу и привлекать их к индивидуальной уголовной ответственности за совершенные преступления. Кроме того, в рамках десекуритизации необходима

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

адаптация альтернативных мер, не приводящих к включению этой проблемы в повестку дня по обеспечению безопасности.

Заключение

Появившаяся после Второй мировой войны в рамках социального конструктивизма теория секьюритизации Б. Бузана и О. Вейвера значительно расширила исследовательские возможности ученых, прежде всего за счет разделения референтных объектов безопасности, находящихся в условиях экзистенциальной угрозы, и секьюритизирующих акторов, что отличалось от традиционного видения государства одновременно как актора, так и объекта безопасности. Благодаря этому в фокус внимания исследователей попали невоенные вопросы безопасности, а также особенности восприятия угроз в общественном сознании. В своих трудах Б. Бузан и О. Вейвер предложили секторальный подход к изучению вопросов безопасности, выделив политический, экономический, военный, экологический и социетальный секторы.

Несмотря на то, что всемирное культурное наследие авторами теории не выделялось в отдельный референтный объект безопасности социетального сектора, наследие сообщества символизирует постоянно продолжающийся процесс смыслообразования, формирования идентичности сообществ и интерпретации их прошлого. Концепция «всемирного наследия человечества» тесно связана с рядом важных в современном мире категорий. У международного сообщества сформировалось и было закреплено на конвенциональном уровне понимание материального и нематериального культурного наследия как выражения коллективной идентичности и универсальных ценностей, представляющих важность для всего человечества, а также необходимость защиты этого наследия для обеспечения реализации в полном объеме культурных прав человека и сохранения и поощрения всех форм культурного разнообразия, являющегося ключевым фактором устойчивого человеческого развития. Являясь одним из центральных элементов целого ряда таких важных и актуальных категорий международных отношений, культурно-историческое и религиозное наследие человечества обладает большим потенциалом, который все чаще и

активнее используется в политических целях и конфликтах с целью переписывания истории и изменения культурного ландшафта сообществ, что приводит к снижению социетальной безопасности и превращает культурное наследие в один из важных референтных объектов безопасности на современном этапе.

Характер угроз всемирному культурному наследию с течением времени менялся. Еще в ходе Второй мировой войны объекты культурного, религиозного и исторического наследия противника уничтожались с целью подрыва его духа и уничтожения идентичности врага. После окончания войны характер угроз объектам культурного наследия стал претерпеть трансформацию: поскольку символический капитал культурного наследия обладает процессуальностью и представляет собой результат постоянно продолжающегося процесса смыслообразования, является материальным выражением коллективной идентичности сообщества и активно используется в процессе интерпретации прошлого, то государства стали использовать смыслообразующий потенциал наследия для достижения политических и экономических целей. После Второй мировой войны добавилась угроза политической и экономической эксплуатации символического и смыслового капитала, заключенного в объектах всемирного культурного наследия, начался этап стремительной политизации наследия человечества.

С изменением характера угроз всемирному культурному наследию начался процесс секьюритизации. Разрушение объектов наследия осуществляется негосударственными акторами, террористическими силами или правительствами непризнанных государств. В современные конфликты вовлекается все больше акторов, напрямую не связанных с конфликтом: повстанцы, наемники, миротворческие силы и т.д., соответственно, растет и число потенциальных преступников, занимающихся разграблением культурного наследия. Все чаще эти разрушения стали осуществляться в мирное время, а не в ходе вооруженного конфликта.

Основной целью разрушения и разграбления объектов культуры на современном этапе становится не столько желание уничтожить идентичность врага (например, большая часть уничтоженных ИГИЛ объектов относилась к исламской религии и мусульманской культуре), как финансирование военных действий. Поскольку в современных конфликтах все больше оказываются задействованы частные акторы, а не регулярные государственные силы, то эти акторы не могут опираться на государственные ресурсы и вынуждены сами изыскивать способы финансирования боевых действий. Они вовлекаются в незаконную криминальную деятельность, в том числе в разграбление культурно-исторических и археологических объектов, а затем в нелегальную продажу артефактов искусства на черном рынке антиквариата. Финансовые ресурсы и выгоды от продолжения боевых действий для участников конфликта превалируют над другими мотивами.

Угрозы существованию всемирного культурного наследия можно подразделить на краткосрочные и долгосрочные. К первым относятся разрушение культурного наследия террористическими группировками в целях пропаганды, вербовки новых последователей и крупномасштабная деятельность по незаконной торговле предметами искусства, доходы от которой направляются на финансирование терроризма и продолжение боевых действий. Ко вторым – стремление террористов уничтожить богатую многонациональную культурную идентичность народов, культурное разнообразие и плюрализм путем стирания коллективной памяти и объектов, в которых она заключена.

Смена характера угроз объектам всемирного культурного наследия и широкомасштабная деятельность террористов по разрушению таких объектов выступили внешними сопутствующими условиями, которое запустило процесс секьюритизации всемирного культурного наследия и придала этому процессу ускорение. К предпосылкам секьюритизации всемирного культурного наследия диссертант отнес криминализацию международно-правового режима защиты культурных ценностей, то есть

создание юридической основы для судебного преследования лиц, совершивших противоправные деяния в отношении объектов культурного наследия и наложение индивидуальной уголовной ответственности. Еще одной предпосылкой стала высокая политизация вопроса всемирного наследия, когда государства стали использовать эту концепцию для получения экономических выгод и достижения политических целей на международной арене, например, для закрепления своих территориальных притязаний и даже для получения международного признания.

В диссертации выделяются три этапа секьюритизации всемирного культурного наследия:

1. Разрушение Бамианских Будд в Афганистане в 2001 г.: первый этап секьюритизации всемирного культурного наследия характеризуется зарождением нового вида угрозы объектам наследия, когда сам факт их разрушения используется в политических целях, в первую очередь с целью бросить вызов международному сообществу, реакция которого на данном этапе характеризовалась растерянностью и отсутствием каких-либо конкретных действий, которые могли бы противостоять подобным актам агрессии. На этом этапе можно отметить начало формирования секьюритизирующего дискурса.

2. Разрушение мавзолеев Тимбукту в Мали в 2011 г.: второй этап секьюритизации всемирного наследия характеризуется оформлением полноценного секьюритизирующего дискурса, который был подкреплён конкретными действиями. В 2013 г. в мандат Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) впервые был внедрен культурный компонент, что стало новаторским решением, первым в своем роде. В 2016 г. Международный уголовный суд вынес первое в истории уголовное обвинение малийскому террористу аль-Махди за преднамеренное разрушение объектов культурного наследия, классифицировав его как военное преступление.

3. Систематическое, массовое, преднамеренное уничтожение террористами ИГИЛ с 2014 г. культурного наследия Сирии и Ирака вывело процесс секьюритизации на качественно новый уровень: особенностью деятельности террористов стало то, что захват, разрушение, разграбление и продажа культурных ценностей является компонентом хорошо продуманной военно-политической стратегии по захвату и удержанию власти. Разрушение объектов коллективной идентичности и общечеловеческой ценности происходит как хорошо срежиссированная постановка, имеющее целью вовлечение как можно более широкой международной аудитории, за счет чего достигается максимально широкая пропаганда и реклама для вербовки новых членов. Разрушение и разграбление объектов своего собственного культурно-исторического и религиозного наследия превратилось в бизнес-проект по финансированию террористических актов и продолжению боевых действий. Разрушение Пальмиры террористами ИГИЛ, вызвавшее широкий международный резонанс, и последующее ее освобождение вооруженными силами Российской Федерации представляет собой критический момент, в который в секьюритизации всемирного наследия произошел сдвиг от словесных заявлений к действиям. В этот момент у международного сообщества формируется понимание того, что защита культурного наследия является вопросом международной безопасности и на современном этапе в некоторых случаях может быть достигнута только с использованием фактических инструментов обеспечения безопасности, то есть военными методами.

На этом этапе заканчивается оформление секьюритизирующего всемирного культурного наследие дискурса. Международное сообщество активно ищет возможные варианты противостояния новой угрозе. Ряд инициатив подкрепляет этот дискурс, например, разработка Итальянской Республикой концепции «культурного миротворчества» и создание первой в мире гибридной формы военно-гражданского сотрудничества – «Голубых касок культуры», – в которой задействованы военные и полицейские силы и

гражданские специалисты; предложение бывшего Гендиректора ЮНЕСКО И. Боковой создать защищенные зоны вокруг объектов наследия *in situ*, а также предложение Франции по перенесению движимых объектов наследия на охраняемые объекты в другие страны. Происходит создание гибридных форм государственно-частного сотрудничества, например, Международный альянс по охране наследия в районах конфликтов (МАОН), который легитимирует и институализирует более инклюзивное участие как государственных акторов, так и частного сектора. Кроме того, произошло резкое увеличение финансирования сферы защиты культурного наследия (например, был создан Чрезвычайный фонд наследия ЮНЕСКО (в 2015 г.), а также Международный фонд по защите находящегося под угрозой культурного наследия в условиях вооруженного конфликта МАОН).

Единогласно принятой 24 марта 2017 г. Резолюцией 2347 Совет Безопасности ООН постановил, что незаконное уничтожение культурного наследия, а также разграбление и незаконный вывоз культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, особенно террористическими группами представляет собой угрозу международному миру и безопасности и классифицируется как военное преступление, таким образом добавив к концепции всемирного наследия человечества новый важный компонент, в котором обеспечение безопасности объектов такого наследия является неотъемлемой частью усилий международного сообщества по обеспечению международной безопасности.

Процесс формирования секьюритарного нарратива всемирного культурного наследия происходил путем дискурсивных практик, отражаясь в речах, заявлениях различных международных акторов. В противовес многим ситуациям, когда секьюритизация какого-либо объекта происходила внутри государства, исследуемый процесс начался и консолидировался в рамках многосторонних организаций (региональных и глобальных) и при помощи функциональных (второстепенных) акторов, таких как археологи, искусствоведы, кураторы, СМИ, академические круги.

Целый ряд лидеров и государственных деятелей различных стран вовлеклись в дискурс секьюритизации всемирного культурного наследия, определяя его разрушение как угрозу коллективной идентичности и памяти. Главными акторами секьюритизации всемирного культурного наследия являются международные межправительственные и неправительственные организации, такие как специализированное учреждение ООН ЮНЕСКО, ИКОМОС, ИКОМ, ВТАО, ИНТЕРПОЛ и др. Государства являются акторами секьюритизации второго порядка, самые активные из них: Италия, Франция, Россия.

Релевантной аудиторией секьюритизации всемирного культурного наследия в широком смысле является все международное сообщество (государства, организации, ученые и специалисты в этой области). В узком смысле – Совет Безопасности ООН, который является главным органом на международной арене, ответственным за поддержание мира и международной безопасности в мире.

Построение секьюритизирующего всемирное культурное наследие дискурса происходило в соответствии с грамматическими нормами построения успешного дискурса секьюритизации: акторы убеждали аудиторию в наличии экзистенциальной угрозы для объектов наследия, указывали на важность для международного сообщества предпринять срочные меры, выходящие за рамки существующих международно-правовых процедур, и начать безотлагательно действовать, используя речевые обороты и лексику, связанные с дискурсом безопасности.

Перенос вопросов культуры с помощью секьюритизирующего дискурса в область безопасности породил появление новой парадигмы отношения к культуре, в которой культура становится на повестку дня международной безопасности как один из существенных компонентов установления и поддержания международного мира и безопасности. Атаки на объекты мирового культурного наследия стали рассматриваться как прямая угроза международному миру и безопасности, а защита и охрана

культурного наследия – как императив безопасности. Главным актором, который формировал секьюритизирующий всемирное культурное наследия дискурс, является ЮНЕСКО.

Среди государств одним из лидеров секьюритизации является Итальянская Республика. Италия обладает высоким репутационным капиталом в сфере защиты и охраны культурного наследия, престиж и опыт итальянских специалистов высоко ценится и признается всеми государствами на международной арене. Деятельность Итальянской Республики на исследуемом направлении происходит в русле секьюритизации всемирного культурного наследия. Культурный капитал государства позволяет Италии выступать в роли активного актора секьюритизации. Италия – своей репутацией и престижем – внесла большой вклад в формирование секьюритизирующего всемирное культурное наследие дискурса и в установлении прямой связи и зависимости между такими понятиями как «культурное наследие», «финансирование терроризма», «международная безопасность» и «мир».

В деятельности Италии на исследуемом направлении на современном этапе можно выделить три основных вектора: во-первых, Италия стремится повысить понимание мировым сообществом чрезвычайной значимости культуры для всего человечества и опасности тех новых вызовов и угроз, которые стоят на пути ее защиты; во-вторых, государство проводит мероприятия по усилению роли и эффективности уже существующего режима путем выработки новых, более эффективных ответных мер; в-третьих, Италия стремится занимать лидирующую роль в этой сфере, учитывая важность роли культуры в национальной идентичности государства и его международном имидже, деятельности, внешней политике, и передавать свой богатый опыт в сфере охраны и защиты культурного наследия другим странам.

Италия активно продвигает новые меры для укрепления режима защиты и охраны культурного наследия, выходящие за рамки традиционных

подходов в данной области. Например, разрабатывая международно-правовую и оперативную базу для внедрения созданной и выдвинутой страной в 2015 г. в ответ на варварское разрушение культурного наследия человечества террористической организацией ИГИЛ концепции «культурного миротворчества» и «культурного миростроительства». Этот инновационный шаг позволяет дать комплексный ответ на существующие как краткосрочные, так и долгосрочные угрозы всемирному культурному наследию.

Первым этапом внедрения и практической реализации разработанной Италией концепции «культурного миротворчества» стало создание в 2016 г. под эгидой ЮНЕСКО первой в мире оперативной группы «Голубых касок культуры», что позволило Италии занять лидирующую роль в этой области и повысить престиж государства на международной арене. Сегодня по примеру Италии такие соглашения с ЮНЕСКО о создании подобных групп подписал ряд государств, в числе которых и Российская Федерация.

Кульминацией серии хорошо спланированных и скоординированных итальянских инициатив на двустороннем и многостороннем уровне стало принятие в 2017 г. первой в истории Совета Безопасности ООН резолюции, полностью посвященной защите и охране всемирного культурного наследия: Резолюции 2437, которая закрепила введение вопроса о защите культурных объектов в повестку дня мирового сообщества по обеспечению международной безопасности. Вместе с тем, эта резолюция, во-первых, носит рекомендательный характер, во-вторых, оставляет всю ответственность по защите объектов наследия за государством, что указывает на существующий предел и ограничение процесса секьюритизации всемирного культурного наследия. Этот процесс нельзя назвать завершенным: Резолюцией 2437 (2017) Совет Безопасности ООН, как релевантная аудитория секьюритизации, показал свою неготовность брать дополнительные конкретные обязательства в сфере защиты объектов всемирного культурного наследия.

В связи с тем, что обязанность по защите культурного наследия многие юристы считают нормами обычного права и нормами *erga omnes* являющимися обязательными для исполнения всеми членами международного сообщества, то с процессом секьюритизации и становлением понимания защиты культурных ценностей как одного из компонентов обеспечения международной безопасности существует опасность расширения концепции «ответственности по защите» также на вопросы защиты объектов культурного наследия. Эта концепция является фактором размывания государственного суверенитета, и расширение сферы ее действия не отвечает интересам государств.

Альтернативой секьюритизации всемирного культурного наследия может быть обратный процесс – десекуритизация. Необходимо снизить безграничное распространение в СМИ и интернете фотографий и видео разрушений, и перестать использовать дискурс безопасности в отношении этой проблемы, в том числе для того, что чтобы не способствовать распространению террористической пропаганды и саморекламы. Кроме того, вместо того чтобы объявлять террористов новыми врагами современной цивилизации, к чему они так стремятся, следует заняться усовершенствованием международно-правовой базы для возможности привлечения преступников к уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния в отношении объектов культурно-исторического и религиозного наследия.

Таким образом, деятельность Итальянской Республики внесла весомый вклад в формирование как секьюритизирующего всемирное культурное наследие дискурса, так и в развитие самого процесса секьюритизации. Италия разработала и обеспечила принятие Резолюции 2347, по которой высший орган, отвечающий за международный мир и безопасность, закрепил и подтвердил выдвижение проблемы защиты всемирного культурного наследия на повестку дня по обеспечению международной безопасности, установил прямую связь между разрушением

и разграблением такого наследия и финансированием террористических группировок и легитимировал применение таких чрезвычайных мер, выходящих за пределы обычного политического процесса, как реализация концепции культурного миротворчества.

Список источников и литературы

Официальные документы

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
2. Выступление Джеффри Д. Фелтмана. UN Doc S/PV.7907. – 2017. – March 24. [Электронный ресурс] – URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_7907.pdf (дата обращения: 03. 04. 2019 г.).
3. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж. – 2015 г. – 6 ноября. [Электронный ресурс] – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1922488 (дата обращения: 18 марта 2019).
4. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.А. Небензи на брифинге Совета Безопасности ООН по разрушению и незаконному обороту объектов культурного наследия террористическими группировками и в ситуациях вооруженного конфликта – 2017 г. – 30 ноября. – [Электронный ресурс] – URL: <http://russiaun.ru/ru/news/kulsohr3011> (дата обращения: 19.05.2019).
5. Гагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. [Электронный ресурс] – URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911632@engNPA (дата обращения: 30.06.2018).
6. Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта была принята в Гааге (Нидерланды) от 14 мая 1954 г. [Электронный ресурс] – URL:

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf

(дата обращения: 30.06.2018).

7. Генеральный директор ЮНЕСКО приветствует открытие судебного процесса по делу о разрушении наследия Тимбукту. Пресс-релиз от 24 августа 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/unesco_director_general_welcomes_opening_of_trial_on_the_de_s/ (дата обращения: 09.12.2019).
8. Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
9. Доклад ЮНЕСКО WHC-97/CONF.208/17. – 1998. – 27 February. – [Электронный ресурс] – URL: <https://whc.unesco.org/archive/1997/whc-97-conf208-17e.pdf> (дата обращения: 17.12. 2019).
10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения 29.01.2020).
11. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 30.06.2018).
12. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 11.01.2020).
13. Конвенция по защите нематериального культурного наследия, 2003 г. [Электронный ресурс] – URL:

https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-2018_version-RU.pdf (дата обращения: 05.02.2019).

14. Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001333/133378mo.pdf> (дата обращения 09.04.2019).
15. Конвенция УНИДРУА об украденных или незаконно экспортированных культурных ценностях 1995 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention> (дата обращения 09.04.2019).
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
17. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.11.2019).
18. Резолюция A/RES/69/281, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 28 мая 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/281> (дата обращения: 17.02.2019).
19. Резолюция A/RES/70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 20.03.2019).
20. Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности ООН на его 4051-м заседании, 15 октября 1999 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902113834> (дата обращения: 07.11.2019).

21. Резолюция 1333 (2000), принятая Советом Безопасности ООН на его 4251-м заседании 19 декабря 2000 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/1333%20\(2000\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/1333%20(2000)) (дата обращения: 07.11.2019).
22. Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании 22 мая 2003 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) (дата обращения: 31.03.2019).
23. Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6798-м заседании 5 июля 2012 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2056\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2056(2012)) (дата обращения: 01.04.2019).
24. Резолюция 2071 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6846-м заседании 12 октября 2012 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2071\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2071(2012)) (дата обращения: 05.02.2020).
25. Резолюция 2085 (2012), принятая Советом Безопасности ООН на его 6898-м заседании 20 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2085\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2085(2012)) (дата обращения: 05.02.2020).
26. Резолюция 2100 (2013), принятая Советом Безопасности ООН на его 6952-м заседании 25 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2100\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2100(2013)) (дата обращения: 18 марта 2019).
27. Резолюция 2139 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7116-м заседании 22 февраля 2014 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2139\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2139(2014)) (дата обращения: 01.04.2019).
28. Резолюция 2170 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7242-м заседании 15 августа 2014 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2170\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2170(2014)) (дата обращения: 01.04.2019).
29. Резолюция 2195 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2195\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2195(2014)) (дата обращения: 01.04.2019);

- 30.Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 01.04.2019).
- 31.Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности ООН на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) (дата обращения: 02.04.2019).
- 32.Резолюция 2353 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7587-м заседании 17 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2253%20\(2015\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2253%20(2015)) (дата обращения: 05.02.2020);
- 33.Резолюция 2347 (2017) Совета Безопасности ООН от 24 марта 2017 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2017.shtml> (дата обращения: 30.06.2018).
- 34.Резолюция 2368 (2017), принятая Советом Безопасности ООН на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г. [Электронный ресурс] – URL: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2368%20\(2017\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2368%20(2017)) (дата обращения: 05.02.2020).
- 35.Резолюция 55/234, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 1 мая 2001 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/243> (дата обращения: 17.01. 2020).
- 36.Резолюция 60/1, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1> (дата обращения: 22.04.2019).
- 37.Резолюция Совета по правам человека ООН A/HRC/RES/6/1 от 27.09. 2007 «Защита культурных прав и ценностей в ситуациях вооруженного конфликта» [Электронный ресурс] – URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_6_1.pdf (дата обращения: 25.11.2019).

38. Решения, принятые Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 184-й сессии 14 мая 2010 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187904_rus (дата обращения: 14.11. 2019).
39. Решения, принятые Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 195-й сессии 28 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230601_rus (дата обращения: 11.03.2019).
40. Решения, принятые Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 196-й сессии 22 мая 2015 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232890_rus (дата обращения: 15.11. 2019).
41. Решения, принятые Исполнительным комитетом ЮНЕСКО 12 октября 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246215_rus (дата обращения: 14.11. 2019).
42. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, утвержденный резолюцией 827 (1993) Совета Безопасности ООН 25 мая 1993 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 14.01.2020).
43. Устав ООН 1945 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/index.html> (дата обращения: 31.03.2019).
44. Участие ЮНЕСКО в Совете учредителей Фонда МАОН (Международный альянс по охране наследия в районах конфликтов). Исполнительный совет ЮНЕСКО, 201 ЕХ/33. – 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248090_rus (дата обращения: 11.03. 2019).
45. Цели Главного управления Министерства иностранных дел Италии по формированию образа страны за рубежом в рамках концепции «Страна-

- система». [Электронный ресурс] – URL: http://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/cultura/ (дата обращения: 08.03.2017).
46. Appeal issued by ICOMOS and ICOM on 1 March 2001. [Электронный ресурс] – URL: https://www.icomos.org/risk/world_report/2000/appeal.htm (дата обращения: 17.12. 2019).
47. Arria-Formula Meetings, 1992-2018. – Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/working_methods_arria_formula.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
48. Case Information Sheet. Strugar (IT-01-42). [Электронный ресурс] – URL: <http://www.icty.org/case/strugar/4> (дата обращения: 19.11.2019).
49. Case Information Sheet. Jokić, Miodrag (IT-01-42/1). [Электронный ресурс] – URL: http://www.icty.org/case/miodrag_jokic/4 (дата обращения: 19.11.2019).
50. Combating destruction of cultural heritage and trafficking in cultural property in Central Asian Region focus of OSCE-supported workshop in Tashkent. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.osce.org/project-coordinator-in-uzbekistan/381892> (дата обращения: 11.04.2019).
51. Council Regulation (EU) №1332/2013 of 13 December 2013 amending Regulation (EU) №36/2012 concerning restrictive measures in view of the situation in Syria. – 2013. [Электронный ресурс] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:335:0003:0007:EN:PDF> (дата обращения: 01.04.2019).
52. Declaration Expo Milano 2015. International Conference of the Ministers of Culture “Culture as an Instrument of Dialogue among Peoples”. – 2015. – July 31-August 1. [Электронный ресурс] – URL: http://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1441188687687_DICHIARAZIONE_DEI_MINISTRI DELLA CULTURA_5_DF_I_NGL_definitiva.pdf (Дата обращения: 04.12.18).

53. Discorso dell'Ministro alla conferenza «Protecting cultural heritage from terrorism and mass atrocities: links and common responsibilities». – 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interventi/2017/10/discorso-dell-on-ministro-all-evento_8.html (дата обращения: 11.04.2019).
54. Final report of expert meeting on the 'responsibility to protect' as applied to the protection of cultural heritage in armed conflict, UNESCO. – 2015. – November, 26 - 27. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/R2P-FinalReport-EN.pdf> (дата обращения: 22.04.2019).
55. Firma dell'Accordo Italia-UNESCO. – 2016. – Febbraio 15. [Электронный ресурс] – URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/firma-dell-accordo-italia-unesco.html (дата обращения: 08.03.2017).
56. Global Financial Integrity Annual Report 2017 “Transnational Crime and the Developing World”. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2017/03/Transnational_Crime-final.pdf (дата обращения 09.04.2019).
57. Joint declaration of the ministers of culture of G7 on the occasion of the meeting «Culture as an instrument for dialogue among peoples». – 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1490881204940_DECLARATION-Dichiarazione.pdf (дата обращения: 30.03.2018).
58. Press Release. Rafforzare l'iniziativa #Unite4Heritage, priorità del G7 cultura. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.g7italy.it/en/node/263> (дата обращения 30.03.2018).
59. Press Release. Six Senior Herceg-Bosna Officials Convicted. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icty.org/en/press/six-senior-herceg-bosna-officials-convicted> (дата обращения: 19.11.2019).

60. Records of the twenty-seventh session of the General Conference UNESCO/RES/27C/3.5(1993). – 1993. – 25 October - 16 November. [Электронный ресурс] – URL: <http://ulis2.unesco.org/images/0009/000956/095621E.pdf> (дата обращения: 09. 04. 2019).
61. Remarks by then Secretary of State John Kerry At “Threats to Cultural Heritage in Iraq and Syria Event”. Metropolitan Museum of Art. New York. – 2014. – September 22. [Электронный ресурс] – URL: <https://sy.usembassy.gov/kerry-threats-cultural-heritage-iraq-syria/> (дата обращения: 18 марта 2019).
62. Report of the International Conference “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria” UNESCO Headquarters, Paris. – 2014. – 3 December [Электронный ресурс] – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232562e.pdf> (дата обращения: 18.11.2018).
63. Report of the UNESCO. Rapid Assessment mission to the World Heritage “Site of Palmyra” (Syrian Arab Republic), – 2016. – April 23-27. [Электронный ресурс] – URL: <https://whc.unesco.org/en/documents/142423> (дата обращения: 17. 01. 2020).
64. Resolution of the Customs Co-operation Council on the Role of Customs in Preventing Illicit Trafficking of Cultural Objects. – 2016. – July. [Электронный ресурс] – URL: http://www.wcoomd.org/~media/wco/public/global/pdf/about-us/legal-instruments/resolutions/resolution_cultural-objects.pdf?la=en (дата обращения: 08.04.2019).
65. Secretary-General, UNESCO Chief, Joint Special Representative Call for End to Destruction as Syria’s Cultural Heritage «Ripped to Shreds». [Электронный ресурс] – URL:

- <https://www.un.org/press/en/2014/sg2204.doc.htm> (дата обращения: 18.02.2019).
66. Speech by Italian Minister of Culture and Tourism Dario Franceschini at the opening of UNESCO's 39th General Conference: «Safeguarding heritage means protecting humanity, its values, identity, history and beauty» // Rappresentanza permanente d'Italia presso L'UNESCO – 2017. [Электронный ресурс] – URL: <https://delegazioneunesco.esteri.it/rappunesco/en/ambasciata/news/dalla%20rappresentanza/2017/11/unesco-franceschini-subito-componente.html> (дата обращения: 11.04.2019).
67. Statement by the High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the situation in Palmyra. – 2015. – May 21. [Электронный ресурс] – URL: https://eeas.europa.eu/regions/middle-east-north-africa-mena/3359/statement-high-representativevice-president-federica-mogherini-situation-palmyra_en (дата обращения: 15.02.2019).
68. Statement by UN Secretary-General Ban Ki-moon at International Conference on “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria”. – 2014. – 3 December. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_93c47ee8-0f0d-4d26-bc47-5d3a59af4da3?_=232562eng.pdf (дата обращения: 18 марта 2019).
69. Statement by UNESCO Director-General Irina Bokova at International Conference on “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria”. – 2014. – 3 December. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_93c47ee8-0f0d-4d26-bc47-5d3a59af4da3?_=232562eng.pdf (дата обращения: 18.03.2019).
70. The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. Judgment and Sentence. – 2016. – September 27. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icc->

cpi.int/CourtRecords/CR2016_07244.PDF (дата обращения: 20 марта 2019).

71. Una relazione sulla lotta al traffico di beni culturali e sulle capacità della Task Force italiana “Unite4Heritage” (i “Caschi blu della Cultura”) da 1 Comandante Carabinieri Tutela Patrimonio Culturale il 24 marzo 2017 in occasione della 7907a riunione del Consiglio di Sicurezza dell’ONU sul tema “Maintenance of International Peace and Security: destruction of cultural heritage by terrorist groups and in situations of armed conflict”. [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.7907> (дата обращения 11.04.2019).

Монографии и сборники статей

72. Анолли Л. Психология культуры / Л. Анолли // Харьков: Издательство Гуманитарный центр, 2016. – 480 с.
73. Бажанов, Е.П. Многополюсный мир / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова. – М.: Восток-Запад, 2010. – 464 с.
74. Бажанов, Е.П. Международные отношения в XXI веке / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова. – М.: Восток-Запад, 2011. – 168 с.
75. Бажанов, Е.П. Диалог и столкновение цивилизаций / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова. – М.: Весь мир, 2013. – 272 с.
76. Барабанов О.Н. Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М.: МГИМО (Университет); РОССПЭН, 2002. – 160 с.
77. Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России / А.Д. Богатуров. – М., 2017. – 480 с.
78. Громыко, А.А. Европа XXI века. Новые вызовы и риски / А.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Фёдоров и др. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 584 с.
79. Громыко, А.А. О насущном: Европа и современный мир. / А.А. Громыко. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 232 с.

80. Жильцов, С.С. Политика России в каспийском регионе / С.С. Жильцов. – М.: Аспект пресс, 2016. – 240 с.
81. Закаурцева, Т.А. (гл. ред.) Вопросы теории и истории международных отношений / Под ред. Т.А. Закаурцевой. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2010. – 300 с.
82. Зонова, Т.В. История внешней политики Италии. / Т.В. Зонова // М.: Международные отношения, 2016. – 352 с.
83. Иванов, О.П. Военная сила в глобальной стратегии США / О.П. Иванов. – М.: Восток-Запад, 2008. – 200 с.
84. Карпович, О.Г., Ногмов, А.М., Шангараев, Р.Н. Политика России и США в области противодействия международному терроризму / О.Г. Карпович, А.М. Ногмов, Р.Н. Шангараев. – М., 2019. – 334 с.
85. Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография / А. П. Романова и др. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2017. – 356 с.
86. Маслова, Е.А. Внешняя политика Италии: (1994–2011 гг.): монография / Е.А. Маслова; под ред. Т.В. Зоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 313 с.
87. Мировая политика в фокусе современности / Под ред. М.А. Неймарка. – М.: Дашков и К°, 2018. – 515 с.
88. Мозель, Т.Н. Теоретические основы международных отношений / Т.Н. Мозель. – М., Научная книга, 2000. – 263 с.
89. Неймарк, М.А. «Мягкая сила» в мировой политике / М.А. Неймарк. – М.: Дашков и К°, 2017. – 272 с.
90. Россия и современный мир / Под ред. М. Неймарка. – Москва: Канон+, 2016. – 510 с.
91. Современный мир и геополитика / Под ред. М. Неймарка. – Москва: Канон+, 2015. – 446 с.

92. Табаринцева-Романова, К.М. Культурная политика и дипломатия Европейского союза / К.М. Табаринцева-Романова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – 110 с.
93. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2008. – 637 с.
94. Хрусталеv, М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза / М.А. Хрусталеv. – М., 2018. – 224 с.
95. Шутов А.Д. На руинах великой державы или Агония власти (1991-2003 гг.) / А.Д. Шутов. – М.: Вече, 2004. – 432 с.
96. Штоль, В.В. Армия «Нового мирового порядка» / В.В. Штоль. – Москва: ОГИ, 2010. – 384 с.
97. XXI век: перекрестки мировой политики / Под ред. М. Неймарка. – М.: Канон+, 2014. – 424 с.
98. Ashworth, G.J., Graham, B., Tunbridge, J.E. Pluralizing Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies / G.J. Ashworth, B. Graham, J.E. Tunbridge. London: Pluto Press, 2007. – 248 p.
99. Baroncini, E. Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale / E. Baroncini. – Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche, 2019. – 383 p.
100. Buzan, B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / B. Buzan. – Boulder: Lynne Rienner, 1991. – 311 p.
101. Buzan, B., Hansen, L. The evolution of international security studies / B. Buzan, L. Hansen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 384 p.
102. Buzan, B., Lawson, G. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations. / B. Buzan, G. – New York: Cambridge University Press, 2015. – 426 p.

103. Buzan, B., Waever, O., Wilde J. D. Security: a New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. D. Wilde. – Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. – 240 p.
104. Foliant, Y. Cultural Property Protection Makes Sense: A Way to Improve Your Mission / Y. Foliant // Civil-Military Cooperation Centre of Excellence (CCOE), 2015. – 75 p.
105. Ignazi, P., Giacomello, G., Coticchia, F. Italian Military Operations Abroad: Just Don't Call It War / P. Ignazi, G. Giacomello, F. Coticchia. – Palgrave Macmillan, 2012. – 265 p.
106. Lowenthal, D. Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History / D. Lowenthal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 338 p.
107. Paola Azzario Chiesa, M. L'Italia per l'Unesco. 50 anni della Commissione italiana / M. Paola Azzario Chiesa. – Armando editore, 1 collana I libri dell'Unesco, 1999. – 96 p.
108. Smit, A.D. Ethno-Symbolism and Nationalism. A cultural Approach / A.D. Smit. – London/New York: Routledge. – 184 p.
109. Theories of International Relations / S. Burchill [et al.]. – London: MacMillan Press Ltd., 2005. – 310 p.

Научные статьи

110. Авилова, А. Италия: время перемен / А. Авилова // Год планеты. – 2018. С. 234-249.
111. Авилова, А. Италия на пороге ЕС: выйти или остаться? / А. Авилова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 11. – С. 132-149.
112. Акопов, С.В., Прошина, Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных» / С. В. Акопов, Е. М. Прошина // Власть. – 2011. – № 1. – С. 89 - 92.

113. Алексеевкова Е.С. Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС / Е.С. Алексеевкова // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – №1 (7). – С.36-42.
114. Алексеевкова Е.С. «Via della seta»: Италия присоединилась к «Инициативе пояса и пути» КНР / Е.С. Алексеевкова // Аналитические записки ИЕ РАН. – 2019. – №7 (158). – 7 с.
115. Арбатова, Н.К. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 10. – С. 57-65.
116. Арбатова, Н.К. Европеизм и атлантизм как две опоры внешней политики Италии / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №3. – С. 28-38.
117. Арбатова, Н.К. Италия / Н.К. Арбатова // В сборнике: ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран // Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. – 2016. – С. 36-40.
118. Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? / Н.К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 36-52.
119. Ашавский, Б.М. Суверенитет и возможность правомерного вмешательства во внутренние дела государств / Б. М. Ашавский // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. 94. Серия 2: Юридические науки. – 2016. – № 1(8). – С. 16-22.
120. Барабанов, О.Н. Италия в контексте евроинтеграционных процессов // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь мир. – 2011. – С. 215-243.

121. Барабанов, О.Н. Тенденции развития региональной политики Италии / О.Н. Барабанов // Вестник МГИМО. – 2012. – №1 (22). – С. 61-67.
122. Барабанов, О.Н. Эволюция регионов Италии как акторов мировой политики / О.Н. Барабанов // Полис. – 2005. – №4. – С.99-108.
123. Барабанов, О.Н. Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь мир, 2011. – С. 135-161.
124. Бартенев, В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса / В.И. Бартенев // Вестник международных организаций. – 2011. – № 3 (34). – С. 37-50.
125. Воробьева, Ю. В. Внешняя культурная политика Италии в контексте стратегических дилемм Ф. Матарассо и Ч. Лэндри / Ю.В. Воробьева // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2017. – №3 (13). – С. 65-78.
126. Воробьева, Ю. В. Инициатива Итальянской Республики по внедрению концепции «культурного миротворчества»: перспективы и вызовы / Ю.В. Воробьева // Научно-аналитический журнал «Вестник молодых ученых-международников». – 2019. – №1 (7). – С.87-93.
127. Воробьева, Ю.В. Кристаллизация культурной идентичности Италии в условиях европейского миграционного кризиса / Ю.В. Воробьева // Международная жизнь. – 2019. – №3. – С.73-86.
128. Воробьева, Ю.В. Политика по продвижению итальянского языка как ресурса «мягкой силы» Итальянской Республики / В сборнике «Язык как фактор культурной дипломатии» / Отв. ред. Коптелова И.Е. Дипломатическая академия МИД России. – 2017. – С. 37-42.
129. Воробьева, Ю. В. Роль Итальянской Республики в деятельности ЮНЕСКО по обеспечению культурной безопасности / Ю.В. Воробьева

- // В сборнике: Актуальные проблемы мировой политики. Сборник статей по материалам V ежегодной международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. Н.А.Фаустова. - М.: Совет молодых ученых Дипломатической академии МИД России, 2020. - 171 с. С. 36-42.
130. Воробьева, Ю.В. Роль Итальянской республики в развитии и укреплении международного режима защиты культурных ценностей / Ю.В. Воробьева // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – №4 (18). – С. 93-110.
131. Воробьева, Ю. В. Роль культуры во внешней политике Итальянской Республики / Ю.В. Воробьева // Дипломатическая служба. – 2018. – №2. – С. 67-72.
132. Воробьева, Ю. В. Роль культуры в концепции «Система Италия» – инновационной политике Итальянской Республики по продвижению страны за рубежом / Ю.В. Воробьева // Научно-аналитический журнал «Вестник молодых ученых-международников». – 2017. – №1. – С. 85-93.
133. Воробьева Ю.В. Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия / Ю.В. Воробьева // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Том 7. – №2. – С.154-170.
134. Гаврилова, С.М., Закаурцева, Т.А. Культурно-социальная интеграция мигрантов в Европейском союзе / С.М. Гаврилова, Т.А. Закаурцева //Международная жизнь. – 2016. – № 8. – С. 99-114.
135. Гаврилова, С.М. Политика Италии на Ближнем Востоке и в Северной Африке / С.М. Гаврилова // Актуальные проблемы международных отношений XXI веке. Материалы международной конференции. – 2017. – С. 261-274.
136. Гаврилова, С.М. Пятая Республика и политика разрядки / С.М. Гаврилова // Международная жизнь. – 2016. – № 10. – С. 176-179.

137. Гаврилова С.М. Российско-итальянский диалог в эпоху перемен / С.М. Гаврилова // Дипломатическая служба. – 2017. – № 2(71). – С. 11-21.
138. Гаврилова, С.М. Российско-итальянские отношения на рубеже XX - XXI веков / С.М. Гаврилова // Новая и Новейшая история. – 2017. – № 1. – С. 206-217.
139. Гаврилова, С.М. Россия и Италия: положительный опыт сотрудничества / С.М. Гаврилова // Современная политика и международные отношения. Сборник статей / Под общей ред. М.А. Кукарцевой, М.В. Грановской. – Москва: «Канон+», 2016. – С. 118-124.
140. Гласер, М.А., Сурма, И.В. Rationality in political discourse: modifications of the latter as triggers and drivers of the world politics / М.А. Гласер, И.В. Сурма // Tamkang Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 21. – № 2. – С. 1-55.
141. Громыко, А.А. Об особняке Берга и советско-итальянских отношениях в воспоминаниях А.А. Громыко / А.А. Громыко // 1918-2018 Век истории в особняке Берга / Под ред. Р. Алонци, Е.А. Масловой. – М.: Посольство Италии в Москве, Институт Европы РАН. – 2019. – С. 290-295.
142. Громыко, А.А. Безопасность через сотрудничество: истинный смысл / А.А. Громыко // Международная жизнь: Ежемесячный журнал: Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. – 2011. – № 7. – С. 24 – 26.
143. Жильцов, С.С. «Мягкая сила» в мировой политике / С.С. Жильцов // Современная Европа. – 2018. – № 2(81). – С. 152-156.
144. Закаурцева, Т.А. Россия и НАТО: новая парадигма отношений / Т.А. Закаурцева, О.П. Иванов // в книге: Россия и современный мир. – М., 2016. – С. 44-59.

145. Зверева Т.В. Миграционный кризис ЕС и его последствия / Т.В. Зверева // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2016. – №1-2. – С. 39-43.
146. Зверева, Т.В. О референдумах в Европейском союзе / Т.В. Зверева // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 4(10). – С. 45-57.
147. Зверева, Т.В. Средиземноморский проект Парижа / Т.В. Зверева // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №8. – С. 56-66.
148. Зонова, Т.В. Дипломатическая служба Италии / Т.В. Зонова // Дипломатическая служба зарубежных стран // Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – С.79-97.
149. Зонова, Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии / Т.В. Зонова // Научный диалог. – 2015. – Т.1. – № 37. – С. 130-138.
150. Зонова, Т.В. Партийная система Италии / Т.В. Зонова // Актуальные проблемы Европы. – 2018. – №2. – С. 156-176.
151. Иванов, О.П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов / О. П. Иванов // Россия и мир. – 2016. – №3. – С. 30–48.
152. Карпович, О.Г. Информационные войны в политике и конкуренции современных государств / О.Г. Карпович // Информационные войны. – 2017. – Т. 4. – №44. – С. 2-8.
153. Карпович, О.Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений/ О.Г. Карпович // Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 119-128.
154. Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. Теория международных отношений: Канун новых «великих дебатов»? / В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С.66-78.

155. Кукарцева, М.А. Историческая память, историческая культура и формирование социокультурной идентичности / М. А. Кукарцева // Диалог культур в условиях глобализации. Бакинский форум. – М.: Канон+. – 2012. – С. 357–361.
156. Кукарцева, М.А. Грановская, М.В. Фантазия и реальность в политическом мышлении современной Европы / М.А. Кукарцева, М.В. Грановская // Власть. – 2016. – №7. С. 144-148.
157. Кукарцева, М.А. Рациональность и коммуникация / М.А. Кукарцева // Государственное управление. – 2016. – № 55. – С. 150–169.
158. Лебедева, М.М. Потенциал российской публичной дипломатии / М.М. Лебедева // Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – 2018. – С.102-104.
159. Любин В.П. Беппе Грилло и «Движение пяти звезд» как феномен итальянской политики // Италия в начале XXI века (сборник статей по итогам конференции) / Отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашнин. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 43-51.
160. Любин, В.П. Политическая и историческая культура: перемены последнего десятилетия // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоной. – М.: Весь мир, 2011. – С. 69-81.
161. Маслова, Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» / Е.А. Маслова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Vol. 10. – №1. – С. 141-157.
162. Маслова, Е.А. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы // отв. ред. Е.А. Маслова // Доклад Института Европы РАН. – 2018. – № 349. – С. 107.

163. Маслова, Е.А. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I. // Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина // Доклад Института Европы РАН. – 2017. – № 340. – С. 117.
164. Маслова, Е.А. Италия: от Второй Республики к Третьей? // Под ред. Е.А. Масловой // Доклад Института Европы РАН. – 2015. – № 316. – С. 127.
165. Маталаева, Ф. Э. Секьюритизация международной миграции в Европе / Ф.Э. Маталаева // Обозреватель. – 2017. – № 2 (325). – С.45–57.
166. Миронова, Т. М. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия / Т. М. Миронова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С.41–48.
167. Морозов, В. Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации / В. Е. Морозов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 24-35.
168. Мустафабейли, А.М. «Мягкая сила» в борьбе с террором / А.М. Мустафабейли // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – №2. – С. 26-40.
169. Неймарк, М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля / М.А. Неймарк // Обозреватель-Observer. – 2016. – №1. – С.31-42.
170. Неймарк, М.А. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике / М.А. Неймарк // Обозреватель. – 2016. – № 2. – С.67-77.
171. Семененко, И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века / И.С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 5. – С.16-32.
172. Табаринцева-Романова, К.М. Культура и образование ЕС: «Эволюция, а не революция» / К.М. Табаринцева-Романова // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2019. – № 94. – С. 64-67.

173. Цыганков, П.А. Теория международных отношений: внешние вызовы и российское понимание своего пути / П.А. Цыганков // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 6(57). – С.79-85.
174. Холодковский, К.Г. Партийно-парламентская система первой республики в Италии: историческая обусловленность и кризис / К.Г. Холодковский // Эволюция политически институтов на Западе: сб. статей. – М.: ИМЭМО, 1999. – С. 4-16.
175. Холодковский, К.Г. Провал конституционной реформы в Италии / К.Г. Холодковский // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 6. – С. 41-47.
176. Шутов, А.Д. Теория и практика современной мировой политики / А.Д. Шутов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1(15). – С. 153-159.
177. Balzacq, T. The Policy Tools of Securitization: Information Exchange, EU Foreign and Interior Policies / T. Balzacq // JCMS: Journal of Common Market Studies. – 2008. – Vol. 46. – №1. – P. 75-100.
178. Balzacq, T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context / T. Balzacq // The European Journal of International Relations. – 2005. – Vol.11. – №2. – P.171-201.
179. Booth, K. Security and emancipation / K. Booth // Review of International Studies. – 1991. – Vol. 17. – № 04. – P. 313–326.
180. Borgstede, G.J., Jason Y. Notions of Cultural Continuity and Disjunction in Maya Social Movement and Maya Archaeology / M. Liebmann, U. Z. Rizvi (eds.) // Archaeology and the Postcolonial Critique. – 2008. – AltaMira Press: Lanham-Plymouth. – P. 91-108.
181. Bren, W. Terrorists and Antiquities: Lessons Learned from the Destruction of the Bamiyan Buddhas, Current ISIS Aggression, and a Proposed Framework for Cultural Property Crimes / W. Bren // 34 Cardozo Arts & Entertainment Law Journal. – 2016. – Vol. 34. – №1. – P. 215-247.

182. Falser, M. The Bamiyan Buddhas, performative iconoclasm and the 'image' of heritage / S. Giometti, A. Tomaszewski (eds.) // *The Image of Heritage. Changing Perception, Permanent Responsibilities. Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation and Restoration* (Florence, 6–8 March 2009). – Firenze, 2011. P. 157–169.
183. Flood, F.B. Between Cult and Culture: Bamiyan, Islamic Iconoclasm, and the Museum / F.B. Flood // *The Art Bulletin*. – 2002. – Vol. 84. – № 4. – P. 641-659.
184. Foradori, P. Cops in Foreign Lands: Italy's Role in International Policing / P. Foradori // *Journal International Peacekeeping*. – 2018. – Vol. 25. – № 4. – P. 497-527.
185. Foradori, P. Protecting cultural heritage during armed conflict: The Italian contribution to 'cultural peacekeeping' / P. Foradori // *Modern Italy*. – 2017. – Vol. 22. – № 1. – P. 1-17.
186. Foradori, P., Giusti, S., Lamonica, A. Reshaping Cultural Heritage Protection Policies at a Time of Securitisation: France, Italy, and the United Kingdom / P. Foradori, S. Giusti, A. Lamonica // *The International Spectator*. – 2018. – Vol. 50. – № 3. – P. 86-101.
187. Foradori, P., Rosa, P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies / P. Foradori, P. Rosa // *Global Change, Peace & Security*. – 2017. – Vol. 29. – № 2. – P. 145-160.
188. Francioni, F., Lenzerini, F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // F. Francioni, F. Lenzerini // *European Journal of International Law*. – 2003. – Vol. 14. – №4. – P. 619-651.
189. Chechi, A. Non-State Actors and Cultural Heritage: Friends or Foes? / A. Chechi // *Anuario de la Facultad de Derecho de la Universidad Autónoma de Madrid*. – 2015. – №19. – P. 457-479.

190. Gori, M. The Stones of Contention: the role of archaeological heritage in Israeli-Palestinian conflict / M. Gori // *Archaeologies: Journal of the World Archaeological Congress*. – 2013. – Vol. 9. – №1. – P. 213-229.
191. Goulding, C., Domic, D. Heritage, identity and ideological manipulation: The case of Croatia / C. Goulding, D. Domic // *Annals of Tourism Research*. – 2009. – Vol.36. – №1. – P. 85-102.
192. Graham, B., Howard, P. Heritage and Identity / B. Graham, P. Howard // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* Routledge. – Ashgate Publishing, Ltd. – 2008. – P.1-15.
193. Guzzini, S. Securitization as a causal mechanism / S. Guzzini // *Security Dialogue*. – 2011. – Vol. 42. – № 4–5. – P. 329–341.
194. Hall, S. A chi serve l'identità? / C. Bianchi, C. Demaria, S. Nergaard // *Spettri del Potere: ideologia, identità, traduzione negli studi culturali*. – 2002. – Roma: Meltemi. P. 129-154.
195. Hamilakis, Y. The “War on Terror” and the Military – Archaeology Complex: Iraq, Ethics, and Neo-Colonialism / Y. Hamilakis // *Archaeologies: The Journal of the World Archaeological Congress*. – 2009. – Vol.5. – №1. – P. 39-65.
196. Hansen, L. The Little Mermaid’s Silent Security Dilemma and the Absence of Gender in the Copenhagen School / L. Hansen // *Journal of International Studies*. – 2000. – Vol. 29. – №2. – P. 285-306.
197. Jakubowski, A. Resolution 2347: Mainstreaming the protection of cultural heritage at the global level / A. Jakubowski // *Questions of International Law*. – 2018. – Vol.48. – P. 21-44.
198. Kila, J. D., Herndon, C.V. Military Involvement in Cultural Property Protection: An Overview / J. D. Kila, C. V. Herndon // *Joint Force Quarterly*. – 2014. – Vol.74. – №3. – P. 116-123.
199. Knudsen, O. Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization / O. Knudsen // *Security Dialogue*. – 2001. – Vol. 32. – № 3. – P. 355-368.

200. Lanzoni, N. La distruzione dei Buddha di Bamiyan: una retrospettiva / E. Baroncini // Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale. – Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche. – 2019. – P. 51-73.
201. Laustsen, C. B., Waever O. In Defence of Religion: Sacred Referent Objects for Securitization / C. B. Lausten, O. Waever // Millennium: Journal of International Studies. – 2000. – Vol. 29. – № 3. – P. 705-739.
202. Longo, N. La diplomazia italiana presso L'UNESCO / E. Baroncini // Il diritto internazionale e la protezione del patrimonio culturale mondiale. – Bologna: Dipartimento di Scienze Giuridiche, 2019. – P. 273-291.
203. Mackenzie, S., Green, P. Criminalising the Market in Illicit Antiquities. An Evaluation of the Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003 in England and Wales / S. Mackenzie, P. Green // Criminology and Archaeology: Studies in Looted Antiquities. Hart Publishing, 2009. P. 14 – 56.
204. Manacorda, S. Criminal Law Protection of Cultural Heritage: An International Perspective / S. Manacorda, D. Chappell (eds.) // Crime in the Art and Antiquities World. Illegal Trafficking in Cultural Property. – New York: Springer. – 2011. – P.17-48.
205. McSweeney, B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen School / B. McSweeney // Review of International Studies. – 1996. – Vol. 22. – № 1. – P. 81–93.
206. Meszell, L. UNESCO's World heritage Convention at 40: challenging the economic and political order of International Heritage Conservation / L. Meszell // Current Anthropology. – 2013. – Vol. 54. – № 4. – P. 483-494.
207. Mearsheimer, J. The false promise of international institutions / J. Mearsheimer // International Security. – 1994/1995. – Vol. 19. – № 3. – P. 5-49.
208. Mucci, F. Intentional destruction of cultural heritage by ISIS: the reaction of the International Community against this specific aspect of the

- aggression to peace and human rights / F. Mucci // *Processi di pace e dignità umana*. – 2016. – Vol. 2. – № 1. – P. 1-15.
209. Nucera G.G. Il Memorandum d'intesa tra il Governo italiano e l'UNESCO per l'istituzione di una Task Force per la protezione dei beni culturali / G.G. Nucera // *Ordine internazionale e diritti umani*. – 2016. – № 1. – P. 210-214.
210. Nye, J.S. Collective economic security / J.S. Nye // *International Affairs*. – 1974. – Vol. 50. – № 4. – P. 584–598.
211. O'Keefe, R. World Cultural Heritage: Obligations to the International Community as a Whole? / R. O'Keefe // *International & Comparative Law Quarterly*. – 2004. – Vol. 53. – № 1. – P. 189-209.
212. Paris, R. International peacebuilding and the 'mission civilisatrice' / R. Paris // *Review of International Studies*. – 2002. – Vol. 28. – P. 637–656.
213. Peckham R. S. Introduction: The Politics of Heritage and the Public Culture / R.S. Peckham // *Rethinking Heritage: Cultures and Politics in Europe*. – 2003. – London: I. B. Tauris. P. 1-13.
214. Russo, A., Giusti, S. The securitisation of cultural heritage / A. Russo, S. Giusti // *International Journal of Cultural Policy*. – 2019. – Vol. 25. – № 7. – P. 843-857.
215. Roe, P. Securitization and Minority Rights: Conditions of Desecuritization / P. Roe // *Security Dialogue*. – 2004. – Vol. 35. – № 3. – P. 284-285.
216. Tuchman, J. Redefining security / J. Tuchman // *Foreign Affairs*. – 1989. – № 68. – P. 162-177.
217. Turku, H. When Cultural Property Becomes a Tool of Warfare: Law, Politics, and International Security / H. Turku // *Inter Gentes*. – 2017. – Vol. 1. – № 2. – P. 3-23.
218. Ullman, R.H. Redefining security / R.H. Ullman // *International Security*. – 1983. – Vol. 8. – № 1. – P. 129-153.

219. Van der Auwera, S. Contemporary Conflict, Nationalism, and the Destruction of Cultural Property During Armed Conflict: A Theoretical Framework / S. Van der Auwera // *Journal of Conflict Archaeology*. – 2012. – Vol. 7. – № 1. – P. 49-65.
220. Van der Auwera, S. International Law and the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict: Actual Problems and Challenges / S. Van der Auwera // *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. – 2013. – Vol. 43. – № 4. – P. 175-190.
221. Viejo-Rose, D., Sorensen, M.L.S. Cultural Heritage and Conflict: new questions for an old relationship / E. Waterton, S. Watson (eds.) // *A Companion to Contemporary Heritage Research*. – 2015. – Basingstoke & NY: Palgrave MacMillan. P. 281-296.
222. Waever, O. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on postsovereign security orders / M. Kelstrup, M. Williams // *International Relations Theory and the Politics of European Integration: Power, Security and Community*. – London: Routledge, 2000. P. 250-294.
223. Waever, O. Securitisation and Desecuritisation / O. Waever // *On Security* / ed.: R. D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46-86.
224. Walt, S.M. The renaissance of security studies / S.M. Walt // *International Studies Quarterly*. – 1991. – Vol. 35. – № 2. – P. 211–239.
225. Wangkeo, K. Monumental Challenges: The Lawfulness of Destroying Cultural Heritage During Peacetime / K. Wangkeo // *Yale Journal of International Law*. – 2003. – Vol. 28. – № 1. – P. 183-274.
226. Williams, M.C. Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics / M.C. Williams // *International Studies Quarterly*. – 2003. – Vol. 47. – № 4. – P. 511-531.
227. Wolfers, A. "National security" as an ambiguous symbol / A. Wolfers // *Political Science Quarterly*. – 1952. – Vol. 67. – № 4. – P. 481–502.

228. Zan, L., Lusiani, M. Managing Machu Picchu: institutional settings, business model and master plans / L. Zan, M. Lusiani // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. – 2011. – Vol.1. – №2. – P.157-176.

Периодические издания

229. 6 объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, разрушенных за время войны в Сирии [Электронный ресурс] // Islam Today. – 2016. – 18 марта – URL: <https://islam-today.ru/novosti/2016/03/18/6-obektov-vsemirnogo-nasledia-unesco-razrusennyh-za-vrema-vojny-v-sirii-foto/> (дата обращения: 04. 02. 2019).
230. Арабские страны совместно с ЮНЕСКО готовы защищать от уничтожения и разграбления культурное и исторические наследие Ближнего Востока [Электронный ресурс] // Императорское Православное Палестинское Общество. – URL: <http://www.ippo.ru/world/article/arabskie-strany-sovmestno-s-yunesko-gotovy-zaschis-307146> (дата обращения: 16.04.2019).
231. В ожидании варваров: памятники всемирного наследия под угрозой уничтожения. [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/spec/bamiyan> (дата обращения: 12. 02. 2019).
232. Италия и ЮНЕСКО создадут спецгруппу по защите культурного наследия. [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – 16 февраля. – URL: <https://ria.ru/world/20160216/1375419507.html> (дата обращения: 08.03.2017).
233. Любимый ястреб дома Асадов. Как воюют военно-воздушные силы Сирии. [Электронный ресурс] // Лента. – 2016. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/28/syriansky/> (дата обращения: 01.12.2018).

234. На конференции в Абу-Даби Генеральный директор призвала страны подтвердить приверженность защите наследия, находящегося под угрозой. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/in_abu_dhabi_unesco_director_general_calls_for_renewed_commitment/ (дата обращения: 11.04.2019).
235. Смирнов А. Ускользящая красота / А. Смирнов // Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ» – 2017. – 9 февраля. №24. С. 15.
236. Создана организация для защиты культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов. [Электронный ресурс] // Buro – Режим доступа: <https://www.buro247.ru/news/culture/21-mar-2017-aliph.html> (дата обращения: 11.03.2019).
237. США и Израиль вышли из ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Euronews. – 2018. – 31 декабря. – URL: <https://ru.euronews.com/2018/12/31/soedinennye-shtaty-israel-vyshli-iz-iunesko> (дата обращения: 15.11.2019).
238. Тимбукту: исламисты разрушают древние мавзолеи. [Электронный ресурс] // Голос Америки. – 2012. – 3 июля – URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/mali-timbuktu/1353005.html> (дата обращения: 08.12.2019).
239. Caschi blu della cultura, incontro ad Aquileia. [Электронный ресурс] / Udine Today. – URL: <http://www.udinetoday.it/eventi/caschi-blu-della-cultura-incontro-con-il-comandante-carabinieri-tpc-ad-aquileia-venerdi-8-settembre-ore-18.htm> (дата обращения: 30.06.2018).
240. French President François Hollande Takes Action Against ISIS Trade in Looted Antiquities [Электронный ресурс] // Artnet News. – 2015. – November 18. – URL: <https://news.artnet.com/art-world/france-asylum-isis-antiquities-366293> (дата обращения: 17.02.2019).

241. Heritage sites in northern Mali placed on List of World Heritage in Danger [Электронный ресурс] // UNESCO. – 2012. – URL: <http://whc.unesco.org/en/news/893> (дата обращения: 08.12.2019).
242. Indiana Joneses run hi-tech race against Islamic State. [Электронный ресурс] // BBC. – 2015. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-33262530> (дата обращения: 08.12. 2019).
243. ISIS pericolo per le opere d'arte dell'umanità: all'ONU l'Italia leader nella protezione. [Электронный ресурс] // La Voce di New York. – URL: <http://www.lavocedinewyork.com/onu/2015/12/17/isis-pericolo-per-le-opere-darte-dellumanita-allonu-litalia-leader-nella-protezione/> (дата обращения: 11.04.2019).
244. Israel's antiquities chief compares UNESCO to Islamic State [Электронный ресурс] // The Times of Israel. – 2016.– October 20. – URL: <https://www.timesofisrael.com/antiquities-chief-compares-unesco-to-islamic-state> (дата обращения: 14.11.2019).
245. L'ONU proteggerà il patrimonio culturale dei paesi in conflitto [Электронный ресурс] // La voce di New York. – URL: <https://www.lavocedinewyork.com/onu/2017/03/25/lonu-proteggera-il-patrimonio-culturale-dei-paesi-in-conflitto/> (дата обращения: 30.06.2018).
246. Press conference by UNESCO Director-General Irina Bokova. [Электронный ресурс] // UN. – 2015. – 27 February. – URL: <http://www.un.org/News/dh/pdf/english/2015/27022015.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).
247. Renzi: "La sicurezza è un problema culturale ed educativo", [Электронный ресурс] // RAI News. – 2015. – 17 Marzo. – URL: <http://www.rainews.it/dl/rainews/media/Renzi-sicurezza-problema-culturale-ed-educativo-9353fdac-a60c-4184-8d7d-1fad91f910bc.html> (дата обращения: 19.05. 2019).
248. Secretary-General Outraged by Continued Destruction of Iraqi Cultural Sites, Calls for Swift International Action to Hold Perpetrators

- Accountable. [Электронный ресурс] – 2015. – March 8. – URL: <https://www.un.org/press/en/2015/sgsm16576.doc.htm> (дата обращения: 15.02.2019).
249. Timbuktu Residents Reject Islamists' Reason for Destroying Shrines [Электронный ресурс] // Voice of America. – 2012. – July 03. – URL: <https://www.voanews.com/africa/timbuktu-residents-reject-islamists-reason-destroying-shrines> (дата обращения: 09.12.2019).
250. Timbuktu shrine destruction “a war crime” [Электронный ресурс] // Telegraph. – 2012. – 2 July. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/mali/9369271/Timbuktu-shrine-destruction-a-war-crime.html> (дата обращения: 09.12.2019).
251. Time Is of The Essence To Save Ancient Syrian Sites, And The UN Is Considering ‘Monuments Men’. [Электронный ресурс] // Thinkprogress. – 2015. – URL: <https://thinkprogress.org/time-is-of-the-essence-to-save-ancient-syrian-sites-and-the-un-is-considering-monuments-men-825b78b91b5c/> (дата обращения: 03.12.2018).
252. Traffico illecito di opere d'arte: restituiti 594 dipinti ex voto al Messico. [Электронный ресурс] // L'Informatore. – URL: <https://www.informatorevigevanese.it/cronaca/2019/03/06/gallery/carabinieri-traffico-illecito-opere-arte-messico-ministro-bonisoli-542757/> (дата обращения 11.04.2019 г.).
253. U.N. Confirms Destruction of Afghan Buddhas [Электронный ресурс] // ABC News. – 2001. – 12 March. – URL: <https://abcnews.go.com/International/story?id=81406&page=1#.UA4FSrQe5TI> (дата обращения: 08.12. 2019).

Статьи в интернет-изданиях

254. Агапеева, К. Теория секьюритизации Барри Бузана [Электронный ресурс] / К. Агапеева // Информационно-аналитический портал

- «Геополитика». – 2012. – 06 августа. – URL: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-barri-buzana> (дата обращения: 12.01.2020).
255. Бабекин, Д.В. Культурные ценности – жертвы войны. Международно-правовые акты по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Электронный ресурс] / Д.В. Бабекин // Министерство культуры Российской Федерации – URL: http://www.lostart.ru/ru/studys/?ELEMENT_ID=1635 (дата обращения: 30.06.2018).
256. Баконга, К.Ф. Историческая резолюция для защиты культурного наследия [Электронный ресурс] / К.Ф. Баконга // Курьер ЮНЕСКО. – 2017. – № 3. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/yu3-2017/34152-istoricheskaya-rezolyuciya-dlya-zaschity-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 30.06.2018).
257. Востряков, Л.Е. Культурная политика: основные концепции и модели. [Электронный ресурс] / Л.Е. Востряков // Культура Архангельской области. – URL: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).
258. Дутли, М.Т. Правовые нормы в области защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Электронный ресурс] / М.Т. Дутли // Электронная библиотека Международного центра Рерихов. – URL: <http://lib.icr.su/node/2342> (дата обращения: 30.06.2018).
259. Разов, С.С. Считаю Италию приоритетным партнёром [Электронный ресурс] / С.С. Разов // Российский совет по международным делам. – 24 апреля 2020. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/schitaem-italiyu-prioritetnym-partnyerom/?sphrase_id=37788755 (дата обращения 30.05.2020).

260. Саймонс, Г. Кризис политических войн XXI века. Валдайская записка №105. [Электронный ресурс] / Г. Саймонс // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2019. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/28591/> (дата обращения 30.05.2020).
261. Сала, Д. В. Италия – новый проблемный ребёнок ЕС? [Электронный ресурс] / Д. В. Сала // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2019. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/italiya-problemnyy-rebyenok-es/> (дата обращения 30.05.2020).
262. Сапир, Ж. Евро против Европы. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс] / Ж. Сапир // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2017. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/14950/> (дата обращения 30.05.2020).
263. Шогунц, А. Между Италией и Евросоюзом растут противоречия [Электронный ресурс] / А. Шогунц // Российский совет по международным делам. – 18 мая 2020. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/mezhdu-italiey-i-evrosoyuzom-rastut-protivorechiya/?sphrase_id=37788755 (дата обращения 30.05.2020).
264. Arimatsu, L., Choudhury, M. Protecting Cultural Property in Non-International Armed Conflicts: Syria and Iraq [Электронный ресурс] / L. Arimatsu, M. Choudhury // Stockton Center for the Study of International Law. – 2015. – Vol. 91. – P. 641-698. – URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1412&context=ils>. (дата обращения: 01.12.2018).
265. Cuno, J. The Responsibility to Protect the World's Cultural Heritage [Электронный ресурс] / J. Cuno // The Brown Journal of World Affairs. – 2016. – Vol.23. – №1. – URL: <https://www.law.upenn.edu/live/files/6425-cuno-james-2016-responsibility-to-protect-the> (дата обращения: 30.06.2018).

266. Europe in Identity Crisis: The Future of the EU in the Age of Nationalism [Электронный ресурс] // Istituto per gli studi di politica internazionale. – December 2019. – URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispieuropecrisisweb3_1_1.pdf (дата обращения 30.05.2020).
267. Floyd, R. When Foucault met security studies: A critique of the 'Paris school' of security studies [Электронный ресурс] / R. Floyd. – 2006. – December 18-20. – URL: https://www.academia.edu/11683813/When_Foucault_met_security_studies_A_critique_of_the_Paris_school_of_security_studies (дата обращения: 09.12.2019).
268. Gallinella, G. I Caschi blu della cultura. Il ruolo italiano nel peacekeeping culturale [Электронный ресурс] / G. Gallinella // Istituto Affari Internazionali. – 2017. – URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1715.pdf> (дата обращения 30.05.2020).
269. Giordana, N. Leggi militari e beni culturali nei conflitti armati per difendere le nostre radici [Электронный ресурс] / N. Giordana // Difesa Online – URL: <http://www.difesaonline.it/evidenza/diritto-militare/leggi-militari-e-beni-culturali-nei-conflitti-armati-difendere-le-nostre> (дата обращения: 30.06.2018).
270. Leonard, S. Frontex and the Securitization of Migrants through Practices. The Migration Working Group Seminar [Электронный ресурс] / S. Leonard // European University Institute. – 2011. – 9 February. – URL: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/201011/SLeonardpaper.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).
271. Monitoraggio della sicurezza energetica italiana ed europea, n.28. Pubblicazioni per il Parlamento e il Ministero degli Affari Esteri. Osservatorio di politica internazionale [Электронный ресурс] // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. – 2017. – URL:

- <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/monitoraggio-della-sicurezza-energetica-italiana-ed-europea-n28-16554> (дата обращения 30.05.2020).
272. Pietz, T., Schmidtke, M. EU CSDP Missions and the Protection of Cultural Heritage [Электронный ресурс] / T. Pietz, M. Schmidtke // Istituto Affari Internazionali. – 2019 – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1963.pdf> (дата обращения 30.05.2020).
273. Ristoldo, F. Attacks against Cultural Property as a weapon of war: An exploratory case study [Электронный ресурс] / F. Ristoldo // IBEI. – 2016-2017. – URL: https://www.ibei.org/ibei_studentpaper34_105354.pdf (дата обращения: 04.02.2019).
274. Van der Aa, Bart J.M. Preserving the heritage of humanity? Obtaining world heritage status and the impacts of listing [Электронный ресурс] / Bart J.M. Van der Aa // University of Groningen. – 2005. – URL: <https://www.rug.nl/research/portal/files/9836835/c4.pdf> (дата обращения: 05.02.2019).
275. XI Rapporto sulla sicurezza in Italia e in Europa [Электронный ресурс] // Demos & Pi. – Febbraio 2019. – URL: http://www.demos.it/2019/pdf/49772019_rapporto_sicurezza_demos_unipolis.pdf (дата обращения 30.05.2020).

Диссертационные исследования:

276. Анисимов И.О. Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия: дисс. на соискание ученой степени канд. юр. наук: 12.00.10 / Анисимов Игорь Олегович. – М., 2015. – 223 с.
277. Атлангириев, И.И. Динамика развития внешней политики Италии в конце XX - начале XXI вв.: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 23.00.04 / Атлангириев, Имран Ималиевич. – М., 2008. – 196 с.

278. Видинеев Д.И. Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей.: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 12.00.10 / Видинеев Денис Игоревич. – М., 2017. – 233 с.
279. Клейменова, Т.Н. Развитие российско-итальянских отношений в гуманитарно-культурной сфере: 1994-2013 гг.: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 07.00.15 / Клейменова, Татьяна Николаевна. – М., 2013. – 181 с.
280. Лисицкий, А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 24.00.01 / Лисицкий, Андрей Викторович. – М., 2004. – 151 с.
281. Цыкало, А.В. Основные направления внешней политики Итальянской Республики на современном этапе: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 23.00.04 / Цыкало, Алла Витальевна. – М., 2006. – 198 с.
282. Шибкова, М.О. Фактор евроскептицизма в международной деятельности итальянских политических партий: дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук: 23.00.04 / Шибкова, Мария Олеговна. – М., 2018. – 243 с.